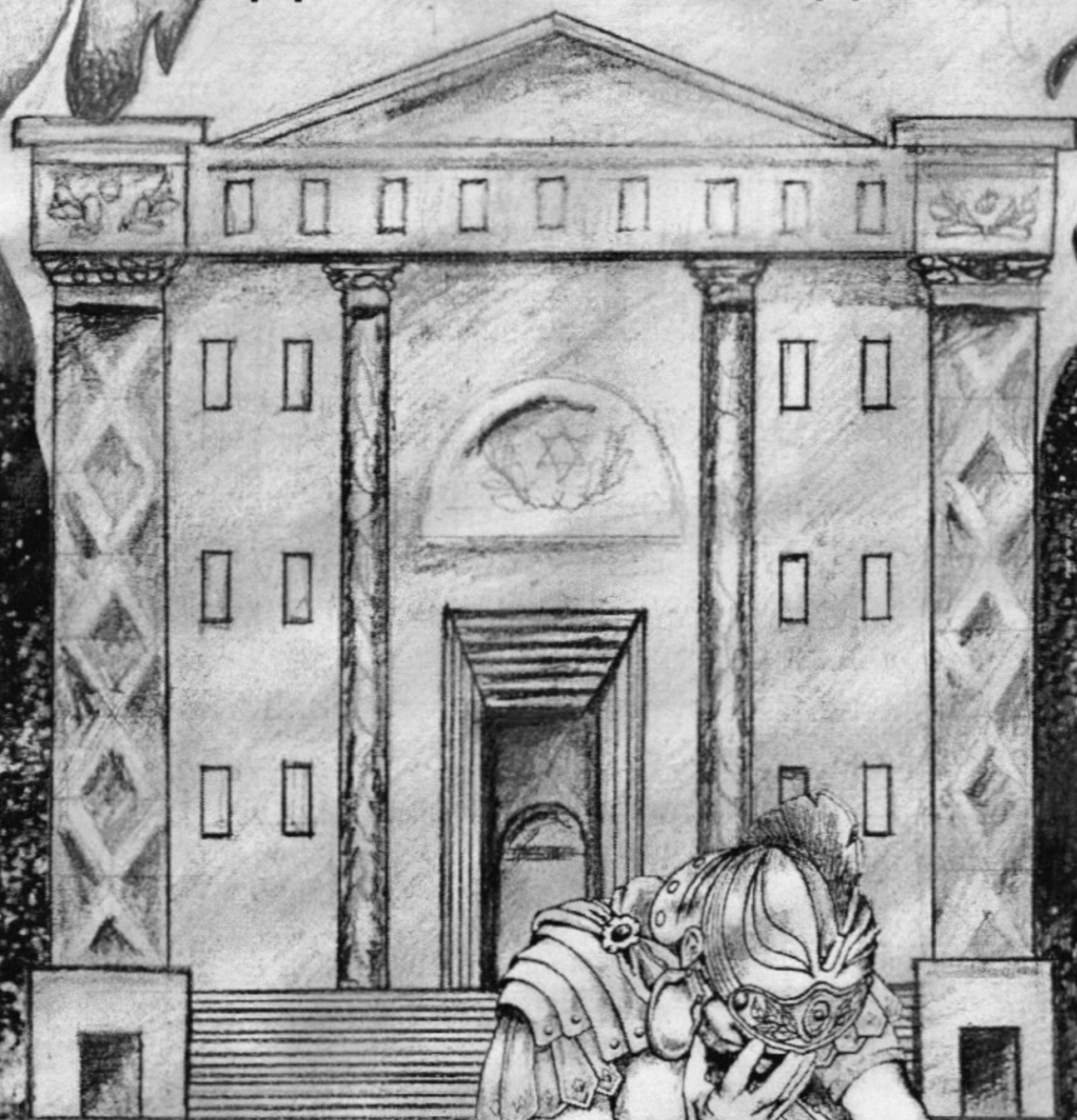

МАКСИМИЛИАН МАРКЕВИЧ

ПАДЕНИЕ ХРАМА СОЛОМОНОВА

Дополненное издание

16+

Максимилиан Маркевич
Падение Храма Соломонова

«Автор»

2006

Маркевич М. В.

Падение Храма Соломонова / М. В. Маркевич — «Автор», 2006

ISBN 978-5-532-97827-0

Вера и надежда, любовь и ненависть, преданность и предательство, случайность и закономерность — все это происходит на фоне войны иудеев против римлян в 66—70 годах от Рождества Христова, в которой гибнет Иерусалим и грандиозный храм Соломона. Главный герой романа Тит Флавий, будущий римский император, отправившийся в Иерусалим лишь из-за мести, вскоре влюбляется в иудейскую царевну Беренику, а затем проникается симпатией к христианской вере. Автор выдвигает свою оригинальную версию, опираясь на труд древнего историка, очевидца всех этих событий, Иосифа Флавия. Читайте первую часть исторической трилогии «Падения».

ISBN 978-5-532-97827-0

© Маркевич М. В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	29
Глава IV	36
Глава V	40
Глава VI	48
Глава VII	71
Глава VIII	85
Глава IX	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Максимилиан Маркевич

Падение Храма Соломонова

Посвящается памяти моего прадеда
писателя и киносценариста
Анатолия Михайловича Маркевича.

Глава I

Календы¹ апреля выдались в Риме в 65 году от Рождества Христова очень холодными, ведь прошлой весной в это время люди уже наслаждались относительно теплой погодой и могли спокойно ходить в легкой тунике². Когда-то сам император Октавиан Август в зимнюю холодную погоду надевал сразу четыре теплые туники, и его примеру следовало большинство граждан. Но сегодня, в четвертый день месяца, когда на улице шел сильный дождь, жители старались по возможности не выходить на улицы города, а сидеть дома в тепле.

Уже было далеко за полночь. Над Авентином, одним из семи холмов в южной части Вечного города, ливень и не думал утихать. Этот район контрастов совмещал в себе ряды скромных жилищ, рядом с которыми возвышались виллы патрициев³, сенаторов и другой знати. В одной из таких вилл в эту ночь настроение обитателей было такое же, как и погода на улице. Двое мужчин и мальчик стояли в атрии⁴ возле кубикулы⁵, когда дверь отворилась и к ним вышел личный эскулап⁶ Рубрий, седой иудей шестидесяти лет, который уже около тридцати лет лечил их семью.

– Госпожа Домицилла умирает, я приготовил отвар из очень редких и эффективных растений, если он не поможет убить эту болезнь, то остается уповать только на бога Эскулапа или богиню Карну⁷, – сказал лекарь и при этом добавил, обращаясь к молодому человеку: – Тит, мать тебя очень хочет видеть, иди к ней!

Тит являлся первенцем Веспасиана и Домициллы Флавиев, шатен с карими глазами, среднего роста и атлетического телосложения. В свои двадцать шесть лет успел побывать трибуном⁸ в Британии и Германии. Благодаря блестящей карьере отца получил хорошее воспитание и образование при дворе Клавдия и Нерона. Играл на нескольких инструментах, обладал великолепной памятью и острым умом.

Он не спеша отворил дверь и вошел в кубикулу, где на кровати лежала его мать. Богатые покои казались померкшими. Ей в этом году должно исполниться пятьдесят два года, еще молодая, но сейчас выглядела на все восемьдесят. Бледное лицо выражало всю боль, которая ее терзала. Увидев сына, она попыталась улыбнуться, но улыбка была похожа на гримасу. Сын сел рядом с ней, наклонился, взял ее руку, а мать другой стала гладить его волосы.

– Ты поправишься, я все сделаю для этого. Этот эскулап обманщик, если тебя не вылечит, скоро окажется у Плутона⁹.

– Сынок, я чувствую, что меня уже никакой лекарь не спасет, это конец, каждый чувствует, когда приходит его смертный час. Я рада, что вы меня хороните, а не я вас. Рада, что ты вырос достойным нашего рода, рода Флавиев, всегда гордись тем, кем ты являешься, – она потянулась за серебряной чашей с водой и, сделав глоток, продолжила: – Надеюсь, что ты встретишь достойную девушку, а не одну из тех, с которыми часто бываешь. Обещай мне, что ты найдешь супругу, достойную нашего имени, которая сможет родить тебе детей. Пообещай, это очень для меня важно!

---

¹ Календы – начало месяца.

² Туника – мужская одежда, сделанная из двух прямоугольных кусков материи, сшитых на боках и на плечах, и стягивающаяся ремнем.

³ Патриции – родовая аристократия.

⁴ Атрий – приемная для гостей.

⁵ Кубикула – небольшая частная комната.

⁶ Эскулап – врач бога врачевания Эскулапа.

⁷ Карна – богиня здоровья.

⁸ Трибун – офицер, командующий одной когортой.

⁹ Плутон – бог подземного царства, как и Аид у греков.

– Хорошо, я тебе обещаю, что женюсь только на царевне!

– Тогда подойди, пожалуйста, к шкафу и достань в углу на нижней полке золотую шкатулку.

Тит вынул шкатулку, которая была не просто золотой, но еще и вся в драгоценных камнях, раньше он ее никогда не видел. Подойдя к матери, отдал ее и молча опять сел рядом. Домицилла вытащила из-под подушки маленький ключик, открыла шкатулку и достала из нее кулон на золотой цепочке.

– Это самая дорогая реликвия, которую дал мне мой отец Флавий Либерал, а ему в свою очередь передал его отец. Вещь эта сейчас стоит намного больше, чем вся наша вилла. Пообещай мне, что ты подаришь ее своей царевне в знак вечного союза с ней. Хорошо? И еще... обещай всегда совершать достойные поступки.

– Я обещаю, мама, – сказал Тит и взял из ее рук золотой кулон, который, как и шкатулка, был украшен драгоценными камнями и сделан в виде герба Флавиев – золотой буквы F в лавровом венке.

Он прижался к матери, а она обняла его, как только мать умеет обнимать сына. От этих слов комок подступил к горлу и захотелось никогда не разжимать эти объятия.

– А теперь позови всех. Я и с ними должна попрощаться!

Тит, преодолевая себя, поднялся, спрятал в тунику кулон и пригласил остальных.

Первым вошел в кубикулу мальчик Домициан тринадцати лет, худощавый, светловолосый, с такими же печальными глазами, как и у старшего брата. Он подошел и крепко прижался к матери, не скрывая слез, градом катившихся по бледному лицу.

За ним появилась двадцатидвухлетняя Домицилла-младшая, необычайной красоты девушка, в которую была влюблена половина Рима. Черные волосы падали почти до пояса, глаза, тоже черные, как маслины, такие же, как у матери, сейчас были красными и припухшими от слез, а тонкие черты лица искажены горем.

И последним вошел хозяин виллы – ее супруг пятидесятишестилетний Веспасиан. Суровый и строгий с виду, плотного телосложения, заметно лысеющий военачальник с карими глазами, выразившими боль и смущение. На поле битвы он делал все, чтобы спасти себя и друзей, а здесь помочь своей супруге был не в силах.

– Тит, надо попросить императора, чтобы он дал нам лучших эскулапов, в его распоряжении их сотни, – сказал отец.

– Не надо никуда идти, я полностью доверяю опыту Рубрия, столько лет безупречной службы! – произнесла Домицилла. – Я лишь хочу всех вас попросить, чтобы вы после моей смерти продолжали жить и наслаждаться жизнью... Мой дорогой Домициан! – и она обняла его. – Я так скорблю, что не смогу тебя вырастить, как вырастила твоего брата и сестру. Хотя я вижу, что ты уже вырос и окреп... Домицилла! – она взяла ее за руку. – Я прошу прощения, что всегда к тебе холодно относилась, но при этом тебя всегда очень любила и рада, что ты у меня умная и красивая... И, наконец, мой любимый и дорогой супруг! Пообещай, что если встретишь свою любовь, не будешь ее отталкивать в память обо мне. Пусть вас всегда хранят бо... – При этих словах она тяжело вздохнула и перестала дышать, а глаза ее застыли, глядя в пустоту.

Мальчик стал горько плакать, а дочь рыдать и кричать. Тит и Веспасиан молча смотрели на тело умершей, и только глаза их выражали все, что было у них на душе. Отец повернулся и нетвердыми шагами вышел в атрий, где позвал ординария¹⁰ Марка, который практически был вторым хозяином виллы. Все обязанности лежали на нем, и его приказы выполнялись другими рабами виллы. Было ему пятьдесят восемь, но работоспособности Марка позавидовал бы и тридцатилетний.

---

¹⁰ Ординарий – главный раб по дому.

Когда он подошел, Веспасиан велел отправить гонцов всем родственникам с извещением о смерти. Рабам повелел обмыть и натереть тело маслом, одеть в дорогую столу¹¹ и вынести умершую в атрий для прощания, а также нанять префиц¹² и музыкантов. Ординарий поклонился и ушел выполнять приказание, при этом выразив искреннее соболезнование.

Когда Веспасиан вернулся в кубикулу, тело супруги уже осмотрел лекарь и констатировал смерть от неизвестной болезни. Тит взял за руку Рубрия и сказал на ухо:

– Эскулап, мы бы могли выйти? Нам необходимо переговорить.

Лекарь кивнул и пошел за молодым человеком. Хозяин виллы задумчиво проводил их взглядом, но остался стоять на месте. По дороге они увидели жреца возле ларария¹³, который молился и подсыпал ладан на жаровню с горящим углем. Наконец вошли в таблин¹⁴, где находился стол из металла и дерева, к которому примыкала кафедра¹⁵. На столе стояла масляная лампа, довольно ярко освещавшая пространство. Тит приблизился к сундуку в темном углу, достал оттуда какую-то вещь и, сразу спрятав ее за спину, начал говорить:

– Ты знаешь, эскулап, несмотря на твой возраст я считаю тебя самым бездарным человеком во всей империи, – при этих словах в глазах юноши появилось нечто зловещее.

Лекарь, испугавшись, решил быстро успокоить своего собеседника:

– Господин Тит, я сделал все, что смог, и уверяю, что другой, будь то хоть личный эскулап самого Нерона, оказал бы такую же помощь, как и я, – Рубрий говорил елеинным голосом, спиной приближаясь к выходу. – Если ты помнишь, а я думаю, что ты не можешь не помнить этого, когда ты и Британик отравились на пиру у Нерона, кто тебя вытащил из рук Плутона?

Тит замер, вспоминая, что произошло десять лет назад. Тогда на пиру во дворце Нерон отравил истинного наследника императора Клавдия Британика, лучшего друга Тита. Отравленное вино выпил и Тит, но благодаря своевременной помощи эскулапов Нерона и личного лекаря Флавиев его спасли. В тот момент он готов был осыпать Рубрия всем золотом мира, но сейчас у него на уме было одно – отомстить за смерть матери, по его мнению, виновником которой был эскулап. Он вытащил из-за спины руку, в которой оказался серебряный кинжал, и, подбежав, второй рукой прижал дверь, чтобы тот не вышел.

– Не кричи, только хуже будет.

У лекаря от ужаса глаза почти выкатились из орбит. Он весь задрожал, ожидая смертельного удара.

– Видишь, как все в мире меняется. Еще недавно я бы всем пожертвовал ради тебя, а сейчас могу убить, не испытывая никакой жалости.

Тит боролся сам с собой: «Нет я не могу ошибаться. Этот мошенник убил мою мать... но меня спас. Может, он действительно не виноват? Мать всегда учила поступать мудро и обдуманно... и я ей обещал поступать разумно, тем более что она Рубрию доверяла». После нескольких мгновений внутреннего противостояния Тит сдался:

– Вон отсюда, и чтобы больше я тебя здесь не видел. Если увижу, то убью!

Рубрий от радости обомлел.

– Я понял, понял. Благодарю, господин, да благословят тебя боги, – и, отворив дверь, не переставая кланяться, исчез в атрии.

Тит выронил кинжал, сел на четвероногий скамн¹⁶ со слезами на глазах. В этот миг в таблин вошел отец и, положив руку ему на плечо, начал говорить:

---

¹¹ Стола – женское платье.

¹² Префицы – профессиональные плакальщицы.

¹³ Ларарий – жертвенник для богов в домах.

¹⁴ Таблин – кабинет.

¹⁵ Кафедра – кресло с изогнутой спинкой.

¹⁶ Скамн – табурет с тремя или четырьмя ножками.

– Сын, ты всегда был крепок и силен. За все годы ты ни разу не заплакал, даже когда падал маленьким и сильно ушибался, когда был на грани смерти из-за отравления, понимая, что можешь умереть, тоже не плакал. Так чего же ты сейчас плачешь? Ты совершил очень мужественный поступок, извини, что мне пришлось подслушать, но то, что ты его не убил, говорит о сильной воле! Я знаю, как ты любил свою мать, и она тебя так любила, как никого и никогда. Но при этом ты должен всегда оставаться настоящим мужчиной, что бы ни произошло. Разве я учил тебя быть слабым?

Тит покачал головой и поднялся со скамны:

– Прости, отец, больше ты не увидишь моих слез.

– Вот это по-мужски, – сказал Веспасиан, обнимая сына и хлопая его рукой по спине. – А теперь иди поспи, завтра у нас тяжелый день!

Ночь для Тита была долгой, поскольку так до утра заснуть и не смог. Когда с восходом солнца он поднялся с кровати и вышел в атрий, там уже находились желающие попрощаться с Домициллой.

Первым ему встретился родной дядя Сабин Флавий, младший в семье и при этом совсем не похожий на своего брата. Занимая с 61 года должность префекта¹⁷ (Praefectus urbi) Рима, являлся одним из самых уважаемых патрициев. Его супруга Аррецина Клементина, заносчивая и высокомерная, старалась со всеми, включая и своих родственников, держаться на расстоянии. Тит ее терпеть не мог, и поэтому избавил себя от неприятного общения с ней.

Поздоровавшись еще с несколькими родственниками, он подошел к семейному другу – сенатору Тразее Пету Публию Клодию – философу, который своими изречениями, часто намеками, упрекал Нерона. Император его не переносил, и Тит тоже. Острый ум сенатора восхищал всех, кто его знал. Веспасиан ценил дружбу с ним, хотя его радикализм часто пугал его, и в лучшие друзья к нему он не навязывался, опасаясь навести гнев Нерона на свою семью. Его жена – Аррия-младшая являлась прямой противоположностью своему мужу. Спокойная, покорная, молодая, красивая и умная, она так любила богатство, что терпела все прихоти своего супруга.

– Я благодарен, что вы почтили память моей матери своим визитом, мы этого не забудем! – сказал Тит, обращаясь к сенатору и его жене.

– Твоя семья, конечно, не забудет, но ты второй Нерон, тебе чужды человеческие чувства, ты как волк, которого как ни корми, как ни люби, при любом удобном случае загрызешь своего любимого кормильца и убежишь в лес, где такие, как ты, тебя всегда ждут, ждут дальше грабить и убивать, – Клодий говорил это с упоением, взирая на полное ненависти лицо своего собеседника. – Тит, разве вы с Нероном не разгуливаете по ночным улицам Рима и ради развлечения не убиваете бедных и беззащитных граждан? Из-за вас люди боятся с наступлением темноты выходить на улицы, зная, что преторианцы¹⁸ вместе с вами ищут своих жертв! Скажи после этого, какие у тебя могут быть чувства по отношению к людям, разве люди для тебя люди? – улыбаясь, спросил сенатор.

Тит, борясь с собой, чтобы не ударить оппонента изо всей силы в лицо, сдержал себя и ответил:

– Уважаемый сенатор, я не думаю, что сейчас подходящее время для упреков, а самое главное, если узнает император, что ты его открыто оскорбляешь в присутствии его друга, то завтра можешь не проснуться!

– Что, думаешь, я не знаю, что ты сегодня вместо похорон побежишь к своему хозяину докладывать, кто что сказал, кто что сделал! Я об одном прошу богов, чтобы они после рыже-

---

¹⁷ Префект – мэр города.

¹⁸ Преторианцы – личное профессиональное войско императора.

бородого не послали нам еще одно бедствие в виде императора Тита! – как актер, с тревогой в голосе, подытожил Клодий.

– Благодарю за лесть, Тразея, но боюсь, что ты до этого счастливого дня не доживешь! – произнес Тит, повернулся и ушел поскорее от неприятного гостя.

В конце атрия он увидел префекта преторианской гвардии¹⁹ Фения Руфа и, слегка заулыбавшись, поприветствовал своего друга. Это был очень интересный и довольно необычный человек. К несчастью для себя, он делил функцию префекта со своим недругом Офонием Тигеллином. Руф был позван императором, чтобы уравновесить и, по большому счету, замаскировать необычайное давление на Нерона со стороны Офония. Из-за этого два префекта люто ненавидели друг друга. Сейчас позиция Фения сильно ослабла, и префектом он являлся лишь теоретически. Тит это знал, и хотя предпочитал дружить с людьми, которые в фаворе, Руф для него являлся настоящим, уважаемым и ценным другом.

– Приветствую тебя, мой дорогой товарищ, – сказал Тит и обнял его. – Я рад, что ты пришел в этот трудный для меня период.

– О Тит, мои соболезнования. Твоя мать была прекрасным человеком, еще позавчера она была здорова, а сейчас... – он помолчал и через мгновение спросил: – От чего она умерла?

– Болезнь, а отчего и почему, наш бездарь-лекарь не смог объяснить. Мы думали пригласить эскулапа Нерона, чтобы он ее осмотрел, но, к сожалению, не успели.

– Надеюсь, лекарь сопровождает твою мать в царство Плутона?

– Нет, я его простил и отпустил. Пусть живет, в конце концов, он нам был предан многие годы.

– С каких пор ты начал прощать?

– Сам не знаю, наверное, сказывается обещание, данное мною матери.

– Понимаю, – Фений с недоумением посмотрел на друга, но не стал углубляться, а сразу перешел к следующему: – Я принес вам папирусный²⁰ свиток от императора. Он узнал о смерти еще ночью. Я отдал его твоему отцу, он в таблине... Иди почитай.

Тит кивнул и ушел. В таблине сидел Веспасиан и о чем-то думал, на столе лежал свиток. Тит молча вошел и, взяв послание, стал читать.

Уважаемые Флавии!

С прискорбным сердцем узнал Я о кончине благороднейшей римлянки Домициллы. Она была всегда примером благочестия для всех смертных. Ее поведение и изречения были достойны ее благородного рода. И особенно горько осознавать, что умерла мать моего близкого друга Тита, который мне как брат, а значит, она мне как вторая мать, ведь настоящей Я лишился, к сожалению, намного раньше. Поэтому Я, как никто другой, знаю, что это такое, потеря самого близкого человека!

Примите Мое искреннее соболезнование!

Божественнейший из всех Божественных, Великий Император, Великий Поэт и Певец – Цезарь НЕРОН Август!

– Да, Нерон опять пытается выдавить из нас слезу по его матери, – сказал Тит, кладя свиток на стол. – Сам ее убил, а сейчас рассказывает, как он ее любил. И хочет, чтобы я пришел и утешил его. Это письмо – жалость к самому себе, а не к нам.

– А то ты его только сейчас узнал. Хорошо, что вообще нам что-то прислал, мог бы и проигнорировать наше горе.

---

¹⁹ Префект преторианской гвардии – командующий преторианцами, второе лицо в империи после императора. Главные обязанности – защита и безопасность императора и Рима от внутренних врагов.

²⁰ Папирус – бумага из тростника.

– Что правда, то правда. Уже все готово для похорон?

– Пусть все попрощаются с Домициллой, и тогда отправим ее в последний путь.

Флавии вышли к умершей. По римской традиции тело должно было находиться в атриум несколько дней, чтобы все желающие могли попрощаться. Например, тело императора в идеале должно лежать неделю. Но Веспасиан решил похоронить днем, очень тяжело ему было смотреть на бездыханное тело своей супруги, да и дальше травмировать Домициана он не хотел. Когда все попрощались, рабы взяли носилки с телом и вынесли на улицу.

Погода была пасмурная. После окончания ливня прошло несколько часов, поэтому было еще холодно и сыро. Процессия двинулась по улице. Впереди шли члены семьи, близкие друзья и остальные гости, одетые в черные тоги²¹ и паллы²², за ними восемь рабов несли усопшую, затем музыканты, за которыми шли префицы. Замыкали шествие охранники. Перед тем как похоронить умершую, необходимо обязательно занести ее на форум²³.

Они вошли в соседний городской район – холм Целий, который часто служил местом сбора политиков и воинов. Вдоль дороги с обеих сторон велось большое строительство. Только год прошел после опустошительного пожара, уничтожившего почти весь город, но многое уже было восстановлено, а кое-что построено заново. Здесь можно увидеть строительство огромного храма божественного императора Клавдия, которое начал Нерон из-за того, что предыдущий сгорел. Вокруг здания было множество фонтанов и садов, казалось, что для императора главным являются эти сады, и они были посажены первым делом. Грандиозное строительство лишь подчеркивало настоящую мощь города, который многие называли столицей мира.

Город-государство жил своей собственной жизнью. Проблемы жителей Рима были совсем иные по значимости, нежели проблемы граждан других провинций и городов. Фактически тот, кто управлял римлянами, управлял всей империей и всем миром. Миллионы людей мечтали хоть издали увидеть этот город, о котором слагали легенды и который являлся как мираж в пустыне во всем своем величии и красоте. Быть гражданином Рима – значит быть гражданином всего мира, и это давало небывалые привилегии.

Например, какое бы преступление ни совершил римлянин, он мог просить суда у самого императора, и в какой бы провинции ни находился, его обязаны были доставить на суд в Рим. Граждане других провинций за целое состояние или за заслуги могли получить это почетное звание, и многие к этому стремились.

Из всех провинций и городов, находящихся под властью Рима, стекались невероятные налоги, на которые он жил и в которых купался. Поэтому в городе сооружались такой красоты здания, храмы, амфитеатры, цирки и особенно дворцы, что равных им в мире не было. Особенно поражал масштаб строительства Золотого дворца Нерона, который по окончании работ должен стать новым чудом света.

В Риме проживало около миллиона человек и свыше полумиллиона приезжих пребывало каждый день в нем. Мансионы²⁴ всегда были забиты до отказа. Прибывшие путешественники с трудом находили себе место для ночлега. Часто небогатые граждане их принимали за денарии²⁵ у себя в жилищах, но для многих хозяев это заканчивалось плачевно.

Плотность застройки в городе была настолько велика, что не оставалось свободного пространства для строительства. Поэтому начали строить множество инсул²⁶, которые достигали

---

²¹ Тога – мужская одежда разных цветов, право ношения которой имел только римский гражданин. Большой кусок материи надевался поверх туники и имел сложный покрой с особыми складками.

²² Палла – длинная материя поверх платья.

²³ Форум – площадь в каждом городе, служившая центром общественной жизни.

²⁴ Мансион – гостиница.

²⁵ Денарий – римская серебряная монета.

²⁶ Инсулы – многоэтажные дома.

пяти этажей. Водоотвод был продуман умно: во время ливня вода сливалась по специальным водостокам по сторонам улиц и попадала в канализацию.

Процессия прошла под гигантским акведуком, через который питьевая вода попадала в специальные резервуары, а оттуда в фонтаны и в нижние этажи домов, поэтому граждане верхних этажей либо сами ходили за водой, либо им доставляли разносчики.

Наконец они появились на Большом римском форуме. Перед ними оказалась главная площадь Рима, где заседали центральные органы власти. Форум был застроен крупнейшими римскими базиликами²⁷ – Эмилия и Юлия, храмами Конкордия, Юлия, Сатурна, Кастора, Поллукса и круглым храмом Весты. Здесь находилась курия²⁸ Юлия Цезаря, где восседали сенаторы. На месте погребального костра Юлия Цезаря была возведена триумфальная арка. На площади шуты давали свои представления, торговцы продавали товары в лавках. Форум был расположен между Палатинским, Капитолийским и Квиринальским холмами.

Тут процессия остановилась, и Веспасиан, взойдя на ростру²⁹, сказал речь, полную любви и гордости за свою супругу, многие плебеи³⁰ подходили и слушали. Некоторые даже выражали соболезнование, хотя и знать не знали эту матрону³¹. После всего сказанного все двинулись в сторону Аппиевой дороги, ведущей из Рима в город Капую. Идти можно было довольно свободно, так как в дневное время пользоваться карруками³² было запрещено.

Вечерело, когда они наконец достигли места погребения за городом. В самом же Риме нельзя было хоронить людей, и поэтому вдоль дороги стояли величественные и обычные надгробные памятники и усыпальницы.

Уже была вырыта яма, внутри которой сложили дрова, куда опустили тело, и зажгли поленья. Перед этим под язык умершей положили монету – плату для перевоза через загробную реку Стикс. После того как огонь потух, останки закопали и сверху установили саркофаг. Памятник еще готов не был.

Когда вся церемония закончилась, родственники и друзья вернулись в город. Целью их был храм Юпитера Капитолийского. Через Капенские ворота они вошли в Рим, который имел уже иной вид. Весь в огнях лампад и факелов, он напоминал нарядную невесту. Шли молча и не спеша, хотя торопиться надо было, ведь путешествие к могиле и назад заняло довольно много времени. На улице была уже ночь, а народа, казалось, не убывало, а, наоборот, становилось все больше и больше.

Священная дорога, на которую они вышли, была выложена булыжником не только в Риме, но и далеко за его пределами. Многие простибулы³³ выходили на улицу именно сейчас, это время им казалось наиболее подходящим. Они открыто обнимали всех проходящих мимо них. Свою порцию объятий получил и Тит, который нервно оттолкнул одну из женщин, считая, что сейчас неподходящее время для утех.

Издалека виднелось грандиозное сооружение, которое вблизи, когда они вошли на Капитолий, оказалось еще массивнее. Это был центр религиозной жизни не только Рима, но и всей империи. Под золоченой крышей храма вместе с Юпитером³⁴ Минерва³⁵ и Юнона³⁶ взирали

---

²⁷ Базилика – здание для проведения собраний и судебных заседаний.

²⁸ Курия – здание для собраний.

²⁹ Ростра – трибуна для выступлений.

³⁰ Плебеи – простолюдины.

³¹ Матрона – замужняя женщина.

³² Каррука – дорожная повозка.

³³ Простибула – с латинского «непотребная женщина», проститутка.

³⁴ Юпитер – бог небес, высшее божество.

³⁵ Минерва – богиня искусства и разума.

³⁶ Юнона – богиня брака и рождения, семьи и семейных постановлений, материнства, женщин и женской производительной силы. Сестра и супруга Юпитера, мать Марса и Вулкана.

с высоты холма на весь город. Три алтаря в храме были построены в их честь, но они далеко не единственные.

Возле храма процессию ждали трое рабов, крепко держащих возле себя быка, необходимого для совершения жертвы. Веспасиан позвал жреца, который вышел и поприветствовал всех. Затем он омыл руки и призвал к полной тишине. Возлив на голову быка вино, дал знак, что все готово, после чего его помощники ритуальным топором из меди убили жертву. Тушу положили на жертвенник, где она и сгорела, запах жареного мяса должен дойти до бога. Кроме этого, жрец получил один аурей³⁷ в благодарность, после чего Веспасиан пригласил гостей на завтрашний обед, и все разошлись.

---

³⁷ Аурей – самая крупная золотая римская монета.

Глава II

...Вокруг огонь, крики, страх, ужас. Люди в панике бегут, пытаясь хоть где-то спрятаться и не видеть всего этого. В основном женщины и дети, все в слезах, с молитвами и упреками на устах. И вдруг какое-то гигантское здание, похожее на храм, начинает полыхать. Причем огонь этот такой неимоверной силы, как будто это проклятие, посланное за какие-то грехи, а из храма начинают выбегать люди, объятые огненным пламенем...

Тит проснулся в холодном поту. Этой ночью он наконец уснул, но сон наваял на него безумный страх из-за того, что был как настоящий. «Я и раньше видел боевые действия, смерть и боль, но такого – никогда. Что это за люди и что за храм? Разве я, Тит Флавий, богобоязненный человек, смог бы уничтожить храм какого-то божества? Да никогда!» Хотя он и поспал совсем немного, но так до утра и не уснул. В голове теснились мысли одна хуже другой. Потом все же решил, что это связано с его состоянием.

Выйдя из кубикулы, он увидел, что рабы заняты чисткой и мытьем полов и стен. Даже дождевую воду, которая сквозь комплювий³⁸ стекала в имплювий³⁹ в атрии, очищали. Тит зашел в кукину⁴⁰, где шло приготовление к обеду. Каждая из рабынь готовила какое-либо одно блюдо. Одна нарезала острым ножом мясо и рыбу, другая готовила ингредиенты для соуса, измельчала их тяжелым пестиком в мортаре⁴¹. Еще несколько месили тесто и из него лепили булочки, а рядом стояли мешки с мукой. В специальной печке готовилась пища в глиняных и бронзовых сосудах. Мелкие амфоры лежали на полках, большие в углу. В глиняном кувшине, дно которого все в дырках, готовили сыр. В кувшинах с толстыми стенками и узким горлышком, хранилось прохладное вино.

Одна рабыня, изящная и красивая девушка, подошла к Титу, поклонилась и сказала:

– Господин хочет есть? Я сейчас же тебе накрою в триклинии⁴².

– Не надо, я не хочу. Скажи, все дома?

– Нет, мой господин. Хозяин ушел, а твои сестра и брат еще спят. Ты точно не хочешь есть?

– Где Марк? Скажи, чтобы он приказал растопить мне тепидарий⁴³ и прислал бальнеатора⁴⁴ и эпилятора.

Через полчаса Тит уже плавал в кальдарии⁴⁵. Под виллой находились специальные каминные, куда укладывали дрова и уголь. Теплый, а в тепидарии горячий воздух циркулировал под полом и в трубах, находящихся в стенах. Пол нижнего этажа поддерживали каменные столбы. Одна рабыня натирала тело растительным маслом, а спустя некоторое время соскабливала его специальными деревянными скребками. Вторая ждала своей очереди, чтобы приступить к массажу. При очень жаркой температуре было вдвойне приятно окунуться в холодный

---

³⁸ Комплювий – отверстие в крыше, сквозь которое стекала дождевая вода.

³⁹ Имплювий – особый резервуар в атрии, куда стекалась вода.

⁴⁰ Кукина или коквина – кухня. К кухне примыкали различные службы: прачечная, пекарня, помещения для винного и масляного прессов, лестницы, ведущие в комнаты рабов, кладовые и амбары. Могла выноситься за пределы основного прямоугольника плана здания.

⁴¹ Мортара – каменная ступа.

⁴² Триклиния – столовая.

⁴³ Тепидарий – теплая сухая комната в классических римских термах, предназначенная для предварительного разогрева тела.

⁴⁴ Бальнеатор – служитель при бане, отвечал за мази и благовония.

⁴⁵ Кальдарий – одно из основных помещений римских терм, зал с горячей водой.

бассейн, тем более что при этом делали расслабляющий массаж. Завершилась вся процедура во фригидарии⁴⁶.

После отдыха он вышел в перистиль⁴⁷ подышать свежим воздухом. Погода сегодня была теплая, уже начинала чувствоваться настоящая весна. Там встретил своего брата, который купался в писцине⁴⁸. Увидев Тита, Домициан подплыл:

– Как спалось, братец? Ты что кричал во сне? – с легкой насмешкой спросил мальчик.

– Тебе скоро предстоит церемония по достижении зрелости, и ты станешь полноценным гражданином Рима. Так что учись вести себя соответственно. Кстати, твой ритор с тобой еще занимается или ты уже совсем охладел к учебе? Что, уже не хочешь быть политическим деятелем либо юристом?

– Я и так уже в совершенстве знаю историю, философию, географию и греческий язык! – с надменным видом произнес Домициан.

– Не сомневаюсь, – сказал Тит с таким видом, будто он безграмотный плебей, который смиренно стоит перед образованным патрицием. – По сравнению с тобой сам Юлий Цезарь – пустое место!

В этот момент к ним подошел номенклатор⁴⁹ и сообщил, что пришел какой-то посланник. Когда Тит вышел в атрий и приветствовал гостя, тот доложил:

– Великий император Нерон сегодня ждет своего друга Тита во дворце! Ты принимаешь его приглашение?

– Конечно! Для каждого гражданина приглашение во дворец большая честь, тем более когда его приглашает сам божественный, – он говорил с расчетом на то, что его слова обязательно будут доложены повелителю. – Передай императору, что вечером я буду у него.

– Владыка Нерон этот ответ предвидел и сказал, что если Тит скажет это, передай ему, что император хочет видеть его немедленно!

Тит побледнел, зная характер Нерона, который мог спокойно воспринять это как оскорбление его величия, начал уже жалеть о сказанном, но выхода не было, надо было идти до конца:

– Передай божественному, что хотя сегодня будет у нас обед в честь покойной матери, я из уважения к владыке брошу все свои дела и приду на Палатин.

Посланник поклонился и ушел.

– Марк! Марк! – закричал Тит. – Сколько можно тебя звать? Быстро скажи, чтобы приготавливали паланкин⁵⁰, я отбываю к Нерону.

Ординарий послушно выслушал приказание и принялся его исполнять. Вскоре все было готово, и четыре крепких, здоровых раба ждали своего хозяина на улице. Когда тот уже садился в паланкин, к нему подошел мужчина и попросился присоединиться. Флавий разрешил, потому что хорошо знал его. Это был пожилой человек невысокого роста, с уставшим и измученным видом. Когда рабы подняли жерди паланкина, собеседник начал разговор:

– Благодарю, что согласился подвезти меня, ведь имел полное право отказать, и мне тебя не в чем было бы упрекнуть.

– Каким бы ни было отношение к тебе со стороны императора, ты же кроме него и моим наставником был! Ведь так, Сенека?

– Да, конечно. Но после того как Нерон изгнал меня со двора, я думал, что ты с опальным человеком общаться не будешь... И это после того, как я всего себя посвятил воспитанию этого тирана, он так со мной поступил! Ты же помнишь, что когда я был рядом с ним, он был

---

⁴⁶ Фригидарий – одно из помещений классических римских терм, предназначенное для охлаждения.

⁴⁷ Перистиль – сад с оградой.

⁴⁸ Писцина – водоем в перистиле, фонтан-водоем с водометом (иногда несколько разнообразных сложных фонтанов). Также в перистиле устраивался садик – виридарий, ставились статуи, стены расписывались фресками.

⁴⁹ Номенклатор – раб, объявляющий о приходе гостей. Должен был знать всех поименно и представлять их хозяину.

⁵⁰ Паланкин – крытые носилки.

нормальным. Все думали, что пришел достойный император и что все будет хорошо. Но после моего отстранения он скатился в пропасть, из которой уже не выберется. Запомни мои слова!

– Ты выдающийся поэт, писатель, литератор и стоический философ! С твоим умом ты не мог не знать, что после того как он убил свою мать Агриппину, в убийстве которой ты, как советник, был замешан, рано или поздно он доберется и до тебя. И когда три года назад умер твой защитник – префект преторианцев Бурр, ты оказался в немилости.

– Я непричастен к ее убийству, он тогда просто одурел! – прокричал Сенека. – Мое имя он специально опорочил или ты веришь, что я мог участвовать в убийстве моей защитницы? Ведь это она меня взяла в наставники к рыжебородому!

– Как это? Ты же сам только что говорил, что при тебе Нерон был самым совершенством. Оказывается, это ты его таким сделал!

– Ты сумасшедший! Ты такой же, как и он! Я воспитал не одного деспота, а двух! – воскликнул Луций Анней Сенека, хватаясь за голову.

– Ладно, давай по существу. Что ты конкретно от меня хочешь? – спросил раздраженно Тит, которого тот явно начал выводить из себя.

– Постоянное ощущение опасности порождает презрение к ней! Я эту мою цитату раньше часто говорил в своих речах, но и представить не мог, что она коснется меня самого. Уже три года я живу в страхе, и, наконец, он оставил меня. Теперь мне встретить смерть будет легче.

– Про что ты вообще говоришь? Кто тебе угрожает, Нерон? – как-то равнодушно спросил Тит.

– Я могу тебе доверять? Я совершил что-то ужасное! – Сенека выглядел так, как будто сейчас погибнет самой страшной смертью. – Обещай, что ты мне pomoжешь выйти сухим из воды, защитишь пред рыжебородым.

– Постараюсь, хотя я и сам могу сейчас оказаться в лучшем случае в опале. Так что там у тебя, выкладывай.

– Я оказался пленником заговора! Они меня заставили, сказали, что если я откажусь, меня убьют.

– Да говори уже! Заговор против Нерона, да?

Сенека кивнул. Затем из тоги вытянул папирус, на котором были все имена участников. Тит быстро просмотрел свиток.

– Вот это да! – удивился Флавий. – Тут такие имена... это же элита римского общества... Что? Этого не может быть... Ты что, разве я поверю, что Фений Руф, мой друг и префект преторианцев, участвует в этом! Кто этот безумец, что написал список?

– Тит, ты же знаешь, что Руф в опале, он хочет отомстить Тигеллину. А возглавляет этот заговор Пизон Гай Кальпурний. Фений и тебе хотел предложить участие в заговоре, но потом понял, что благоволение императора ты не поменяешь на риск, а, возможно, и смерть.

– Хорошо. Я так или иначе сейчас еду к императору. Мы вместе зайдем и расскажем все про заговор.

– Нет, ты что. Он меня первым делом убьет без разбирательств. Нет, я скоро выйду, а ты меня должен защитить, прошу... умоляю!

– Я не могу показать список, там мой друг!

Сенека сильно побледнел, казалось, он боролся с самим собой, чтобы открыть какую-то тайну:

– Друг? Который приказал отравить тебя, но случайно отравил твою мать!

От этих слов у Тита кровь вскипела в жилах. «Нет, этого не может быть, – подумал Флавий. – Это все провокация. Сенека мог обхитрить кого хочешь, это он все задумал. Видать, хочет, чтобы я убил Руфа и в благодарность за эти сведения спас его от гибели. А вдруг это правда? Моя любимая мать внезапно заболела и умерла. Лучше бы я выпил яд, и она бы меня сейчас похоронила».

Сенека находился напротив и внимательно наблюдал за всем, что происходило с собеседником. Наконец взяв себя в руки, Тит зловещим взглядом посмотрел на своего бывшего учителя:

– Если это так, ты знал об этом и не предупредил меня?

– Я не знал об их плане, только вчера они мне все рассказали. И я, рискуя жизнью, пришел к тебе, чтобы все сказать.

– Но зачем Руфу меня убивать? Да и потом, если меня хотели бы убить, легко бы это сделали. Я всегда хожу без охраны. Любой может подойти ко мне и ударить чем захочет.

– В последнее время тебя усиленно охраняют. Как будто ты не знаешь, что за тобой постоянно следуют преторианцы. Вот увидишь, когда тебя встретит Нерон, он уже будет знать, что я ехал вместе с тобой.

– Зачем меня охранять? – недоумевал Флавий, все это казалось ему нелогичным.

– Мы уже приближаемся к дворцу, – сказал Сенека, отодвигая штору и выглядывая на улицу. – Остальное спроси у своего «друга», – он велел рабам остановиться и помочь ему выйти.

– Когда планируется покушение? – спросил выходящего Тит.

– Во время открытия Цереалийских игр!

– И последний вопрос: кто исполнитель отравления?

– Ваш личный эскулап Рубрий!

Тит был в недоумении и ужасе. Паланкин в это время двинулся дальше, приближаясь к Золотому дворцу Нерона.

Пожар, бушевавший прошлым летом, задел и дворец Нерона. Император был рад, что этого сооружения, которое он не переносил с точки зрения искусства и архитектуры, не стало. Он сразу же затеял строительство нового, доселе невиданного в мире дворца, находящегося между Целием, Палатинским и Эсквилинским холмами.

Наконец паланкин достиг частного владения Нерона (*Res Privata*) – обширного комплекса зданий. Здесь находился храм Аполлона, стадион, эфебии⁵¹, базилики, библиотека, огромные сады и фонтаны и, конечно же, термы⁵², без которых настоящие римляне жить не могли.

Отдельно стояла и роскошная специальная вилла для уединения императора. Архитекторы Целер и Север превзошли сами себя, создавая такую роскошь. Впереди еще очень много строительной работы. По их плану, дворец должен занять территорию на четырех римских холмах из семи. Вилла уже занимала более ста гектаров. Протяженность портиков вдоль боковых стен превышала десять стадий. Ее центром станет огромная статуя императора в образе бога Солнца – Гелиоса. Колосс будет стоять у входа во дворец в обрамлении портика.

Дальше рыли прямоугольный пруд, который будет наполненный морской водой. По прихоти Нерона там устроят прогулки на большом судне. Кроме этого, готовятся поля, посадки винограда, лес, где свободно будут обитать дикие животные и пастись домашние. Даже то, что архитекторы уже сделали, было достойно не просто восхищения, а поклонения, и вызывало восторг.

Рабы подходили с Флавием к частной резиденции Нерона, когда к ним приблизились трое преторианцев и приказали остановиться. Паланкин был поставлен на землю, из него вышел Тит и приветствовал стражников. Один из них в ответ сказал:

– Добро пожаловать, трибун Тит! Великий император сейчас в тронном зале, мы к нему проводим!

– Не надо, я и сам знаю дорогу.

---

⁵¹ Эфебии – площадки для гимнастических состязаний спортсменов.

⁵² Термы – общественные бани.

– Мы все же проводим, у нас приказ.

Флавий молча последовал за ними. Все его мысли были заняты сказанным Сенекой. Он не знал, верить ему или нет, но во всяком случае он должен был немедленно переговорить с Фением Руфом. По его реакции он все сможет понять. Что-то не складывалось: если бы Фений хотел его убить, ему бы лично это было сделать проще простого.

Затем он обратился к идущему впереди преторианцу:

– Где сейчас ваш префект Руф?

– Префект? – и сопровождающие рассмеялись. – Точно не во дворце!

Похоже, поговорить с Руфом уже не удастся. Такая реакция на вопрос явно означала, что префект, мягко говоря, не при делах.

Они зашли в основное здание дворца, и если бы здесь побывал в первый раз какой-нибудь поэт или историк, то не смог бы передать в полной мере эту красоту. Дворец императора уже увенчали позолоченным куполом, поэтому его прозвали Золотым. Внутренние стены покрыты золотой лепниной, роскошные залы расписаны фресками на мифологические сюжеты. Большую часть живописных работ выполнял главный художник Нерона – Фабулл. Потолки отделаны скользящими плитками из слоновой кости, из которых гостей осыпали цветами и благовониями, поступавшими через незаметные встроенные желобки. Архитекторы тщательно продумали освещение дворца, солнце проникало в самые дальние его уголки.

Когда они подходили к тронному залу, навстречу к ним вышел Гелий, считающий себя левой рукой Нерона. Сорокалетний, очень высокий и плотного телосложения, он казался титаном, который спустился к смертным людям для развлечения. Его вечно высокомерный вид выдавал его презрение ко всем, кто был ниже его положения. Чаще всего, беседуя с людьми, он даже не смотрел на них, а мог изредка взглянуть сверху пренебрежительным взглядом. Таким же взглядом он одарил и Тита. В отличие от Флавия, одетого в парадную белую тогу, Гелий был в пурпурной. Как и у Тигеллина, по сравнению с императорскими, одеяния его немного короче.

Хотя такую тогу мог носить только император и до недавних пор префект преторианцев, Гелий носил ее незаконно. Он является вольноотпущенником, обладавшим огромной властью при императоре Клавдии, а затем и при Нероне, которому способствовал при восхождении к власти. Всегда состязался в порочности с самими императорами. Тит его не уважал, как и каждый порядочный римлянин. Хотя они часто встречались на пиру у Нерона и вместе с другими приближенными ко двору после полного опьянения совершали поступки, порочащие честь человека, по завершении этих празднеств они вновь не переносили друг друга.

Флавий первым обратился к своему недругу:

– Да благословят тебя все римские боги, «гениальный» Гелий! – и, не дожидаясь ответа, который явно был бы оскорбительным, промолвил: – Когда меня примет император?

– Тебя? Сомневаюсь, что он вообще примет! – как всегда, не глядя ни на кого, произнес тот, но при этом слегка заулыбался. Затем, обернувшись к преторианцам, сказал: – А вы чего до сих пор здесь? А ну, пошли вон отсюда!

Те сразу же удалились.

– Это и к тебе, конечно, относится, но боюсь, что ты не послушаешься меня, – слегка обиженно проговорил Гелий.

– Интересно, если ты станешь императором, что, конечно, невозможно, что ты со мной сделаешь? – спросил Тит.

– О-о-о! – протянул Гелий, и лицо его просияло. Видно было, что он представил что-то очень приятное.

Но в этот миг отворились золотые двери тронного зала, и появились иноземные послы. Четыре человека, одетые в красочные наряды, прошли мимо Гелия и Флавия, лишь мельком взглянув на них. За ними вышел управляющий дворцом и произнес:

– Господин Тит! Божественный император Нерон ждет тебя!

– А ты чего здесь стоишь, тебя что, выгнали или уже просто не пускают? – спросил Флавий Гелия и не спеша направился в зал.

А тот ему вслед ответил:

– Смотри не упади в обморок от страха, когда будешь стоять перед Нероном. Помнится, в детстве ты это часто делал перед императором Клавдием!

Тронный зал соответствовал величию Рима. Видя этот размах, высоченные потолки, огромные залы, где каждый чувствовал себя ничтожно малым, иноземные гости ощущали себя морально раздавленными и уничтоженными. Посередине, вдоль всего прямоугольного зала, лежала неопишущей красоты ковровая дорожка. По кругу расставлены столы, сделанные из мрамора, как и пол. В стенах, в специальных нишах, расположились статуи всех предыдущих императоров, стояла здесь и статуя Юлия Цезаря, хотя он и не был при жизни императором, но Нерон не мог его не поставить, потому что очень гордился своим знаменитым предком и всегда подчеркивал свое происхождение из рода Юлиев. Даже статуя Нерона уже украшала собой зал. Светильные лампы расположились по бокам статуй. Вдоль дорожки стояли преторианцы, делая живой коридор.

В конце зала находился большой золотой трон, на котором в окружении советников, в пурпурной, обшитой золотом тоге и лавровым венке, сделанном из золотых прутьев, восседал император Римской Империи Нерон. Многие тайно называли его Агенобарбом, именем его отца или рыжебородым. Он ненавидел, когда его так называли. Однажды напившись, один из военачальников поднял кубок и произнес тост в честь Нерона, назвав его рыжебородым, за что сразу же поплатился жизнью.

Но факт оставался фактом: толстый, с рыжими волосами и такой же бородой, с лицом ребенка и пустым пресыщенным взглядом, он достоин был сострадания, а не восхищения. Ненавидя своих родственников, тем не менее любил приближенных. Во многих из них он был влюблен, как и в свою вторую супругу Пoppею Сабину, которая восседала слева от него, на троне, находящемся ниже трона императора. Пoppея – жестокая женщина 35 лет, поссориться с которой означало то же самое, что покончить жизнь самоубийством. Если Нерон мог изредка обидчика или виновника помиловать и простить по ходатайству друзей или окружения, то она всегда шла до конца. В красивейшей столе из дорогого шелка и обвешанная всевозможными украшениями, она походила больше не на императрицу, а на торговку, которая выставила весь товар напоказ.

Справа от владыки на нижнем троне сидел префект преторианцев Офоний Тигеллин – правая рука императора, высокий брюнет 55 лет с черными глазами, хитрый и очень подлый человек.

Тит, дойдя до них, стал на одно колено и приветствовал:

– О божественный из всех божественных! Ты наш свет, который ведет сквозь темноту к спасению. Что бы делали мы, смертные, если бы боги не послали нам великого императора, гениального актера и певца, поэта и философа? Да мы бы просто померкли!

Пoppея при этих словах закатила глаза кверху, а Офоний громко рассмеялся.

Нерон нервно повернулся к смеющемуся:

– Ты что, совсем обезумел? Если ты смеешься над такими красивыми словами, адресованными мне, значит, ты смеешься и надо мной? – с горькой обидой в голосе спросил он.

– Что ты, владыка, я смеюсь над этим глупцом, который говорит эти слова с таким видом, будто он, он... – и Тигеллин опять начал громко смеяться.

– Ты смеешься, потому что сам никогда не мог и двух слов связать, глупец. Теперь иди вон, и когда насмеешься вдоволь, придешь, – зло сказал император. – Тит, встань с колен!

Офоний сразу пришел в себя и перестал хохотать, Флавий же встал и продолжил приветствовать:

– Да благословят боги божественную императрицу и ваше еще не рожденное чадо! – и он ей поклонился.

Поппея сделала вид, что не слышит. Тит сам удивлялся, почти все окружение еле терпит его и наверняка настраивает против него Нерона. Так почему же он еще при дворе?

– И, наконец, Тигеллин, приветствую тебя! – завершил Флавий.

– И это все? – возмутился Офоний. – А где комплименты?

– Ты их не заслужил!

Тут Нерон поднялся с трона и велел всем замолчать. Он приблизился к Флавию и обнял его:

– Мой друг! Прости этого глупого Тигеллина. Он всегда был ограниченным человеком. Ведь у него, как у нас с тобой, не было наставника в лице Сенеки! – и внимательно посмотрел на Тита.

Тут-то он все и понял. Это намек. Император уже про все знает, надо сознаваться. Но что он знает – про заговор или про Сенеку? Если знает про заговор, то отчего не расстроен? Он же всегда впадал в депрессию, когда узнавал о каких-либо кознях против него. Выбора не было. На кону стояла не только его жизнь, но и жизнь семьи.

– Владыка! Сегодня, когда я к тебе ехал, ко мне сел Сенека. Он сознался, что не по своей воле был вовлечен в заговор против тебя! – у него пересохло в горле. А вдруг Нерон и его объявит соучастником? – Вот список всех, кто вовлечен в этот заговор! – и Флавий передал свиток уже севшему на трон императору.

Но к удивлению Тита, Нерон не только не испугался, но даже не удивился и, прочитав до конца, повернулся к Тигеллину:

– Вот видишь, Офоний! Ты говорил, что он мне ничего не скажет и тем самым защитит своих друзей. Но я вам всегда говорил, что Титу могу доверить свою жизнь!

– Ты сам ему намекнул на Сенеку! Ты подыграл ему! – отчаянно заявил Тигеллин.

– Ты меня называешь обманщиком? – уже не на шутку рассердился император.

– Нет, что ты! Я прошу простить меня, просто надеялся уже арестовать его, и только! В твоей честности никто и никогда не сомневался и не сомневается! – смиренно ответил тот.

– Вот и умница! – произнес, успокоившись, Нерон. – Еще раз такая выходка – и сам будешь арестован! – Затем он обернулся к супруге и спросил: – А ты что думаешь про Тита?

– А мне-то что, – равнодушно ответила та. – Я к нему нормально отношусь, в отличие от сидящего справа от тебя.

Флавий перебил их:

– Но повелитель, это ты подослал ко мне Сенеку? Все, что он сказал, это ведь неправда? – с надеждой в голосе спросил он.

– Во-первых, я искренне сожалею по поводу смерти твоей матери, которая действительно была отравлена вашим эскулапом, ведь он входил в этот заговор. Во-вторых, Сенека вчера ко мне пришел и во всем сознался. Я, конечно, был поражен, потому что такое количество патрициев вовлечено в заговор. Они действительно желали моей смерти, это после всего, что я для них сделал! – Нерон горько заплакал. Затем, быстро успокоившись, продолжил. – Хорошо, что у меня есть фрументарии⁵³ и верные помощники, которые отреагировали мгновенно, и вчера был арестован организатор, а вместе с ним еще несколько человек, – и он удовлетворенно посмотрел на Тигеллина, затем перевел взгляд на Тита. – Естественно, я теперь подозреваю всех. Мне необходимо было тебя проверить. Конечно же, Сенека мог тебя предупредить о моем плане! Поэтому я придумал еще один способ проверки для тебя, разумеется, последний. Ты готов выполнить его?

– Что прикажешь, все выполню! – скороговоркой произнес Флавий.

---

⁵³ Фрументарии – имперская служба внутренней безопасности.

– Похвально! Тогда ты должен казнить нескольких сенаторов, тебе поможет в этом Офоний, но это потом. Сейчас самое главное: когда придешь к своему другу Фению Руфу, находящемуся под арестом дома, ты должен будешь убить его! Ты же хочешь отомстить за мать? Или нет?

Флавий был в ужасе, убить, так ни в чем и не разобравшись, а вдруг тот не виноват? Надо было что-то придумать.

– Можно я для начала проведу эскулапа Рубрия? Лично его хочу убить. А потом и Фения.

– Что же, это твое право! – улыбнулся Нерон.

– Можно еще один вопрос? – и, восприняв молчание как знак согласия, продолжил: – Ты что, действительно послал преторианцев охранять меня?

Нерон немного смутился, быстро посмотрел на Тигеллина, затем опять на Тита:

– Это новая система защиты, придуманная Офонием. За всеми, кто приближен ко мне, следят по два преторианца, – и поспешил добавить: – Они, конечно, и защищают вас, иначе я бы не согласился.

– Благодарю за защиту, владыка! – раздраженно ответил Тит.

– Видишь, он над тобой издевается! – воскликнул Тигеллин.

– Успокойся, Офоний. Я тоже на его месте был бы раздраженным, – Нерон благосклонно посмотрел на Тита. – Эта система оправдывает себя, я прекрасно знаю, с кем ты за последнее время встречался, что делал, где развлекался. И она тебя, по большому счету, спасла.

– Так ты что, знал о заговоре еще раньше?

– Я всегда жду заговора, потому что вокруг меня змеи, постоянно пытающиеся смертельно укусить. О заговоре мне было известно уже давно, но что он был таким масштабным, узнал только вчера.

– Тогда, повелитель, с твоего разрешения я пойду домой переоденусь в военную форму и приступлю к выполнению твоей просьбы! – и Флавий поклонился.

– Конечно, иди, но помни: от успеха этой миссии зависит многое. Если все пройдет гладко, я приближу к себе твоего отца. Ему сейчас тяжело без золота. А тебя ждет должность квестора⁵⁴ в царстве, послы которого только что вышли перед тобой. Ты же знаешь, тот, кто был квестором, затем становится сенатором, насколько мне известно, ты давно об этом мечтаешь! Вот видишь, я уже увидел в твоих глазах блеск, который так люблю, – Нерон повернулся к Тигеллину: – Иди с Титом и возьми двадцать преторианцев, больше не надо. Вы же не на войну, в конце концов, идете! – и он рассмеялся.

Когда Флавий с Офонием вышли из зала, первый спросил:

– Скажи, послы какого царства вышли передо мной?

– Дикого племени! Будешь квестором дикого племени, а ты, видать, думал, что тебя отправят в Африку, как твоего отца? – и он начал так смеяться, что его наверняка слышали во всем дворце.

– Слушай, в отличие от тебя, Гелий просто подарок богов, я теперь начинаю его очень ценить.

– Гелий такой же неудачник, как и ты. Благодарите Нерона, что вы еще живы, будь моя воля, вас обоих встречал бы сейчас Плутон!

– Я удивляюсь, как это император тебя терпит? И зачем он со мной послал тебя, ты же при любом удобном случае если и не убьешь меня, то все перевернешь или подставишь!

– Да брось! Ты мне так нужен, как карфагенянам снег. Мне ты не конкурент, а значит, трогать тебя не собираюсь. Признаюсь, я хотел бы тебя арестовать, но если ты сейчас чистый,

---

⁵⁴ Квестор – низший по рангу магистрат, ответственный за финансы и казну провинции либо города.

нужен ты мне. Может, со временем и попадешься, и вот тогда... – Офоний с удовольствием потер руки.

Пока собрали преторианцев, пока Тигеллин переоделся и пока дошли до виллы Флавиев, наступила ночь. Тит сказал:

– Вы на улице постойте, пока я переоденусь. Я не знаю, но, может, гости еще не ушли, сегодня обед в память о матери, а вы их можете напугать.

– Ты что? – удивился Офоний. – Как ты это себе представляешь, двадцать преторианцев стоят перед твоей виллой и ждут чего-то? Что подумают бедные наши граждане?

– Только не надо рассказывать, как ты заботишься о римлянах! Как арестовывать всех подряд, а некоторых публично и убивать, так это ты первый, а как постоять немного... Ладно, заходите, только пройдите в перистиль, не надо толпиться в атрии.

Когда все преторианцы направились в указанное место, рабы виллы ужаснулись, так как подумали, что происходит арест всех живущих здесь, но, увидев Тита, который не выглядел арестованным, успокоились.

– Гости уже ушли или нет? А где отец? – спросил Тит юношу раба, стоявшего ближе всех к нему.

– Все разошлись, господин. А хозяин Веспасиан в кубикуле твоей сестры, они о чем-то спорят.

Тигеллин стоял сзади и все слушал. Когда же Тит отправился к Домицилле, тот последовал за ним. Флавий обернулся к префекту:

– Если ты не возражаешь, я со своей семьей поговорю сам.

– Конечно, само собой разумеется. Просто решил посмотреть, как ты живешь. Ведь здесь я никогда не был, – и Офоний пошел в другую сторону.

Подойдя к двери, ведущей в кубикулу, Тит услышал громкий разговор и не стал открывать ее, а внимательно слушал, что там происходило.

– Я не могу, отец, просто не могу, он ведь старый, толстый, уродливый и к тому же примитивный человек! – убеждала Домицилла.

– Наоборот, он сенатор, уважаемый человек в Риме, очень тебя любит и безумно богат. Я же тебе только что говорил, что мы практически нищие, занимаем монеты у моего родного брата, а чем отдавать? – кричал Веспасиан.

– Потому что не стоило было быть слишком честным, когда ты был проконсулом Африки. Ты получил за год миллион сестерциев⁵⁵, но вместо того чтобы привезти их в семью, помогал провинции и ее гражданам. Другие были взяточниками и казнокрадами, а теперь уважаемые люди, и сейчас ты меня за одного из них хочешь выдать замуж, за мой счет собираешься разбогатеть?

Послышался звук пощечины. Старший сын Флавия сразу ворвался в кубикулу и увидел сидящую на полу сестру, которая держалась за левую щеку, а отец яростно смотрел на нее. Редко можно было увидеть, чтобы Веспасиан, всегда хладнокровный и спокойный, выходил из себя. Но слова дочери ранили его больше всех слов, слышанных за жизнь.

– Тит, сынок! Мало того, что она нарушает римские традиции, когда родители выбирают дочерям супруга, так она еще меня оскорбляет, – затем повернулся к дочери: – Я такого унижения не потерплю. Я честный человек и таким умру. Я не брал взятки, не был вором, и меня полюбили во всей империи. Сейчас благодаря мне род Флавиев пользуется популярностью и уважением. Я освоил ремесло погонщика мулов, чтобы хоть как-то прокормить вас. Хвала Нерону, который благодаря твоему брату давал нам ауреи, правда, мы их уже проели. И ты, ничего и никогда не сделавшая в жизни полезного, будешь меня упрекать?

Тит обратился к отцу:

---

⁵⁵ Сестерций – бронзовая римская монета.

– Почему император знает, что мы обнищали, а я, твой сын, нет, ты что, мне не доверяешь?

– Не хотел тебя беспокоить, я заложил виллу в Испании и нашу. Задолжал твоему дяде уже целое состояние, а аурей для жреца Юпитера на погребении дал мне брат, я не хотел так много платить.

– Кого ты выбрал в мужа Домицилле?

– Сенатора Гая Страбона.

– Весомая фигура, сенатор и городской претор. Домицилла, у тебя супругом будет римский судья! – обратился брат к ней. – Ты будешь полностью всем обеспечена и от всего всегда защищена.

– Я его не люблю, как вы не понимаете, а люблю другого! – с отчаянием в голосе произнесла она.

– Да, и кто же это? Я хочу знать! – повелительным тоном сказал Веспасиан.

– Фений Руф! – и она расплакалась.

У Тита от этого имени внутри все похолодело. «Этот страшный день никогда не закончится. Только этого еще не хватало. Если сестра узнает о моем задании и что я исполню его, то уже никогда меня не простит», – подумал он.

– Никакого Фения, он в опале и не очень богат, а любовь – дело проходящее, – произнес глава семьи.

– Отец, мне нужно с тобой поговорить наедине, давай выйдем, – обратился к нему старший сын.

Когда они зашли в соседнюю кубикулу, принадлежащую Титу, тот все рассказал Веспасиану. Реакция отца была мгновенной.

– Я пойду с вами. Они не должны узнать, что Домицилла влюблена в Руфа, надо сделать так, чтобы он замолчал прежде, чем что-либо скажет, иначе нас всех обвинят в заговоре.

– Но отец, я должен с ним поговорить и узнать правду!

– Ты ее и так знаешь. Хватит играть с огнем! Одевайся.

Тит надел на нижнюю льняную одежду кожаную тунику, поверх которой накинул красный плащ. Справа у него свисал гладиус⁵⁶, а слева кинжал. Надел прочные кожаные сандалии, подбитые гвоздями, и позвал всех на улицу. Когда Тигеллин с преторианцами вышел, он увидел старшего Флавия, одетого в военную форму.

– Приветствую тебя, военачальник Веспасиан! Неужели ты нас будешь сопровождать? Что, Тит сказал, что сам не справится, и поэтому, как каждый хороший мальчик, позвал своего отца на помощь, да?

– Нет, Офоний. Я сам вызвался, мне надо увидеть смерть Фения, он должен ответить за то, что сделал с моей супругой.

– Пожалуй, в вашу семейную драму я вмешиваться не буду. Но учтите, Руфа должен убить Тит и никто другой. А иначе... Теперь пошли к инсулам Рубрия.

Путь лежал в Субур – равнину между Эсквилинским, Квиринальским и Виминальским холмами – один из самых густонаселенных, оживленных, опасных, шумных, сырых и грязных районов Рима, со множеством торговцев и простибул. Жители приходили в ужас, когда видели проходящих мимо них преторианцев с факелами в руках, а освещавший их огонь делал лица намного страшнее. Все как один при виде их расступались, потому что знали: такое количество преторианцев, да еще и ночью, явно не к добру, к тому же между ними мог быть и сам император. Если кто-то не успевал отступить, то его толкали в сторону, при этом могли ударить, и не важно, кто это был.

---

⁵⁶ Гладиус или гладий (лат. gladius) – римский короткий меч (до 60 сантиметров).

Проходя мимо одного домуса⁵⁷, в котором кубикула, выходящая на улицу, была переделана под лавку, они увидели выбежавшего оттуда человека, держащего что-то в руках. За ним появился хозяин, начавший звать на помощь, чтобы задержали вора. Тот, увидев преторианцев, от перепуга выронил украденный серебряный поднос, стал как вкопанный, хозяин тоже остановился. Преторианцы даже внимания не обратили на все это и продолжали путь. Только Тигеллин, не мог спокойно что-то делать без вмешательства, становился и приказал:

– Преторианцы, стоять! – Затем повернулся к пострадавшему: – Старый глупец! Кто ночью держит открытой лавку с антиквариатом? Поэтому и воруют, а ловить их кто будет, мы?

– П-п-прости, г-го-господин, – дрожащим голосом произнес хозяин лавки. – Бо-больше этого не повторится!

– Конечно, не повторится, если тебя проучить! – и префект повернулся к стоящему, как камень, вору: – Подними то, что уронил, и иди отсюда, тебе ничего не будет, даю слово, как второе лицо в империи.

Грабитель, ничего не понимая, сделал так, как ему велели. И, отдаляясь от них, все еще ожидал нападения, думая, что это или обман, или розыгрыш. Хозяин же был в ужасе. Перед ним стоял представитель власти, который явно вел себя неадекватно.

– П-прости, господин. Я виноват, прошу помиловать меня, ведь я ничего плохого не совершил. Плачу постоянно налоги, приношу в жертву в честь императора быков, никогда за мной не было замечено никаких нарушений. Я чист перед империей.

– Молчать, пока тебя не спросили! Или ты считаешь, что я к тебе придираюсь? – спросил Офоний.

– Хватит, Тигеллин, у нас мало времени, ты его и так уже наказал, нам надо идти, – заступился Флавий-младший.

– Неужели, Тит? А у меня появилась идея получше. Он оскорбил меня, и я тебе приказываю отрубить ему голову.

– Офоний, приди в себя. Если тебе скучно, сам им и занимайся, мы же тогда пойдем к Рубрию и Фению без тебя, – заявил Веспасиан и вместе с Титом зашагал дальше по улице.

Сзади послышался крик, затем настала полная тишина.

Они прошли еще немного, пока не прибыли к месту назначения. Их взору предстали четырехэтажные инсулы. Некоторые жилища в них были роскошными и состояли из просторных кубикул, а некоторые бедными, с тесными каморками. Обеспеченные горожане жили на нижних этажах, а бедные – на верхних деревянных этажах без всяких удобств. На первом этаже чаще всего находились лавки, таверны и общественные уборные. Пока Флавии стояли, к ним подошли остальные.

– На каком этаже живет этот ваш эскулап? Наверное, на последнем. Те денарии, что вы ему платили, вряд ли могли его прокормить, а тем более содержать хорошее жилье, – с иронией произнес Тигеллин.

– Что, удовлетворился убийством невинного человека? Я вижу, что очень! – сказал с презрением Тит. – Кубиклы Рубрия на втором этаже, но что-то там темно.

– Тит, только не строй из себя хорошего человека. Рассказать твоему отцу, что ты вытворял на улицах вместе с императором и, кстати говоря, со мной. Как лужи крови...

– Хватит, Офоний! Давай лучше приступим к делу, – перебил его Веспасиан.

Префект заулыбался и пошел вместе с ними к лестнице на первом этаже. Поднявшись на второй, став перед дверью, он произнес:

– Именем императора, откройте! – и, ничего не услышав в ответ, велел взломать дверь.

---

⁵⁷ Домус – частный дом.

На лестнице слышался шум, жильцы спрашивали друг друга, что случилось, кого пришли арестовывать. Когда преторианцы ворвались внутрь, то увидели фактически пустые кубиклы, где не было не только вещей, но даже мебели, только старая кровать.

– Да, похоже, что ваш медицинский гений покинул Рим. Как вы думаете, куда Рубрий мог отправиться? – спросил Тигеллин.

– Этого никто не знает. Он, насколько мне известно, вообще не покидал города в течение всей жизни, – ответил Флавий-младший.

Флавий-старший с удивлением посмотрел на сына.

– Как бы там ни было, его дело уже закрыто. Теперь идемте к Руфу. Преторианцы, на выход! – и, указав пальцем на дверь, Офоний вышел за ними.

– Все становится еще запутаннее, – сказал Тит отцу. – Рубрий же иудей, есть вероятность, что он отправился к родственникам в Иерусалим. Помнишь, Рубрий несколько раз к ним ездил? Я должен еще раз поговорить с Сенекой, если он мне все нормально не объяснит, тогда отправлюсь на поиски лекаря, а про должность квестора забуду!

– Почему запутанно? – удивился Веспасиан. – Тит, чего ты всегда во всем видишь подвох? Хватит здесь стоять, пошли!

Наконец они оказались на холме Яникул, который пересекал реку Тибр и был застроен многочисленными жилищами из-за прекрасного вида, открывавшегося с его вершины на город. Между шикарными виллами находился домус экс-префекта. Заходя в большой перистиль, Веспасиан попросил у Тита дать ему свой кинжал, тот подчинился, и отец незаметно спрятал его. Затем зашли в атрий, откуда Тигеллин и Тит попали в таблин, остальные же остались у входа.

Руф сидел совершенно спокойно в окружении четырех стоящих преторианцев. Увидев друга, Фений обрадовался, и в нем зажглась надежда на спасение, а глаза просили о помощи.

– Преторианцы, оставьте нас! – сказал Офоний. После этого, обращаясь к Руфу, продолжил: – Ты за свой подлый заговор против Нерона императором осужден на смерть. Тит с удовольствием выполнит его волю. Что-то хочешь сказать в свою защиту?

Фений перевел взгляд с Тигеллина на Флавия-младшего, и последний ужаснулся, увидев в глазах того всю боль и скорбь, будто получил смертельный удар в спину от самого близкого человека.

– И ты, Тит, и ты? – с горечью произнес осужденный. – Передай, что я всегда буду ее любить. Обещай, что передашь!

– Кого это ты будешь всегда любить? – поинтересовался Офоний.

У Тита возникло желание спасти Фения, перебить всех воинов и убежать вместе с семьей туда, где их никто не найдет. Но в этот момент Веспасиан, заходя в таблин, сильно толкнул Тигеллина в спину, тот отлетел в сторону, перекинулся через софу, а Флавий-старший, тоже падая, успел кинуть кинжал в горло Руфа. Последний инстинктивно рывком вытащил из шеи кинжал и упал с биселлия⁵⁸ на пол.

Сразу же ворвались преторианцы и стали осматривать лежащих на полу людей. Тигеллин вскочил первым и, оттолкнув помогавших ему охранников, стал неистово кричать:

– Ты что, совсем одурел, глупец? Я расцениваю это как попытку моего убийства... А это еще что такое? Кто убил Руфа, почему он уже мертв?

Веспасиан, тоже поднимаясь с помощью преторианцев, ответил:

– Прошу прощения, Офоний, я споткнулся об порог и, пытаясь удержаться, вцепился в тебя.

---

⁵⁸ Биселлий – кресло.

– Вцепился? – в гневе спросил тот. – Вцепился? Да ты меня со всей мощи отшвырнул в другой конец! – Внезапно его осенила мысль: – А, я понял, это ты бросил кинжал в этого неудачника!

– Не надо меня во всем обвинять. Это сделал Тит, как ты и хотел. Видишь, мое оружие в ножнах, а у моего сына его нет.

Тигеллин посмотрел на Флавиев, затем подошел к покойнику и, взяв из его руки орудие убийства, отправился к Титу проверить, как кинжал входит в ножны. После проверки Офоний спросил, обращаясь к охране:

– Кто-то видел, что у Тита, когда он сюда заходил, не было кинжала?

Преторианцы пожали плечами.

– Умно. Очень умно, – обратился к Флавию-старшему префект.

– Не ищи заговоров там, где их нет.

– Кого Фений будет всегда любить? Кому ты должен это передать? – спросил Тигеллин у Тита.

– Даже не знаю, о чем это он.

– Допустим, что сейчас вам поверю, но не сомневайтесь, рано или поздно я узнаю правду, и тогда вы лично мной будете осуждены все вместе на смерть. Теперь идите домой, завтра император вас будет ждать на торжественном обеде во дворце, – и, повернувшись к охране, приказал: – Уберите здесь все, – затем вышел, а за ним последовала часть преторианцев.

Флавий-младший еще некоторое время приходил в себя от всего происшедшего. Если бы не его отец, возможно, он бы спас Фения и узнал бы, прав ли был Сенека, обвинив его друга в смерти матери. Хотя и так понятно, Руф не мог бы убить своего шурина или свою будущую тещу. Как теперь он посмотрит в глаза сестры, ведь из-за него она лишилась любимого.

– Не переживай ты так, – сказал сыну Веспасиан, когда они уже отходили от домуса Руфа. – Я сделал то, что должен был сделать каждый глава семьи, защищая своих детей. Если бы Тигеллин узнал, что Домицилла влюблена в Руфа, нас бы всех посчитали участниками заговора против императора. А последствия этого тебе и так понятны.

– Я бы и сам мог, а ты мне не доверяешь.

– Нет, этого ты бы не смог. И я тебя ни в коем случае ни в чем не виню и, будь уверен, что тебе полностью доверяю. Однако он был твоим другом, и уж я-то знаю, что убить друга практически невозможно. Для меня же он был никем.

– Отец! Сейчас мне необходимо зайти к Сенеке, он живет недалеко отсюда. Я уверен, что он мне скажет всю правду.

Флавий-старший вздохнул, но последовал за сыном к вилле Сенеки, которая находилась в двух кварталах отсюда. Когда Флавии подошли и постучали в ворота, к ним вышел центурион и сообщил, что Сенека арестован. Если кто-то хочет его видеть, должен иметь разрешение либо императора, либо префекта преторианцев.

По дороге домой Тит сказал отцу:

– Теперь ты видишь, что я не смогу ничего узнать у Сенеки, фактически он уже покойник. Но есть еще одно: Нерон сказал, что некоторых заговорщиков он арестовал, а некоторых нет. Надо нескольких из них посетить.

Придя на свою виллу и войдя в атрий, они обнаружили заплаканную Домициллу, которая явно их ожидала:

– Где вы были всю ночь, куда вы ходили, что вы сказали Руфу?

– Иди быстро спать, – приказал Веспасиан. – Или мы должны перед тобой во всем отчитываться, ты что, великой хозяйкой себя возомнила?

– Тит, любимый братик! Скажи правду, с Фением все нормально, что он сказал про меня, передавал ли мне что?

Тит, ничего не отвечая, прошел в свою кубикулу, закрылся и лег на кровать. Разные мысли лезли в голову. Вина перед сестрой камнем легла на сердце. «Я мог спасти ее возлюбленного и своего друга. Ну и что, что там было больше двадцати преторианцев, вместе с Руфом и отцом мы, если и погибли бы, то с чистой совестью, в бою, как и подобает истинным римлянам. А теперь необходимо с этим жить всю жизнь. Что бы сказала мать, осудила бы она меня или оправдала?»

Уже рассвет, а грусть его только увеличивалась. К завтраку Тит не вышел, а все лежал и думал. Наконец поднялся и, надев белую тогу, вышел в атрий, где рабы слонялись без дела. Не обращая внимания ни на какие вопросы и разговоры, он вышел на улицу и отправился к вилле одного из участников заговора. Вероятность того, что там уже давно никого нет, либо он был уже арестован, либо убежал подальше от города, была большой. Но чаще всего уважаемые люди не убегали, а дожидались либо суда, либо, как было заведено, кончали жизнь самоубийством.

Вилла патриция находилась на Палатине. Хотя это было излюбленным местом для резиденций императоров и общественных зданий, тем не менее здесь жило большинство чиновников и сенаторов. В отличие от виллы Сенеки, здесь не было охраны. Флавий прошел за хозяином в перистиль, и они сели на скамью.

– Так чего же ты хочешь, мой друг? – начал разговор Лукан.

Лукан Марк Анней являлся римским писателем, создавшим великую поэму «Гражданская война» (*Bellum Civile*). Он с Титом родился в один год, но выглядел немного старше, возможно, из-за бороды. Вид у него был уставший и при его положении довольно спокойный.

– Я вижу, что ты, в отличие от твоего дяди Сенеки, хорошо устроился, – сказал Флавий.

– Ничего страшного с ним не произошло, его лишь хорошо охраняют. Нас император помиловал и защитил за такое важное сообщение.

– Да брось, ты же знаешь, как Нерон «любит» тебя и твоего дядю.

– Неправда, мы с божественным лучшие друзья!

Тит насупился и внимательно посмотрел по сторонам. Такие слова в адрес императора могли означать только одно.

Лукан был талантливый писатель, и Нерон сначала симпатизировал ему, затем же стал завидовать, а со временем и люто возненавидел. Поэтому его имя в списке заговорщиков было вполне очевидным.

– Тигеллин! – воскликнул Флавий. – Тебя не учили, что подслушивать – очень плохо? Выходи, хватит прятаться. Я знаю, что ты здесь!

И действительно, из-за угла появился Офоний с преторианцами:

– Это тебе Лукан дал знать, что я здесь? – и он посмотрел презрительным взглядом на Марка Аннея.

Тот, мертвенно побледнев, начал оправдываться:

– Господин, ты же видел, я ничего не говорил и не показывал, клянусь честью своей семьи...

– Молчать! Я вопрос задал Титу, а не тебе. И не клянись честью своей семьи, она себя опорочила и запятнала. Твой дядя Сенека, например, уже очистил себя от этой грязи.

– Как? – ужаснулся Марк Анней.

– Этой ночью он по моей просьбе покончил с жизнью, – совершенно спокойно оповестил Тигеллин. – Тебя же я не прошу, а приказываю, иначе сам тебя удушу.

Лукан онемел от страха и не смог больше произнести ни слова.

– Как ты узнал, что я здесь? – не успокоившись, спросил Офоний у Флавия.

– По словам Лукана. Он с императором лучшие друзья – да это просто смешно! Божественный его не переносит и правильно делает, – ответил Тит. – Теперь ты ответь на вопрос: ты ждал здесь меня или кого-то другого?

– Конечно, тебя! Я был у Сенеки, когда ты приходил, и слышал твой разговор с центурионом. Понятно, что если не смог поговорить с ним, ты отправишься к его родственнику и соучастнику. Я оказался прав. Жаль, что он своим разговором выдал мое присутствие, и я не узнал, что ты хотел. Но может, ты мне все же скажешь о цели своего визита?

– Спросить, почему нельзя попасть к Сенеке. А ты что думал, что я пришел пригласить принять участие в новом заговоре против тебя? – и Тит рассмеялся.

– Учти, Нерон про все узнает, и тогда...

– Что узнает, что? Я не сделал ничего плохого против императора, наоборот, выполнил его приказ и буду всегда исполнять приказы и никогда, ты слышишь, никогда не пойду против него!

– Строишь из себя слишком преданного? Строй и дальше. Это твой единственный способ продлить свою никчемную жизнь. А теперь уходи отсюда или ты хочешь увидеть смерть Лукана? – с насмешкой спросил Тигеллин.

– Знаешь, возможно, ты окажешься в такой же ситуации, когда, убивая себя, вокруг будешь слышать лишь смех, – сказав это, Флавий зашагал к выходу.

– Но перед этим я обязательно посмеюсь над тобой, – сказал уходящему префект.

Идти к остальным участникам было уже бесполезно, и Тит поспешил домой.

Глава III

Огромное количество гостей, приглашенных во дворец на пир, было явлением вполне естественным. Нерон был только рад, чтобы как можно большее количество людей видело его роскошный дворец, перед которым рабы встречали всех прибывших и сопровождали их в главный триклиний, построенный в форме круга. Внутри буквой «U» стоял длинный стол.

Веспасиан и Тит зашли в зал, когда большая часть гостей уже возлежала за столом и громко разговаривала. Кроме сенаторов тут были префекты, консулы, квесторы, легаты⁵⁹ и вся элита империи. За главным столом расположились Гелий и Тигеллин, они о чем-то яростно спорили. Тит поприветствовал нескольких сенаторов и возлег за боковой стол возле своего дяди, поближе к столу императора:

– Приветствую тебя, Флавий-младший перед младшим, то есть передо мной.

– Опять ты за свои шутки взялся, – сурово сказал Сабин. – Не можешь просто сказать: «Приветствую тебя, великий из великих»!

– Боюсь, что тогда Нерон увидит в тебе конкурента.

Они вместе рассмеялись. Клементина недовольно на них посмотрела.

– Я хочу поблагодарить тебя за одолженные монеты и пообещать, что скоро все верну, – продолжил Тит.

– Не ты у меня занимал и не тебе мне отдавать. Это дело только мое и твоего отца.

– Ты так заявляешь, будто я малолетний ребенок и не понимаю, о чем говорю, – возмутился племянник.

Они замолчали, когда к ним подошли рабы и стали класть на стол салат, редис, грибы, устрицы, ракообразные, сардины, яйца и ставить кувшины с вином из Кампании⁶⁰ и Греции. Вокруг стола выстроились акробаты, шуты, жонглеры, музыканты и танцовщицы.

– Нет, ты не маленький. Но не лезь не в свои дела.

– Не лезть? Да ты отца морально убиваешь, ты же даешь ему под проценты! Уже целое состояние набежало.

– Послушай меня, если тебе что-то не нравится...

Вдруг резко заиграла музыка, и все разговоры в зале утихли. Гости поднялись, приветствуя входящих в триклиний императора и императрицу. Нерон радостно обвел глазами всех гостей и произнес:

– Дорогие мои, любимые! Я рад приветствовать вас в моем скромном жилище и надеюсь, что вы по достоинству оцените мой труд по насыщению вас.

Все громко засмеялись и захлопали, выкрикивая хвалу императору.

– Также хочу с вами поделиться несчастьем, которое свалилось на мою чувствительную натуру. Недавно был раскрыт заговор с целью убийства вашего любимого повелителя.

В зале послышалось оханье и вскрикивание от ужаса.

– Все виновники уже арестованы, а некоторые из них наказаны. Главный зачинщик Пизон, глупец, который возомнил себя кандидатом на трон, покончил жизнь самоубийством. При этом он оставил завещание, где просит меня помиловать его жену Сатрию Галлу. Скажите мне, как я могу помиловать женщину, супруг которой пытался убить императора? Понятно, что она была с ним заодно. А теперь приведите ее сюда, – обратился он к преторианцам.

В зал ввели женщину, которая, несмотря на страдания, держалась гордо и достойно.

---

⁵⁹ Легат – командующий одним легионом.

⁶⁰ Кампания – область в Южной Италии. В античный период была частью Великой Греции. Во время Пунических войн область была занята Ганнибалом. Затем перешла под власть Рима.

– Смотрите, смотрите на нее, даже сейчас у нее нет и капли раскаяния. Так какой вы дадите мне совет, что мне сделать с этой предательницей?

Все начали кричать и показывать вниз большим пальцем.

– Благодарю, дорогие мои, что вы меня поддержали, – со слезами на глазах оповестил Нерон. – Казнить ее на открытии игр, там и я буду присутствовать, – приказал он преторианцам.

Сатрия не выдержала и произнесла:

– Напрасно радуешься, рыжебородый, все сидящие здесь не твои друзья, они сами каждый день замышляют заговор против тебя, и будь уверен, рано или поздно он обязательно осуществится!

Перепугавшись, гости затихли и посмотрели на императора, пораженного сказанным. Придя в себя, он подошел к ней и сказал:

– Прежде чем казнить, тебя отдадут для утех заключенным, бездомным и больным. Посмотрим, что ты тогда заговоришь. Увести! – затем, повернувшись к гостям, произнес: – Видите, что я должен терпеть ради вашей безопасности? А теперь начинаем трапезу, я вижу, все заждались. Но перед этим приказываю открыть крышу.

Многие, кто еще этого не видел, восхитились и поразились, когда крыша постепенно начала открываться, и все смогли насладиться видом голубого неба. После чего Нерон возлег в окружении супруги, Офония и Гелия, а присутствующие принялись за еду и питье.

Главная смена блюд состояла обычно из семи кушаний, в том числе рыбы, мяса и птицы. В качестве гарнира к ним подавались овощи с разнообразными соусами. Постепенно напиваясь, гости стали чувствовать себя свободнее и раскованнее, у них развязывались языки, и все чаще были слышны уже ругательства в адрес друг друга. Тигеллин пытался внимательно следить за каждым и по возможности слышать, кто что говорит.

Затем все начали просить императора спеть или прочитать свои стихи, Нерон сначала отбивался, а затем согласился и, выйдя на середину зала, начал петь. Пел он отвратительно, но все так восхищенно на него смотрели, что создавалось впечатление, что перед ними стоит гениальный певец. После окончания выступления гости долго аплодировали и громко восхищались его талантом. Император вновь возлег за столом, и трапеза продолжилась.

Наконец, когда гости уже насытились, рабы унесли все столы целиком и на их место принесли новые, на которых разместились всевозможные фрукты, орехи и медовое печенье.

Застолье продолжалось до поздней ночи, и многие уже не контролировали себя. Сам Нерон до такой степени опьянел, что, перевернув стол, начал целоваться сразу с несколькими супругами сенаторов. Офоний все еще пытался за всеми следить, но поняв, что не осиливает это, сам пошел развлекаться. Гелий же, напившись, попытался встать, но свалился на пол и уснул.

В этот вечер только Тит и Пoppея были трезвыми. Последняя, видя своего супруга, как всегда, пьяного и развратного, чувствуя свою силу, не выдержала и закричала:

– Посмотрите на него! И это наш император! При собственной супруге, которая является самой красивой женщиной в империи, он развлекается с другими! Да я для любого мужчины предел мечтаний и сейчас всем докажу это! – При этих словах она схватила ближайшего, им оказался Сабин Флавий, и поцеловала его.

Нерон, увидев это, пришел в ярость. Раскидав женщин в стороны, он направился к императрице. Приблизившись и отшвырнув Сабину, пристально посмотрел на разъяренную супругу, замахнулся и изо всей силы ударил ее кулаком в лицо. А когда она упала, он с еще большей злобой и жестокостью стал бить Пoppею ногами в живот и лицо. Тит, увидев это, подбежал и попытался остановить императора словами:

– Владыка, не надо, это же твоя супруга, и она беременна!

Услышав это, Нерон тут же остановился. Многие в триклинии затихли, перестали играть музыканты, гости внимательно наблюдали за этой сценой. Император посмотрел на друга и сказал:

– Что я сделал, Тит? – похоже было, что император мгновенно протрезвел. – Почему ты меня раньше не остановил?

– Прости, повелитель, но я не вправе касаться тебя.

– Преторианцы! – закричал Нерон. – Уведите мою супругу и приведите к ней эскулапов. Быстро!

Те подняли лежавшую без сознания Поппею и унесли. Император посмотрел на Тигеллина, который и дальше веселился вовсю, на крепко спящего Гелия, на Веспасиана, лежащего на софе, похрапывая, на Сабина, который так и не поднялся с разбитого стола, и перевел взгляд на Тита, стоящего рядом с ним и готового помочь своему Цезарю.

– О Тит! В эту трудную минуту только ты один со мной. Всем другим я безразличен, им главное – пьянство и развлечения. Их не волнуют мои проблемы, – сказал Нерон. – Если бы не ты, я мог убить императрицу. Ты же знаешь, после матери я не смогу перенести смерть моей любимой Поппеи и ребенка. Тит, помоги мне.

– Не волнуйся, владыка. Давай пойдем к ней и посмотрим, в каком она состоянии.

– Нет, я не могу ей показываться на глаза. А если она не выживет, я буду себя упрекать всю жизнь.

– Ты, кроме того, что император, еще и божественный. Поэтому имеешь право лишать жизни кого хочешь, даже если это твои самые любимые люди, и будешь прав. Ты же знаешь, что ты бог!

– Благодарю, Тит, за понимание! – прослезился Нерон. – Я счастлив, что ты считаешь так же, – и он крепко обнял Флавия-младшего. – Порой думаю, может, тебя назначить префектом преторианцев, ты всегда был бы рядом со мной, а так я тебя вижу очень редко, и ты меня не утешаешь в нужные моменты.

– Тебе не нужны утешители, что бы ты ни делал – это всегда правильно. А теперь идем проведем Поппею.

Они вошли в покои императрицы, возле которой находилось около десяти лекарей. Увидев императора, они поклонились, и один из них сказал:

– Наш владыка! Божественная в очень плохом состоянии. Мы боремся за ее жизнь, жизнь вашего ребенка окончена.

Нерон горько заплакал и, сразу же перестав, спросил:

– Есть надежда на ее спасение?

– Надежда всегда есть, если молиться богам!

– Я и есть бог! – с негодованием произнес Нерон.

– Тогда все зависит от тебя, – сразу же сообразив, ответил эскулап.

Император смутился:

– А я сам еще не решил, нужна она мне или нет, ведь она уже пустая!

Все лекари и Тит, открыв рты, с недоумением посмотрели на владыку. Нерон же, обращаясь к другу, сказал:

– Тит, останься со мной здесь и поддержи меня.

Всю ночь Флавий не отходил от Нерона и всячески утешал его. К утру в покои императрицы зашли Тигеллин, Гелий и еще несколько приближенных, после чего Цезарь обратился к Титу:

– Благодарю тебя за все, я этого никогда не забуду! А теперь иди домой и отоспись. Я за тобой пошлю, когда придет время.

Весь день Тит проспал. И опять ему приснился странный сон, где все кругом горит. Понемногу он стал понимать, что этот сон, возможно, предвестник наказания за все содеянное.

Утром, проснувшись, он пошел в триклиний, где вместе с семьей позавтракал пшеничными бисквитами с медом, инжиром и маслинами. Домицилла возлежала молча, но видно было, что она еле терпит своих близких.

– Нечего строить из себя обиженную. Я тебе сказал, что пока не решишь выйти замуж за сенатора, будешь под домашним арестом. И все рабы предупреждены, чтобы ты через них не попросила о помощи Руфа. Также знай, что тебя охраняют и убежать отсюда не удастся, – начал разговор Веспасиан.

– Я никогда не выйду замуж за эту свинью, так и знай. Либо Руф, либо смерть!

– Сестра, не говори так, – вмешался Тит. – Отец тебя любит и желает только добра. Разве ты не знаешь, Фений замешан в заговоре против Нерона, и его скоро казнят, а если ты не успокоишься, то и тебя вместе с ним!

Домицилла пришла в ужас от услышанного:

– Брат! – обратилась она к Титу. – Ты же приближен к императору, походатайствуй перед ним за Руфа, я не переживу, если его казнят! – и она заплакала. – Обещай, прошу, нет, умоляю!

– Это невозможно, дочь. Если он начнет заступаться за него, его казнят, как и твоего любимого. Или ты хочешь, чтобы из-за твоих капризов казнили твоего брата? Ты этого хочешь, ответь? – спросил в гневе Веспасиан.

– Нет, я не желаю вам зла, но должен быть выход, как спасти его!

– Выход есть. Выйти замуж за Гая Страбона. Я его сейчас могу позвать, – с надеждой в голосе сказал глава семейства.

– Никогда! Учтите, если Фений умрет, я, обещаю, умру тоже! – сказав это, она поднялась из-за стола и убежала.

– Нервная она какая-то в последнее время, неужели любовь такое делает с людьми? – изумился Домициан. – Лично я никогда не позволю любви такое творить со мной.

– Отец, надо что-то делать, Домицилла действительно может наложить на себя руки, – обратился к Веспасиану Тит.

– Может, отправить ее на виллу в Испанию или познакомить с каким-нибудь молодым патрицием, как ты думаешь?

– Я заберу сестру собой в Иудею, может, там она отвлечется от всего.

– Кстати, ты узнал, куда тебя хочет отправить Нерон?

– Нет, он скажет позже.

– Попроси его, чтобы он сделал тебя квестором Иерусалима.

В этот момент в триклиний вошел Тигеллин, а за ним Марк:

– Прости, хозяин. Этот человек пришел без приглашения.

– Ничего, Марк, можешь идти, – сказал Тит. – Чего это ты пришел, что-то случилось или ты после позавчерашнего пира перепутал, где живешь? – спросил он у незваного гостя.

– У меня нет настроения на пустословие. Недавно умерла императрица!

Флавии сделали печальные лица.

– А чего это ты лично принес эту весть? – удивился Тит.

– Для начала хочу сказать, император желает, чтобы вы пришли и попрощались с Поппеей. А цель моего пути – вилла Сабина Флавия, и Тит должен помочь мне арестовать его. Это не мое желание, а Нерона.

– За что его хотят арестовать? – возмутился Веспасиан.

– За убийство Поппеи.

– Это смешно. Офоний, ты же знаешь, что случилось на самом деле, – сказал Тит.

– Император знал, что ты будешь защищать дядю, поэтому он велел передать, что все наследство Сабина будет передано вам, соответственно, все, что вы должны ему, аннулируется. Так что одевайся, пошли со мной, и побыстрее, у меня еще полным-полно дел, – Тигеллин выглядел уставшим и чем-то озабоченным.

– Сам иди и арестовывай, а я к императору на защиту Сабина, – раздраженно ответил старший сын Веспасиана.

Тигеллин лишь пожал плечами, повернулся и ушел. Тит с отцом оделись в черные тоги и отправились во дворец.

Тело императрицы выставили в тронном зале, и каждый желающий из патрициев мог попрощаться с ней. Остальные же люди, плебеи, будут прощаться на Форуме, через неделю.

На троне сидел Нерон в окружении преторианцев и с грустью взирал на прощавшихся, справа от него находился Гелий. Каждый после покойной Пoppеи подходил к императору и, целуя его руку, высказывал слова утешения и поддержки. Так же сделали и Флавии.

Тит, подойдя к телу, внимательно посмотрел на мертвую императрицу. Не думал он, что переживет божественную, которая всегда вела себя так, будто будет жить вечно. Ведь именно она была виновницей смерти первой супруги Нерона Октавии Клавдии. Как она радовалась, когда император принес Пoppее голову Октавии. А теперь сама пала от руки самого близкого человека. Размышляя над этим, Тит приблизился к императору:

– Крепись, о божественный, какое горе выпало тебе, самому доброму и чувствительному правителю за всю историю Рима! За что тебе такое испытание? Я бы с радостью вместо тебя пережил это, лишь бы ты не увял, но дальше был таким же веселым и жизнерадостным!

– Благодарю, мой друг, за теплые слова! Я знаю, все, что ты всегда говоришь, это от чистого сердца! Мы росли вместе, и я вижу, что мои проблемы – это твои проблемы, а твои – мои. Что я могу сделать, чтобы утешить тебя, недавно лишившегося своей матери?

– Помилуй моего дядю Сабина. Я недавно уже потерял близкого человека и не хочу пережить это снова. Он хороший человек и мой родственник, дядя поцеловал божественную из-за действия вина, перепутав ее со своей супругой. Это с любым могло произойти.

Нерон посмотрел на Гелия, который невозмутимо сидел, глядя в сторону, и, немного подумав, ответил:

– Он начал при императоре целовать его жену, она за это поплатилась, а он нет. Если я его не накажу, то что подумают про меня? Скажут, что божественный Нерон несправедливый, наказал одного, а другого виновника отпустил. Нет, если один умер, умрет и другой. Такой уж я справедливый. Проси что-то другое.

Тит решил пойти до конца:

– Можно вместо Сабина обвинить твоего давнего ненавистника Тразея Пета Публия Клодия. Он при мне тебя ругал и обвинял в ночных убийствах. Ты можешь сказать, что это он заигрывал с императрицей.

– А что, неплохая идея. Правда, его не было среди приглашенных во дворец, но сильно там помнят, кто кого целовал. Но я думал, ты будешь рад смерти дяди и получению его наследства.

– Нет, мне не нужны кровавые монеты. Кстати, насчет денариев. Куда ты меня хочешь отправить квестором?

– Я же говорил, откуда вышли те послы, а они представляли Африку. Ты будешь квестором в Карфагене – столице римской провинции, как когда-то твой отец. А что, уже не хочешь им быть, хочешь стать префектом преторианцев, как я и предлагал?

Гелий, в этот момент пивший из кубка воду, поперхнулся и начал кашлять, при этом все разлив на себя.

– Давай-давай, давай от зависти! У тебя уже есть место рядом с императрицей, будешь так же гордо лежать, и с тобой будут все прощаться! – и Нерон громко рассмеялся.

Все находящиеся в зале с ужасом посмотрели на императора, который, взявшись за живот, громко стучал ногами по полу и хохотал до слез. Тит подождал, пока Нерон успокоится, и продолжил:

– Нет, благодарю! Но должность префекта не для меня, я не хочу все время убивать и казнить. Если можно, я буду квестором в Палестине, а именно в Иерусалиме.

– В Палестине? – удивился император. – Мне вообще-то без разницы, куда тебя отправлять, но там очень беспокойно, были случаи убийства многих легионеров. Мы, конечно, держим все под контролем, но за твою жизнь я тогда не отвечаю, ты же хочешь спокойной службы?

– Я сам за свою жизнь в ответе. Отправь меня в Иудею, прошу! – настойчиво ответил Тит.

– Что же, будь по-твоему. Только я тебя назначу после игр, которые устраиваю в честь моей покойной супруги. Что же касается твоего отца, то он уже сегодня будет при дворе моим военным советником с высоким жалованьем. Я ему только что все сказал, когда он подошел перед тобой.

– Благодарю за твою доброту, повелитель, – и Тит поцеловал руку императора.

– Теперь отправляйся в темницу к Сабину и найди там Тигеллина. Что же касается твоей дальнейшей миссии, – и Нерон пристально посмотрел на друга. – Ты, кажется, забыл. Это казнь сенаторов Афрания Квинтиана и Антония Наталия. Я же тебе тогда сказал, что кроме Руфа есть и сенаторы. Так или иначе тебя от этой миссии освобождаю, Гелий заменит. Можешь идти и помни, я тебя жду на открытии игр.

– Когда это будет, повелитель?

– Тебе скажут, не беспокойся.

Уже целая очередь выстроилась к императору, чтобы выразить соболезнования. Все молча ждали, когда закончится их разговор. Тит, уходя, слышал крик Цезаря:

– Чего выстроились, вас слишком много здесь, проходите дальше, вы что, ко мне пришли на похороны или к моей бедной супруге?!

Тит отправился на восточный склон Капитолия. Там находилась Мамертинская темница, где содержались политические заключенные. Часть из них ждала казни, часть суда, а часть ссылки. Большое здание имело, кроме основных темниц, еще и подземные. Тит на проходной представился и попросил, чтобы позвали Тигеллина. Прошло немного времени, когда к нему вышел последний.

– Что, Тит, пришел лично казнить своего дядю? – расплылся в улыбке Офоний.

– У меня приказ императора освободить Сабина Флавия, но перед этим я должен с ним поговорить.

– Приказ, говоришь? Тогда покажи письменный приказ, на словах я никому не верю, кроме рыже... то есть божественного, – покраснев, сказал Тигеллин.

– Может, мне сказать императору, как ты его называешь?

– Тебе слышалось, – ухмыльнулся он. – Ладно, иди к своему дяде и говори с ним, а потом я его выпущу. Но знай, если ты меня обманул, тебе конец!

Тит с охраной подошел к заключенному, а тот, увидев его, начал быстро говорить:

– Племянник, помоги мне, меня ни за что сняли с должности и посадили.

– Положение очень тяжелое, ты обвиняешься в смерти императрицы.

– Ты же знаешь, что это не так. У тебя есть влияние на императора, воспользуйся же им.

– Нет у меня никакого влияния, просто хорошие отношения с ним, и только. А ты к нам относился как к врагам, одалживал денарии под большие проценты, как мне после этого к тебе относиться?

– Я все вам прощу, если меня освободят, клянусь честью!

– А знаешь, что мне сказал Нерон? Что когда тебя и твою супругу казнят, все наследство перейдет к нам. Заманчивое предложение, как думаешь?

– Что, и Аррецину казнят? Тит, выпусти меня отсюда, и я отдам большую часть своего состояния!

– Не надо мне никакой большей или меньшей части. Я хочу, чтобы, если нам понадобятся денарии, ты их просто одалживал без процентов, а этот долг прости, обещаешь?

– Да-да, конечно, клянусь, обещаю, даю слово!

– Хорошо, тогда ты уже свободен. Если честно, я уже договорился об освобождении, но это было довольно трудно, и я очень рисковал, чтобы не навлечь на себя немилость. Что касается твоей должности префекта Рима, то это мы не обсуждали, но думаю, ты и сам можешь у него спросить. Кстати, не упоминай о том случае с поцелуем никогда, ни перед кем, особенно перед Нероном. Он уже все забыл.

Сабин Флавий недоверчиво посмотрел на Тита и сказал:

– Нет, я к нему не пойду, он меня убьет!

– Ты должен попрощаться с императрицей. Сейчас же иди во дворец.

Охрана открыла дверь и выпустила Сабина.

– Благодарю тебя, племянник! Я этого не забуду, – он крепко обнял Тита и вместе с ним вышел на улицу.

Глава IV

Фактически целую неделю Тит провел на вилле и никуда не выходил, был погружен в свои мысли. В иды⁶¹ апреля он отправился на похороны императрицы. Тысячи людей собрались на Римском форуме и слушали торжественную речь императора. Затем Цезарь во главе процессии в золотой колеснице отправился к мавзолею Августа.

В 28 году до Р. Х. император Октавиан Август начал строить усыпальницу для себя и своего рода в центре Марсова поля. Строение из травертина⁶² повторяло форму этрусских могильников – тумулусов⁶³: на огромном цилиндрическом основании возвышался земляной холм, усаженный кипарисами, а вокруг мавзолея находилась терраса с колоннами. Перед входом в мавзолей стояли два обелиска – символы победы Августа над Антонием и Клеопатрой и бронзовые плиты с жизнеописанием Августа. Внутри хранились урны с прахом императоров: самого Августа, Тиберия и Клавдия. Супруги Октавиана Ливии, сестры Октавии, племянника Марцелла и других представителей рода Юлиев – Клавдиев. Там же упокоился и прах божественной Поппеи.

Нерон, как всегда, считая себя великим актером, очень неестественно играл убитого горем супруга. Все это видели, но тем не менее не уставали его утешать и поддерживать. После принесения жертвы император наконец пригласил всех патрициев на обед в память о супруге.

Гостей в этот раз в круглом триклинии было в несколько раз больше. Нерон опять, напившись, разгромив на сей раз все столы, пошел громить и некоторые статуи. Тигеллин сегодня ничего не пил и более тщательно следил за всеми. Гелий почему-то тоже был трезвый и злой. Складывалось впечатление, что они явно кого-то выслеживают. Тит, уже чувствуя, что перебрал вина, решил было покинуть дворец, но его остановил Тигеллин, который от имени императора пригласил Флавиев завтра в термы.

На следующее утро Тит и Веспасиан отправились на север Рима, на холм Квиринал. К нему примыкало Марсово поле – большая равнина, названная в честь бога войны Марса, расположенная с внешней стороны первоначальных стен Рима рядом с северо-западным рукавом реки Тибр. Равнина была окружена холмами и на протяжении многих веков служила местом для военных тренировок. Это поле являлось также местом отдыха римской знати.

Здесь были построены мавзолеи Агриппы, Друза и упомянутый уже мавзолей Августа. Сады, солнечные часы и Алтарь мира, возведенный в честь богини мира, воздвигнутый римским сенатом в честь триумфального возвращения императора Октавиана Августа из Испании и Галлии в 13 году до Р. Х., и в ознаменование Римского мира по всей империи. Там же находился и знаменитый Пантеон – храм всех богов римского культа. Но целью Тита являлись общественные термы – своеобразный культурный центр, огромное сооружение, отличавшееся роскошным внутренним убранством, в котором тысячи римлян проводили свое свободное время.

Когда они зашли на территорию терм, построенных еще по приказу Марка Агриппы⁶⁴, увидели в большом саду, кроме посетителей, множество преторианцев, которые сразу заметили гостей и, узнав их, отдали честь, ударив себя кулаком в грудь. В громадном бассейне

---

⁶¹ Иды (лат. Idus, «делить») – в римском календаре так назывался день в середине месяца.

⁶² Травертин – один из самых популярных декоративных материалов, который широко применяется как для оформления интерьеров, так и для наружных отделочных работ. Палитра цветов этого камня очень разнообразна – от светлых, практически белых оттенков, до насыщенных коричневых тонов.

⁶³ Тумулус – принятое в Европе название вида мегалитических захоронений; купольная гробница, некрополь в виде кургана.

⁶⁴ Марк Випсаний Агриппа – римский государственный деятель и полководец, друг, сподвижник и зять императора Октавиана Августа.

под открытым небом купалось много патрициев. Рядом находился специальный дворик для борьбы, гимнастических упражнений и различных спортивных занятий. Затем они зашли в само здание, которое поражало богатством и красотой. В аподитерии⁶⁵ сняли свои одежды и вышли во фригидарий, где в центре находился бассейн с прохладной водой. Из него вышел Гелий и, не взглянув на Флавиев, произнес:

– Как вы видите, сегодня для обычных людей вход запрещен, потому что сейчас здесь находится сам император. Так что вы тут делаете?

– Гелий, лучше скажи, где Нерон? – спокойно спросил Тит.

– Ищите и когда-нибудь точно найдете, – тот хмыкнул и ушел.

– Как я его периодически не переносу! – сказал Веспасиану сын. – С удовольствием бы придушил.

Когда они зашли в тепидарий, императора там не обнаружили, в библиотеке и читальном зале тем более. В термах было несколько помещений с разной температурой, в одном из них, в калдариум, в этой влажной атмосфере, Цезарь вместе с приближенными плавал в горячей воде, а рабы подносили всем холодное вино.

Нерон, увидев Тита, улыбнулся, вышел из бассейна, чтобы вновь в него броситься, затем, вынырнув, жестом подозвал его к себе. Флавий-младший тоже прыгнул в бассейн.

– Приветствую тебя, мой император! Как себя чувствуешь, печаль прошла?

– Конечно нет, поэтому я пришел в эти термы, а не в свои на Палатине. Мне необходимо расслабиться, сменить обстановку. Кстати, познакомься с моей будущей супругой, – и Нерон подозвал к себе юношу, который лицом был очень похож на Поппею. – Спор, познакомься с моим другом Титом Флавием, – затем, обращаясь к Титу, спросил: – Как он тебе?

Флавий-младший лишь криво улыбнулся – подходящих слов у него не было. Император всегда отличался большими странностями, но взять себе в жены юношу, чтобы одевать его как женщину, – это было уже последней стадией помешательства. Хорошо, что подошел Тигеллин и избавил Тита от ответа на этот вопрос.

– Опять ты с этим шутком носишься, повелитель? – раздраженно спросил Офоний.

– Почему это шут? – обиделся император. – Это мой супруга, то есть моя супруга.

– Да я не про Спора, а про Тита.

– Тигеллин, ты хочешь, чтобы я поставил префектом преторианцев Тита? Ты же знаешь, император может это сделать!

Офоний велел всем покинуть калдариум. Остались только Тит, Веспасиан и Спор. Нерон перепуганно посмотрел на префекта.

– Ладно, вас это тоже касается, – сказал Тигеллин, глядя на оставшихся. Затем повернулся к императору: – Владыка, у меня появился прекрасный повод высказаться. Я не хочу, чтобы ты мне все время угрожал. Если у тебя короткая память, то я напомню, что прекрасно знаю, потому что сам это начал, кто отдал приказ поджечь Рим, при этом пострадали невинные христиане, которых ты ни за что уничтожал и продолжаешь уничтожать. Ты хочешь, чтобы я все это рассказал послезавтра на заседании в сенате, а затем и народу? Я ведь очень много знаю о твоих преступлениях!

Нерон побагровел, такого цвета его лицо никогда еще не было:

– Да как ты смеешь мне, живому богу, такое говорить! – начал было император. – Ах ты провокатор! Я никогда... ничего... это все ты и только ты.

– Только попробуй предпринять попытку моего убийства. Хочу, чтобы ты знал: за мной преторианцы и фрументарии, за мной целая система слежек, которая давно уже работает против тебя. Вот увидишь, в нужный момент я все узнаю, а преторианцы станут на мою сторону против тебя, будь уверен.

---

⁶⁵ Аподитерий – комната для снятия всей одежды.

– Если ты такой всемогущий, – ехидно сказал Нерон, – чего же ты до сих пор не занял мое место?

– Потому что меня вполне устраивает мое положение, я всегда в твоей тени и чуть что – прикрываюсь твоим именем, действую под твоим прикрытием. Прошу в данный момент лишь одного, чтобы мое место префекта было неприкосновенно. Отмени свой приказ, в котором указывается, что после начала игр в честь Пoppеи префектом преторианцев назначается Тит Флавий. Ты ведь это сделаешь?

Не только Нерон был поражен этим высказыванием, но и Флавий. Тит был полностью уверен, что его уже сделали квестором Иерусалима, но, оказывается, есть приказ о его назначении на другую должность.

– Ты знаешь об этом приказе? – ужаснулся император. – Так за мной и во дворце следят?

– А ты что думал, что я здесь все время в игры играю? Мы повязаны, как никто другой. Если мне скоро придет конец, обещаю, тогда придет он и тебе!

– Владыка! – вмешался в разговор Тит. – Мне не нужна эта должность. Тигеллин с ней хорошо справляется. Я не хочу, чтобы вы из-за меня ссорились, а тем более кто-то пострадал.

– Дело не в тебе, Тит, – сказал Нерон, яростно взирая на Офоний. – Дело в том, что здесь есть человек, который явно не знает своего места.

Разговор прервал Гелий, который зашел в помещение:

– А-а, Тигеллин опять пытается показать, что он является повелителем мира?

– А ты вообще молчи, жирная свинья. Я не разрешал тебе не только говорить, но и входить сюда, – раскричался Офоний.

– Неужели... у нас сегодня плохое настроение? – съязвил Гелий. – Какая досада, что я не вовремя пришел. Но ничего, думаю, что ты смиришься с этим, слабак.

Едва он успел договорить последнее слово, как на него набросился Тигеллин. Гелий ему не уступал и начал наносить ответные удары. Вбежавшие преторианцы хотели было их разьединить, но Нерон жестом приказал не вмешиваться. Тит впервые переживал за Гелия, надеясь, что тот все-таки победит. Но Офоний не зря был префектом, у него хватило сил на весь бой, и когда Гелий уже совсем выдохся, он его ударом в живот, а затем в лицо сбросил в бассейн. Рабы быстро вытащили проигравшего из воды, а Тигеллин, как ни в чем не бывало вытирая кровь с лица и немного задышавшись, продолжил:

– Так ты отменишь свой приказ или мне переходить к жестким мерам?

Немного помолчав, император обвел всех глазами и ответил:

– Конечно, мой друг, о чем вообще речь! Тит уезжает в Палестину, а ты остаешься префектом.

Офоний поклонился и ушел, а за ним и преторианцы.

– Что же, твоя взяла. Я хотел оставить тебя в Риме возле себя, но вместо этого отправляю к иудеям, – произнес грустно император. – Тит, кроме квестора, ты готов к еще одному служению?

– Конечно, повелитель, что прикажешь?

– Я в прошлом году поставил прокуратором Иудеи Гессия Флора. Это аморальный человек. Его жена Клеопатра была подругой моей супруги Пoppеи, и это она настояла на его утверждении на эту должность. Вместо того чтобы успокоить нестабильную провинцию, он, наоборот, как мне донесли, способствует разбоям и грабежам, тем самым усугубляя положение иудеев. Ты должен будешь доставить наместнику провинции Сирии Цестию Галлу свиток с поручением. Прокуратор Иудеи подчиняется наместнику Сирии. Я бы мог послать послание и Гессию, но не хочу, чтобы он знал, что это я его хочу утихомирить.

– Почему? – удивился Флавий-младший. – Ты же его можешь уже снять с этой должности, ведь императрица мертва.

– Конечно могу, но он часто высылает сюда такие большие суммы, а мне надо строить дворец, ты же знаешь, какой он дорогой, каждый денарий на счету.

– Но владыка, там может вспыхнуть бунт, начаться война!

– Нет, не может. Там стоят наши легионы, ничего не будет, иудеи всегда боялись силы, и они знают, что их ждет в случае войны, – и Нерон улыбнулся.

– Когда мне отплывать?

– Я же уже говорил, после игр. Но еще я тебя жду послезавтра в сенате. Будет весело, обещаю!

Глава V

На 18 апреля было назначено заседание сената по распоряжению самого императора, который воспользовался своим правом «Принцепса сената»⁶⁶. Тит в белой тоге стоял на окруженном вигилами⁶⁷ Большом форуме возле Курии Юлия – нового здания сената, строительство которого было начато еще при Юлии Цезаре, а окончено при Октавиане Августе, прямоугольного и высокого, с колоннами ионического ордера, и внимательно наблюдал, как паланкины подносили к ступеням, ведущим к зданию сената. Между ступенями внизу находилась ораторская ростра. Из паланкинов выходили сенаторы разного возраста, одетые в белые тоги с широкой пурпурной полосой впереди (*Latus clavus*), вшитой в ткань, это являлось их особым отличием от всех. Сандалии с буквами «С» впереди свидетельствовали о принадлежности сенатора к первой сотне (*centum*). Император прибегал к праву (*adlectio*) и назначал сенаторов, но при этом соблюдалось условие – будущие сенаторы могли стать таковыми, лишь имея за собой выдающуюся военную или политическую карьеру, а также большое состояние.

Сенаторы не спеша поднимались по ступеням наверх, где у входа их приветствовали привратники. Затем поднесли паланкин, из которого вышел сенатор Страбон и подошел к замечтавшемуся Титу:

- Приветствую тебя, Тит Флавий! А где твой отец?
- Приветствую, сенатор Гай Страбон! Он будет с Нероном.
- А ты чего не заходишь, кого-то ждешь?
- Да, я зайду вместе с императором.

– Тит, – начал довольно тихо Страбон. – Как твоя сестра себя чувствует, я могу к ней прийти и поговорить? Твой отец сказал, что она приболела и сейчас в очень плохом состоянии и настроении.

– Сенатор, я думаю, что надо немного потерпеть, и тогда она сама тебе признается в любви, когда выздоровеет, – настороженно ответил Флавий.

– Благодарю за совет. Я надеюсь, что скоро Страбоны и Флавии объединятся на века, и мы будем самым могущественным родом в Риме, – и он, улыбаясь, пошел к зданию.

Наконец из Триумфальной улицы появились педисеквы⁶⁸, разбрасывающие цветы налево и направо, а за ними шли преторианцы, за которыми здоровые рабы несли десяток паланкинов, затем снова преторианцы, и замыкали шествие рабы с цветами. Среди множества богатых паланкинов ярко выделялся лишь один. Все они охранялись, но этот особо. Золотые занавески, золотые жерди, которые несли на себе восемь рабов, – без сомнения, все означало то, что в нем был сам Нерон.

– Дорогу божественному императору и повелителю Рима! – кричали впереди идущие педисеквы.

Люди кругом отступали в сторону, освобождая дорогу. Несколько граждан восхваляли Нерона, многие молчали, а некоторые стали кричать:

– Убирайся вон, убийца матери, супруги и детей своих! Ты позор империи, да накажут тебя все боги мира!

И тут же вигилы попытались схватить бунтовщиков, но те изо всех сил сопротивлялись. Кругом жители делали вид, что не обращают на это внимания, тем самым ограждая себя

---

⁶⁶ *Princeps senatus* – в эпоху республики принцепс не имел особых полномочий и прав, кроме почетного права первым высказывать свое мнение в сенате по запросу консулов. В имперский период, начиная с Октавиана Августа, титул «Принцепс сената» обозначал носителя единоличной власти – императора, который мог созывать сенат по любому поводу.

⁶⁷ Вигилы – полиция.

⁶⁸ Педисеквы – рабы, идущие впереди своего господина и оповещающие его имя.

от обвинения в сообщничестве. После непродолжительной схватки нарушители спокойствия были арестованы.

Затем все сопровождение остановилось возле ростры, и преторианцы сделали живой забор вокруг паланкинов. Из самого дорогого паланкина первым с помощью рабов вышел Нерон, который подал руку Спору. Из других вышли приближенные к императору, в том числе и Веспасиан. Тит, подойдя, поклонился Цезарю, а затем, обняв отца, вместе со всеми начал подниматься по ступеням к сенату.

– Повелитель, уже арестовали Тразею Пета? – спросил Флавий-младший.

– Офоний должен знать, я как-то забыл про него, – равнодушно ответил Нерон.

– Я был у Пета на вилле, – вмешался подошедший к ним Тигеллин. – И сказал ему, что это Тит фактически осудил невиновного человека, чтобы защитить дядю. Он ответил, что в подлости Флавия никогда не сомневался, – и Офоний, глядя на Тита, оскалился.

– Ты не прав, префект, – с сарказмом вмешался император. – Тразея говорил и продолжает говорить про меня гадости, его надо арестовать и казнить!

– Да про тебя гадости говорят все и везде, ты что, хочешь, чтобы я весь Рим истребил? Сам, если хочешь, его и арестовывай, – высказался Тигеллин. – Он будет сейчас в сенате.

Они подошли к железным дверям в узорах, которые открыли привратники, восхваляя императора. Зайдя в помещение, услышали разговоры и смех, доносящиеся из зала заседания. Один из охранников, стоящих при входе, дал знак рукой, и глашатай в зале громко произнес:

– Уважаемые сенаторы, давайте поприветствуем божественного императора нашего Нерона!

Цезарь гордо вошел со своими приближенными в овальный мраморный зал с золотой росписью. Все сенаторы встали и зааплодировали. В центре стояла статуя Рома – бога Рима. В форме овала были сделаны несколько рядов мраморных сидений, на которых лежали бархатные подушки. Часть нижних мест предназначалась либо для гостей, либо, как сейчас, для окружения императора. Сам же император направился к своему трону, где рядом находились кафедры двух консулов. Посередине зала стоял консул⁶⁹ Плавтий Латеран – пятидесяти лет, но уже седой. Вид у него был уверенный и гордый, однако глаза выражали какую-то тревогу:

– Итак, теперь, когда мы поприветствовали нашего всеми любимого владыку, перейдем к делу, из-за которого мы и собрались: заговор, который чуть не погубил императора. К сожалению, главный виновник покончил с жизнью, так и не дождавшись решения суда. Однако его супруга должна получить по заслугам. Но она сейчас больна и не смогла прийти к нам.

– Ты ошибаешься, Плавтий! – выкрикнул Офоний. – Галла пришла, как и многие другие заговорщики!

Латеран невозмутимо посмотрел на него:

– Тогда введите ее, – четко произнес консул. – Однако напомню, что сенат выслушает только Сатрию Галлу, а других слушать не будет, потому что для этого есть преторы в базиликах. Мы же разбираем дела лишь самых важных обвиняемых.

– Это решать императору, а не тебе, или ты возомнил себя выше его? – не прекращал перепалку Тигеллин.

В зал ввели Сатрию, которая хоть и держалась с прежним достоинством, но внешне очень изменилась, была измученной и усталой. Плавтий, увидев ее, спросил:

– Ты обвиняешься в измене, что можешь сказать в свою защиту?

Она внимательно посмотрела в его глаза и, улыбнувшись, произнесла:

---

⁶⁹ Консул – в имперском римском сенате было три консула, один главный и два его помощника. В наше время это сравнимо со спикером парламента и двумя вице-спикерами. В период республики у консула были полномочия царя.

– Будь у меня возможность вернуть время назад, я бы точно приняла участие в этом заговоре и знала бы, кто предатель, а кто нет. У меня есть право на юриста, почему ко мне его не допускают?

– Император уже обвинил тебя и осудил на смерть, а значит, никто тебе уже не нужен, – затем, обращаясь к присутствующим, объявил: – Так как мы находимся здесь, то я обязан попросить сенаторов проголосовать за осуждение ее и других участников либо за помилование.

Абсолютно все сенаторы подняли руки за смертную казнь.

– Теперь по просьбе императора мы должны утвердить закон. Каждый, кто будет подозреваться в заговоре против Нерона, будет арестован либо казнен без суда. Этот закон уже зафиксирован как срочный, теперь осталось проголосовать.

Все были в ужасе от такого проекта, фактически он развязывал руки Тигеллину, который мог без доказательств арестовать и казнить кого вздумается. В этот раз большая часть проголосовала против. Нерон сидел молча до голосования и после, никак не реагируя. Один Офоний не выдержал и закричал:

– Да как вы смеете, этот закон предложил сам император! Время республики, как вы помните, уже давно прошло. Сейчас главный Нерон, и если вы со второй попытки не проголосуете за, он подпишет его и без вашего согласия, вы что, не знаете правил?

Сенаторы, конечно, знали, что все это фарс. Достаточно было сказать императору: «Я утверждаю!» – и голосование сената не будет иметь никакого значения, ведь все законопроекты, принятые ими, должны утверждаться Цезарем, однако они видели пассивность повелителя в этом, значит, могли и сами не голосовать.

– Уважаемый Тигеллин, – сказал сенатор Гай Страбон, вставая с сиденья. – Если сенат примет этот закон, какова вероятность того, что мы сами можем под него попасть?

– Если вы чисты, так чего вам бояться? Если вина не доказана, то любой будет на свободе, это же естественно!

Раздался громкий хохот, и все посмотрели на Галлу.

– Моя вина не доказана, а меня уже осудили, это и есть ваша справедливость? – смеясь, спросила Сатрия.

– Увести ее вон, быстро! – снова закричал Офоний. – Почему она еще здесь?

Когда женщина покинула зал, он продолжил:

– Проголосуйте, и я обещаю, сенаторов мы не тронем!

На сей раз уже большинство сенаторов расхохоталось, многие выкрикивали:

– Ты хочешь потом на нас свалить хаос в Риме, да? Пока существует сенат, он никогда этого не примет!

– Значит... скоро сената не будет! – серьезно заявил Тигеллин, затем повернулся к императору и произнес елеинным голосом: – Почему ты, повелитель, молчишь? Это же все ради тебя!

Наконец император встал с трона:

– Я утверждаю этот закон, поднесите дощечку ко мне на подпись!

Консул Латеран в ужасе обратился к Цезарю:

– Повелитель, подожди, надо все взвесить, за и против!

– Плавтий, – произнес Офоний. – Мы чуть не забыли главное. Ты же есть в списке заговорщиков, который нам дал Сенека, – и он бросил его в консула. – Приговор тебе, немедленная смерть.

Тигеллин выхватил меч и разрубил голову консула. Не только сенаторы подскочили со своих мест, но и окружение, и даже сам Нерон от изумления выронил дощечку, которая упала на мраморный пол. Император внимательно посмотрел на окровавленное тело и громко произнес:

– Смотрите все на предателя! – затем встретился глазами с Флавием-младшим. – Тит, я же обещал тебе, что будет весело! – и он начал пританцовывать и смеяться.

Взгляды онемевших сенаторов обратились с Офония на Нерона, и некоторые из них демонстративно стали покидать зал. Тигеллин же обратился к уходящим:

– Куда же вы? Участие консула было подтверждено почти всеми заговорщиками. Если хотите, мы можем опять привести Галлу, и она скажет правду.

– Есть два вида правды, префект! Настоящая и ваша – трех мерзавцев – ничтожного императора, такого же Тита и, конечно же, тебя, великий лицемер! – громко произнес сенатор Тразея Пет.

– Преторианцы, именем Цезаря Нерона, арестуйте этого сенатора, ведь это по его вине погибла наша всеми любимая Поппея! – воскликнул Офоний.

Охрана немедленно схватила Тразея, который не сопротивлялся, а только посмотрел на Флавия-младшего, стоявшего недалеко от него, и произнес:

– Я надеюсь, ты доволен? Будь уверен, что скоро вместе с родом Юлиев бесславно падет и род Флавиев! Проклинаю вас! – и его увели.

Пока Тигеллин пытался вернуть сенаторов назад, Веспасиан, подойдя к сыну, взял его за руку и отвел в сторону:

– Тит, ты видишь, что находиться рядом с префектом становится небезопасно. Он имеет уже просто колоссальное влияние на повелителя. Я прошу, пообещай, что до начала игр и во время их ты будешь избегать, молчать и не будешь провоцировать Офония, просто потерпи его – и тогда спокойно отправишься в Иудею.

– Хорошо, отец, я буду молчать, – шепотом ответил Тит.

Когда они замолчали, зал уже покинули большая часть сенаторов, император и префект. Оставшиеся же стояли и тихо разговаривали, когда мимо них стража пронесла тело консула.

Флавии вышли из здания сената и спустились вниз, где на ростре стоял глашатай и громко оповещал толпе римлян решения сената. Паланкина Нерона уже не было, как и многих приближенных. Веспасиан сел в свой паланкин:

– Сын, иди домой, а я во дворец, сегодня буду ночевать дома, а то чувствую, что скоро забуду, как выглядит наша вилла, – и он велел рабам двигаться.

Тит не спеша пошел, обдумывая то, что произошло сегодня: «Может, действительно, лучше попросить императора, чтобы он дал мне приказ, и уже сегодня отправиться на поиски Рубрия? Хотя и так ясно, если Нерон уже дважды повторил, что только после игр, то он никогда не пойдет на попятную. Завтра 19 апреля, последний день Цереалийских игр, значит, император может в честь супруги игры провести после 21 апреля, ведь в этот день проводится праздник Парили в честь основания Рима».

Флавию пришла в голову уместная идея, раз уж он был возле храма божественного Юлия, то почему бы не зайти туда и не попросить погадать ему. Это был небольшой храм, напротив которого находился храм Конкордии, окруженный базиликами Эмилия и Юлия. Храм в честь Юлия Цезаря обязался возвести его племянник Октавиан Август в своей клятве мести убийцам римского диктатора.

Тит зашел в здание и, увидев жреца, обратился к нему с просьбой. Тот позвал гарусника⁷⁰, которому Флавий достал из кремены⁷¹ денарии, и жрец, взяв их, приказал рабу привести на жертвенный стол овцу. Когда животное было умерщвлено, гарусник начал определять судьбу. Считалось, что по форме печени и по наличию или отсутствию на ней особых пятен можно узнать, благосклонны ли боги к тем или иным общественным начинаниям и к политическим акциям империи. После долгого изучения жрец, наконец, заговорил:

– Я вижу... я вижу... что тебя ждет... восхитительный взлет карьеры... кульминацией которой будет... императорский венец! Все боги мира тебе помогут в этом! О нет... я вижу...

---

⁷⁰ Гарусник – жрец, предсказывающий будущее по внутренностям животных.

⁷¹ Кремена – кожаный кошелек на поясе.

что ты будешь... в руках христианского Бога наказанием иудейского народа! Ты будешь весь в крови!

Титу захотелось рассмеяться громко, очень громко. Он – и будущий император! Это действительно звучало смешно! Но насторожило его то, что он будет наказанием в руках неизвестного Бога и весь в крови.

- Скажи, провидец, кто бог христиан?
- Узнаешь, когда придет время! Я же верю только в наших богов.
- Как это все точно истолковать?
- Само все откроется скоро!

Всю дорогу домой Флавий размышлял о христианском боге. Эти слова его поразили больше, чем слова про императорский трон. Понятное дело, жрец мог в чем-то ошибиться, но не во всем, это точно.

Заходя в атрий, он встретил встревоженного Марка:

– Господин! Там в кубикуле твоей сестры разговаривают сенатор Гай Страбон и Домицилла.

- Что?! – рассвирепел Тит. – Почему ты его впустил, кто дал тебе это право?
- Домицилла, господин, она велела его проводить к ней.

Флавий отшвырнул собеседника, бегом помчался в ее кубикулу и ворвался туда без приглашения. Там он обнаружил заплаканную сестру, сидящую на кровати, и сенатора, стоящего в недоумении. Домицилла, увидев брата, закричала:

– Это правда? Правда? Руф убит? Моя любовь убита, этого не может быть, отец и Гай все специально выдумали!

– Теперь-то я понимаю, почему вы меня к ней не допускали, – сказал, опомнившись, Страбон. – Тит, пообещай, что ты отдашь мне ее в супруги немедленно, иначе я скажу ей то, что сказал мне Тигеллин, – и он зло улыбнулся. – Кроме того, я случайно могу тому же Офонию сказать про вас как участников заговора, ты хочешь этого?

– Сенатор, прошу не спешить с выводами! Мы обещали, что она будет твоей супругой, значит, все выполним, дай время.

Домицилла зло посмотрела на Гая, затем на брата и сказала:

– Я же вам говорила, что не выйду замуж за эту свинью. А еще я вам сказала, что если умрет Руф, умру и я! Или вы что, думали, я обманываю?

– Ах, за свинью, говоришь! Тогда знай, что уже сегодня ты будешь со мной обручена, а завтра мы устроим свадьбу. А если попытаешься покончить жизнь самоубийством, я тебя свяжу, и ты будешь связанной вечно, поняла? – высказался Страбон.

– Хорошо! – вдруг абсолютно холодно и равнодушно произнесла Флавия. – Тогда выйдите из кубикулы, я переоденусь и вас позову.

- Мы тебя одну не оставим! – сказал брат.
- Тит, ты можешь выйти, я присмотрю за ней, ведь она практически уже моя супруга!
- Но я думаю... – начал было Флавий.
- Я сказал выйти, не надо злить меня, мы сами во всем разберемся!

Тит вскипел, но, сдерживая себя из последних, вышел из кубикулы и начал ходить по атрию из стороны в сторону. Затем услышал разговор Веспасиана с Марком и пошел к ним. Глава семьи, увидев сына, обеспокоенно спросил:

- Как Домицилла? Что там происходит?
- Они сейчас вместе. Гай сказал ей, что Фений мертв и он знает всю правду, а еще угрожал нам, что все расскажет префекту, если мы ее срочно не отдадим замуж.

– Идем к ним, посмотрим, как там дела. Может, действительно, она осознает, что он ее единственный утешитель.

Когда они подошли к кубикуле, Тит заговорил:

- Сестра угрожала, что убьет себя, говорила, что не шутит!
- Она любит угрожать мне, и что, хоть одну угрозу выполнила?
- Давай к ним зайдем, что-то у них слишком тихо, – забеспокоился Тит.

Когда же отворили дверь, пред ними предстала ужасающая сцена: на полу с кинжалом в сердце лежал мертвый сенатор, а на кровати – бездыханное тело Домициллы, в руке которой был зажат маленький стеклянный сосуд с ядом.

Веспасиан бросился к телу дочери и, обняв ее, стал просить прощения, но, к сожалению, она услышать его уже не могла. Тит, еле сдерживая слезы, ощущая свою вину во всем, что произошло, подсознательно чувствовал, чем все закончится. Затем он позвал Марка, который от увиденного упал в обморок. Остальные рабы привели в чувство ординария и по приказу старшего сына Флавия вынесли из кубикулы в перистиль тело Страбона.

Веспасиан, взяв себя в руки, обратился к сыну:

– Тит, возьми нескольких рабов, поздно ночью отнеси тело Гая поближе к его вилле и положи на улице, пусть все думают, что на него напали грабители. Кстати, он пришел один?

- Я не знаю, надо спросить у Марка.
- Нет, он пришел с охранником, – ответил ординарий.
- Где он сейчас, где он? – закричал Тит.
- Был на улице, значит, и сейчас там!

Старший сын, взяв гладиус, поспешил к выходу. Отец же его остановил:

- Подожди, замани его в атрий, а потом нападем.
- Хорошо!

Тит, выйдя из виллы, позвал охранника:

– Тебя зовет хозяин, идем за мной.

Когда они зашли в атрий, Веспасиан, идя навстречу, выхватил гладиус и ударил по шее неприятеля, тот успел только схватиться за рукоять своего оружия и упал.

– Так, уже стемнело, надо действовать быстро! – сказал глава семьи. – Будем надеяться, что за нашей виллой еще не следят преторианцы.

– Но еще много людей на улице, а нам необходимо нести уже два трупа.

– Ничего, вы их не понесете, а поведете. Только наденьте поверх туники лацерны⁷² и покройте головы.

Так они и сделали. Четыре раба и Тит медленно отправились на Палатин, где находилась вила сенатора. Многих людей они встречали по пути, но никто не обращал на них внимания. Наконец, подождав, когда улица опустеет, рабы положили на дорогу два тела. Но в этот момент улицу перекрыли с двух сторон около сорока человек. Флавий подумал, что все кончено, кто-то узнал всю правду, но выхода не было, и он закричал:

– Хватайтесь за мечи! Перед смертью хоть отправим нескольких врагов к Плутону! – и вытащил гладиус из ножен.

– Тит, неужели это ты? – неожиданно послышался знакомый голос из стана врагов. – Так вот, значит, как ты развлекаешься без меня? И всего четыре человека с тобой, так и погибнуть можно!

Флавий не поверил – он услышал голос императора. И действительно, когда факел осветил лицо Нерона, оно выражало восхищение.

– Что же ты без меня веселишься? Кого же ты убил, мне очень интересно, – и император вместе с преторианцами всмотрелся в лежащих. – Гай, ты убил Гая? – и Цезарь неистово рассмеялся. – За что ты убил бедного претора, что он тебе плохого сделал?

Тит молчал, и Тигеллин, заметив это, сразу произнес:

– Помнится мне, он хотел жениться на твоей сестре, что он сделал не так?

---

⁷² Лацерна – дорожный плащ.

– Он оскорбил Домициллу, и она только что покончила с собой, – начал защищаться Флавий.

– А она, значит, любила другого? Смею предполагать, что это был Руф? – и он ухмыльнулся.

– Мои соболезнования, Тит! – скорбно ответил Нерон. – Только недавно твоя мать, а сейчас и сестра, какое несчастье. Я потерял супругу, а ты сестру, даже горе у нас в одно и то же время происходит, как же мы с тобой похожи! А как братик твой поживает, нормально? Может, мне и его приблизить ко двору, чтобы защитить и оградить от несчастья?

– Благодарю, повелитель, брат чувствует себя хорошо, насчет двора, думаю, у него спросить надо, – подозрительно ответил Флавий.

– Так Расскажи, Тит, как ты настиг сенатора? – не успокаивался Офоний.

– Я пошел к нему на виллу и по дороге встретил его и стражу, а шел я к нему, чтобы отомстить за сестру! Что тут неясного? – эту версию он сказал, чтобы долго не рассказывать всех подробностей, происходивших на его вилле, тем более что при этом мог проронить случайно что-то лишнее.

– Ладно, Тит, – сказал Нерон. – Идем с нами дальше веселиться!

– Не могу, владыка, у меня же сестра умерла, мне не до веселья.

– Да, точно... Ничего, тогда в другой раз... Кстати! – вдруг императора осенила идея. – Давай мы тебя проводим до твоей виллы.

Флавий надеялся, что Нерон этого не предложит, но теперь было важно, чтобы они не зашли на виллу, вдруг рабы еще не убрали кровь после трупов, иначе ложь Тита вызовет подозрения, а там уже и до правды недалеко, впрочем, создавалось впечатление, что им и так уже все давно известно.

Все двинулись на Авентин, в жилище Флавиев. По дороге преторианцы увидели пьяного патриция, идущего им навстречу, и посмотрели на императора.

– Нет, патрициев мне жаль, лучше убить плебея какого-нибудь, – сказал Нерон. – Поняли? Ищите плебеев, и только. На сегодня хватит убийств патрициев! Или ты так не думаешь, Тит? – обратился он к другу.

– Как скажешь, повелитель. Хватит – значит, хватит, – смиренно ответил Флавий. – Цезарь, у меня есть к тебе просьба. Так как у меня траур, можно я не буду присутствовать на играх в честь божественной?

– Да ты шутишь! – поразился император. – А у меня что, не траур, или ты думаешь только о себе?

– Прости, повелитель! Я сказал это по глупости, просто сильно расстроен смертью сестры, – поняв, что переборщил, пошел на попятную Тит.

– Хорошо, – недовольно ответил Нерон. – Я это понимаю и поэтому на сей раз прощаю! Но чтобы больше такого не было, на первом месте у тебя всегда должен быть я. Ты понял?

– Да, конечно, еще раз прости!

Когда они подошли к вилле Флавиев, Тит вынужден был предложить:

– Повелитель, не зайдешь ли ты к нам в гости? Это будет большой честью.

Нерон довольно посмотрел на Флавия и произнес:

– Даже не знаю, у меня, конечно, дел неуворот, но уж очень давно я у тебя не был.

– Мой император! – обратился Тигеллин. – Предложение его заманчиво, но нам действительно надо идти. Если мы к нему зайдём, то это будет надолго. Лучше в следующий раз.

– Вот так всегда, только мне предлагают что-то интересное, так сразу появляется всякая гадость, которая меня отговаривает, – зло сказал Цезарь и отправился вниз по улице.

– Это я гадость? – поспешил за Нероном Офоний. – Да я забочусь о тебе больше, чем ты!

Тит вошел в атрий и облегченно вздохнул, такого напряженного и тяжелого дня он еще не переживал. Жаль сестру, но она сама покончила с жизнью из-за любви, правда, любовь ее фактически убил он.

Глава VI

На похороны сестры Тит не пошел, хотя был обязан. Но в эти дни он себя чувствовал просто ужасно, да еще и сказывалась простуда, которую он подхватил во время ночной прогулки с трупами.

Сегодня было 21 апреля, праздничный день, но на душе у него не было праздника. Сон, который не раз уже видел, опять преследовал его, да еще и слова гаруспика не выходили из головы. Болезнь и депрессия – таково было его состояние. А еще он до сих пор не узнал, кто является Богом христиан.

– Марк! Марк! – громко позвал Флавий, лежа в кровати.

Вначале постучал, а потом и зашел в кубикулу ординарий:

– Ты звал меня, господин?

– Скажи, как зовут христианского бога?

– Не могу знать, но можно спросить у рабов-иудеев.

– Так ты же сам иудей! – удивился Тит. – Давай рассказывай правду!

– Христианство и иудаизм – это совершенно разные верования! – начал возбужденно говорить Марк. – Иудеи, то есть мы, веруем в Бога Адоная и ждем своего спасителя, мессию, который придет и возвеличит наш народ над всеми другими, тогда мы уже не будем рабами, а будем свободными людьми. Христиане веруют в то же, что и мы, но в отличие от нас, они говорят, что сын Бога уже воплотился в лице галилеянина Иисуса Христа. Его римляне осудили и казнили, по-моему, приблизительно лет тридцать назад. Он был распят на кресте и умер. Но приверженцы его провозгласили, что он воскрес и открыл для всех людей царство небесное. Они говорили, что видели его снова живым, что он пришел ко всем своим ученикам, так называемым апостолам, которые продолжили его учение и сейчас везде проповедуют, уча якобы смирению, любви и прощению.

– Значит, вот почему они так спокойно принимают смерть в амфитеатрах! А ты говоришь, якобы, – сказал задумчиво Флавий.

– Но, хозяин, они же подожгли Рим, они приносят в жертву маленьких детей, а потом их съедают, они варвары!

– Откуда ты это знаешь? Ты видел, что это они устроили пожар, или они убивали детей, или съедали их? Никогда не говори того, чего не видел! Я понимаю, ты веришь в своего бога, я в своих богов, но при этом никогда не надо унижать чужого бога, потому что однажды он может стать богом Рима, – и Тит показал жестом, что тот свободен.

Немного позже в кубикулу к брату вошел Домициан:

– Как ты себя чувствуешь, ты что, тоже собрался умереть?

– Пока нет, а там кто знает, – спокойно ответил Тит.

– Можно я с тобой пойду на открытие игр? Мне так хочется отвлечься от всего, что произошло у нас за этот месяц, – с надеждой в голосе спросил он.

– Ты прав, такого месяца у меня еще никогда не было. Столько ненужных смертей, и ради чего, ради ненормального императора?

– Так как насчет игр?

– Спрашивай у отца, а не у меня.

– Он здесь может и не быть в ближайшие дни, а ты, пока его нет, главный.

– Хорошо, если хочешь, пойдём.

– Ура! – обрадовался младший брат и выбежал из кубикулы.

***

...Кругом огонь, крики, страх, ужас. Из огромного храма начинают выбегать горящие люди. Гигантское здание объято пламенем неимоверной силы и начинает постепенно со страшным грохотом рушиться...

– Господин, прости, но тебе надо поесть и принять лекарства.

Тит открыл глаза и увидел перед собой молодую рабыню, которая держала пред ним еду.

– Уже утро, ты еще не ел, а к тебе пришло приглашение на открытие игр.

– Да? – удивился Флавий. – И когда открытие?

– Сегодня в обед. Господин Домициан хотел тебя разбудить сам, но я сказала, что резко будить нельзя, ты же еще болен.

– Я уже выздоровел, во всяком случае чувствую себя хорошо.

Тит поел, затем надел свою белоснежную тогу и поторопил брата. Домициан оделся в белую тунику, и оба вышли на улицу.

Направились они на Капитолий, где находился особенный каменный театр Марцелла, так как по всей империи театры были деревянные. Он имел форму полукруга, а сиденья разделены на секции, принадлежащие зрителям разных классов. Расположенные над кавеей⁷³ два балкона предназначались для императора со свитой, включая весталок⁷⁴.

При входе в театр у братьев Флавиев проверили приглашения, и они пошли занимать свои места. Заполнен театр был пока только наполовину, но никто не сомневался, что он скоро вместит в себя все тридцать тысяч зрителей. Расположились Флавии внизу, в первом ряду. Правда, перед ними находились дополнительные скамьи для сенаторов. Было жарко, поэтому, чтобы защитить зрителей от солнца, над залом начали натягивать огромные полотняные навесы. Они закрепились на столбах, установленных за верхним рядом сидений. Домициан обратился к брату:

– Тит, я уже тоже хочу носить тогу. Я давно достоин этого. Многие мои сверстники гордо расхаживают передо мной, а мне нечем похвастаться.

– Братик, не спеши жить, еще все ты в своей жизни успеешь! Тебе осталось ждать совершеннолетия совсем ничего. А пока сдерживай свою гордыню, будь проще, и тогда у тебя появится много друзей. Кстати, император предложил взять тебя к нему во дворец. Ты хочешь быть при дворе?

У Домициана заблестели глаза. Понятное дело, что все юноши Рима будут завидовать ему, мальчику при дворе Нерона.

– Конечно, это то, о чем я и мечтать не мог! – воскликнул младший брат.

– Думаешь, я не знал твоего ответа? – усмехнулся Тит.

– Так ты поговоришь с ним, когда это случится?

– Не спеши, если я сказал об этом, то значит, выполню обещание, только сильно не надейся, Цезарь мог и пошутить.

На пульпиту⁷⁵ вышел эдил Гай Фульвий – устроитель игр, и все затихли:

– Приветствую вас, римляне! Сегодня открытие игр в честь божественной Поппеи. И дарит вам этот праздник наш великий и всеми любимый повелитель, божественный император Цезарь Нерон Август, – и он указал рукой на балкон, где сидел владыка.

Все в театре поднялись и стоя аплодировали божественному. Нерон радостно купался в овациях, затем, всех успокоив, сел на свое место.

– Сегодня будут театральные представления, завтра гладиаторские бои, послезавтра морское сражение, а в последний день скачки на колесницах, и везде вас будет ждать большой сюрприз. Итак, первый день игр из четырех объявляется открытым! – продолжил Гай.

---

⁷³ Кавеея – место для музыкантов в театрах.

⁷⁴ Весталки – девственницы, жрицы, служительницы Весты – богини сердца.

⁷⁵ Пульпита – сцена.

На пульпите появились музыканты и шуты, которые весело приступили к своему представлению. Затем после них вновь вышел эдил и провозгласил:

– Итак, сейчас перед вами будет разыграна гениальная трагедия, придуманная самим императором.

В этот момент на пульпиту опустилась нарисованная на полотнище декорация, изображающая дворец императора. Затем появились актеры в очень дорогих одеждах и в трагических масках. Драма состояла из диалога и плохих стихов под музыку кантику. Актеры склонили головы, и на пульпите появился толстый и рыжий, в уродливой маске и в пурпурной тоге императора, сам Нерон. Весь театр сразу узнал его и громко зааплодировал. Он играл убитого горем супруга, который хочет покончить жизнь самоубийством, но ему постоянно не дают этого сделать, всячески мешая и отговаривая его. В конце концов, император лишает себя жизни, и все вокруг умирают от горя. Сам Нерон после окончания спектакля, сняв маску, горько рыдал от своего шедевра, так сильно вошел он в роль.

После этого Гай оповестил всех, что следующей будет греческая комедия, и декорации сменились с дворца на сад. В отличие от трагедии Нерона, эта комедия была по-настоящему смешной и интересной, про одного богатого эллина, срочно пытавшегося найти себе супругу, и все, зная это, отказывали ему. По окончании пьесы Фульвий оповестил, что на сегодня зрелища закончились и всех зрителей ждут завтра в амфитеатре Тавра.

Тит вместе с братом подошли к спускающемуся в окружении свиты и преторианцев императору. Флавий заулыбался своему отцу, сопровождавшему повелителя.

– А... мой друг Тит! – радостно произнес Нерон. – Как тебе моя пьеса и игра?

– О-о-о... владыка, твоему таланту нет границ. Мало того, что написана самая гениальная трагедия всех времен, так еще и такая неподражаемая твоя игра! На твоём фоне остальные актеры просто меркли!

– Благодарю! – расчувствовался император. – Ты всегда так хорошо говоришь, сильнее тебя в слове, наверное, только Петроний, мой советник по искусству и культуре.

Послышалось покашливание Домициана, и все посмотрели на него.

– А-а-а! – протянул Нерон. – Это... как там его?

Веспасиан что-то шепнул ему на ухо.

– Домициан! – заулыбался император. – Хочешь воспитываться и помогать мне при дворе? – он обнял и поцеловал находящегося рядом Спора во всем женском.

Тит и Веспасиан с отвращением посмотрели на Нерона, обнимающего свою «невесту», затем перевели взгляд на Домициана, который изумленно глядел на пару.

– А я буду под присмотром отца? – неуверенно спросил мальчик.

– Конечно! У меня же не будет времени заниматься тобой, а у отца есть время, тем более ему будет веселее, когда рядом младшенький.

– Я с большой радостью принимаю твое приглашение. Благодарю великого императора за оказанную честь!

– Ух ты, Тит, тебе растёт достойная замена! – и Нерон начал громко смеяться. Затем, успокоившись, сказал: – Веспасиан, приводи во дворец сына, когда он захочет! Я дам соответствующее распоряжение. А теперь идемте отдыхать, завтра утром нас ждут бои!

Веспасиан этой ночью ночевал дома, поэтому утром смог спокойно поесть вместе с семьей:

– Тит, сын мой. Я понимаю, ты огорчен смертью не только матери, но и сестры. Однако в отличие от похорон матери, ты с сестрой не попрощался. Тем не менее прошу тебя об одном одолжении, когда ты будешь покидать Рим, навести могилу сестры, которая находится рядом с вашей матерью. И хотя я понимаю, что дорога в Остию находится в другой стороне от Аппиевой дороги, однако прошу, чтобы ты исполнил свой долг перед Домициллой! Хорошо?

– Я не смогу спокойно смотреть на место ее погребения. Не проси меня о невозможном, – расстроено ответил Тит.

– Ладно, тогда мы поедem туда вместе... и вместе освободимся от этого груза! Так, ты согласен?

– Вместе? – задумался старший сын. – Если вместе, тогда поедem, а заодно и проводишь меня в путь.

Домициан внимательно смотрел на отца и брата, затем спросил:

– Какой такой груз, вы что, ее убили?

– Слушай, ешь молча и не говори глупости, – раздраженно ответил Тит.

На сей раз Флавии держали путь на Квиринал, на Марсово поле, где находился некогда каменный, сейчас же деревянный амфитеатр Тавра. Во время пожара в прошлом году он был полностью разрушен, но Нерон его быстро восстановил, однако на сей раз выросло деревянное строение. В отличие от театра, амфитеатр был в форме круга.

В специальном балконе находился император с приближенными, куда и поспешили Флавии. Они поприветствовали Нерона, затем всех находящихся рядом и сели рядом с повелителем, Тигеллином, Спором и Гелием. Офоний и Гелий после того инцидента в термах друг с другом больше не разговаривали и делали вид, что вообще незнакомы. Первым начал разговор император:

– Сегодня всех вас ждет грандиозный сюрприз, – затем повернулся к Титу. – Друг, ты не хочешь сразиться в честном бою с гладиатором? – и он рассмеялся.

– Против кого мне надо выйти? – невозмутимо спросил Тит.

– Если хочешь, против меня! – гордо ответил Тигеллин.

Веспасиан схватил старшего сына за руку и покачал головой.

– Я своих друзей не могу обидеть, – сквозь зубы произнес Тит.

– Неужели? – ехидно съязвил Офоний. – А как же твой лучший друг Руф или это не ты его убил?

Даже Нерон в этот момент посмотрел на Флавиев.

– Ты там был и все видел. Или ты всегда всеведущий, не знаешь, что произошло перед твоим носом?

– Кстати, Тит, – обратился к нему император. – Офоний мне тогда рассказал страшную историю, что твой отец его оттолкнул и бросил кинжал в Фения. Это, конечно, его большие догадки, как всегда, а твой отец сказал, что это ты убил префекта. Я знаю, ты человек чести, так что скажи, что тогда произошло на самом деле?

– Цезарь! – вдруг вмешался Гелий. – Мы все склонны верить Флавиям, а не Тигеллину, у которого весь мир существует только для того, чтобы его обхитрить, обмануть и подставить.

Тит уже второй раз восхитился Гелием, который по понятным причинам стал выгораживать его, только бы задеть Офонию.

– Евнухам слово не давали! – ответил Тигеллин на выпад Гелия.

На арене появился эдил Гай Фульвий, который громко объявил:

– Рад видеть всех собравшихся сегодня! Давайте поприветствуем нашего всеми любимого императора Цезаря Нерона Августа! – после громких аплодисментов он продолжил. – Итак... итак... сейчас вы видите, что здесь воссоздан естественный пейзаж. Настоящие деревья, приятно пахнущие фонтаны, среди которых корзины, утыканные острыми зубьями, где скоро будут прятаться охотники. Сейчас произойдет сражение медведя с быком, как часто бывает на дикой природе, а затем начнется охота на множество зверей, вы увидите, как храбрые воины сражаются с дикими животными. Учтите, самое интересное еще впереди!

Когда эдил скрылся за воротами, на арену выпустили быка, который разъяренно бегал по кругу и смотрел на трибуны в надежде выскочить туда, но ограждение было слишком высоким. И вот появился медведь, сразу же заметивший своего противника. Атаковать никто из них не

спешил, но спустя некоторое время бык первым ринулся в атаку. Началась схватка, медведь пытался противостоять обезумевшему быку, бил его когтями, но долго так не смог и был растоптан. Выбежало несколько милес⁷⁶, которые копьями забросали победителя до смерти.

Пока очищали арену, эдил продолжил:

– Великий император сегодня раздаст вам хлеб? и каждый может взять столько, сколько захочет!

По его приказу выкатили большие телеги с хлебом и начали бросать в толпу. После раздачи на арене поставили столбы, к которым привязали осужденных на смерть воров, убийц, бездомных и христиан.

– А сейчас к нам выведут супругу предателя Пизона Сатрию Галлу! – оповестил Фульвий.

Послышался свист и ругательства в сторону выходящей Галлы. Когда же ее тоже привязали, на арену выпустили львов, тигров и пантер. Голодные животные сразу же бросились на своих жертв. Крики, молитвы, плач и мольбы о помощи не помогали. Никто даже и не думал миловать их, наоборот, все зрители с радостью смотрели, как съедаются люди живьем, многих плеебеев это утешало, потому что кому-то было хуже, чем им.

После долгой кровопролитной сцены, когда все уже были мертвы, на арену выпустили охотников с луками. Звери наелись и потому особого интереса к охотникам не проявили, пока те не начали истреблять их. Многие львы со стрелами в туловище из последних сил нападали на своих палачей и загрызали их, некоторые охотники прятались в специальных корзинах, но таких было мало. После битвы на арене осталось свыше пятидесяти убитых животных, двенадцать охотников и шестьдесят мучеников.

По окончании перерыва, когда зрители смогли отдохнуть и выйти купить что-нибудь поесть, была убрана арена, и в амфитеатре появились гладиаторы вместе с эдилом.

– Цезарь дарит вам лучших гладиаторов империи, которые сегодня будут сражаться за ваши симпатии! – объявил эдил.

На арене находилось сорок три гладиатора, некоторые из них ретиарии – гладиаторы без щита и шлема, вооруженные трезубцами, клинками и сетями, чтобы пленить противников. Далее стояли гладиаторы во фракийском вооружении – шлеме с забралом, со щитом и мечом. Затем мирмиллоны – гладиаторы с галльскими щитами и изогнутыми мечами и самниты – с большими римскими щитами.

– Сейчас сразятся двадцать на двадцать, затем в конце трое против непобедимого Ганнибала.

Все гладиаторы развернулись к императору и произнесли:

– Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!

Трое гладиаторов покинули арену, а остальные начали битву. Чтобы заглушить запах крови, на арене установили огромные курильницы. Песок уже был полностью пропитан кровью, а все новые жертвы падали мертвыми. В одном углу сражались самнит с фракийцем – уже давно без щитов, которые лежали в стороне, они оба яростно пытались победить. В другом углу два ретиария накинулись на одного мирмиллона и убили его, затем сами сошлись друг против друга. Каждый, сражаясь со своим противником, мог успеть ранить рядом бьющегося гладиатора.

Битва продолжалась, пока на арене не остались только двое, мирмиллон и самнит, у которых практически не было сил, однако они устроили по-настоящему достойное сражение. У мирмиллона был маленький изогнутый меч, а у противника длинный и ровный, соответственно, у последнего в случае попадания по противнику было больше возможностей победить, но в случае промаха первый мог легко поразить свою цель. Мирмиллон сделал несколько попыток попасть в противника, однако тот был быстр и юрок. Через несколько попыток сам-

---

⁷⁶ Милес – солдат.

нит все же задел оппонента и выбил галльский щит, затем, думая добить, замахнулся мечом и промахнулся, допустив роковую ошибку. Не успев понять, что произошло, он уже лежал на песке с раной в животе.

Мирмиллон посмотрел на ложу императора, но там его не было. Зато был Тигеллин, который сразу указал пальцем вниз, в принципе, как и требовала толпа, и гладиатор охотно исполнил приказ, вонзив меч в сердце противника. Победителя провожали громкими аплодисментами под радостные крики, и тот действительно заслуженно купался в овациях, так как уцелеть в такой битве мог только фаворит фортуны.

После очередного перерыва Фульвий гордо объявил:

– Итак, завершается сегодняшний день игр битвой великого и непобедимого африканского великана – гладиатора Ганнибала против ретиария, фракийца и главного нашего сюрприза – Цезаря Нерона!

Весь амфитеатр пришел в восторг от услышанного, увидеть императора в бою было для большинства делом далеко необычным, а тут представилась такая возможность.

На арене появились кроме всех участников битвы, еще сорок преторианцев, ставших по кругу арены и готовых в любой момент защитить повелителя. Трое гладиаторов повернулись к Нерону, который был одет в металлическую кольчугу поверх кожаной туники, на голове позолоченный шлем с перьями, в руках большой щит и такой же меч (видно было, что экипировка на него еле налезла), и вновь произнесли слова приветствия.

Начался бой. Здоровый африканец действительно выглядел непобедимым и каждому внушал страх. На нем была набедренная повязка, а в руках длинный меч. Сразу двое гладиаторов ринулись на Ганнибала, Нерон же стоял в стороне и пытался снять шлем, который, как специально, не хотел слушаться. Африканец одним движением меча разрубил ретиария, а фракийца, который задел ему бок, отшвырнул рукой в сторону. Император в этот момент полностью стянул с себя шлем и громко оповестил всех:

– Кто мне дал этот шлем? Он меня чуть не задушил! – затем с ужасом увидел одного мертвого гладиатора и второго, лежащего в стороне, подбежал к последнему: – Вставай, вставай, кто, по-твоему, с ним должен сражаться, я, что ли? – Затем, немного подумав, сказал: – Ты его отвлеки, а я со спины нанесу ему смертельный удар!

Фракиец поднялся и стал медленно подходить к спокойно стоящему Ганнибалу, а Нерон начал обходить того сзади. Гладиатор замахнулся и бросил меч в африканца, но тот уклонился, император же с криком разогнался и, махнув мечом, мало того что промазал, так еще и выронил его, затем, бросив и щит, с воплем «Убивают!» помчался прочь, а за ним поспешили и преторианцы.

Послышался громкий смех по всему амфитеатру, а в специальной ложе, где сидели приближенные императора, хохот стоял еще громче. Конечно, всех заглушал Офоний, лицо которого сделалось неестественного красного цвета, Флавиев этот инцидент тоже развеселил. Даже сам Ганнибал от всего этого закатил глаза к небу. Фракиец, подобрав брошенный меч, попытался убить противника, но тот, выбив оружие, схватил гладиатора и сломал ему шею. Бой был закончен победой Ганнибала.

Эдил пригласил всех завтра сюда же на морской бой, и зрители стали потихоньку расходиться. Вся свита покидала балкон без императора, который после битвы так и не вернулся. Тигеллин обратился к Флавиям:

– Я, например, если чувствую, что не смогу победить, даже и не пытаюсь действовать. А Нерон? Я ему говорил, что все так и будет. Понятное дело, его бы африканец не убил, и он знал это, но чтобы так испугаться и бежать, это было нечто... это было безумно весело, я этого никогда не забуду, – и он снова расхохотался.

– А где Цезарь сейчас? – спросил Тит.

– С такой скоростью бега он уже давно во дворце где-то спрятался! – и его хохот усилился.

– Император завтра и в морском бою будет участвовать?

– Уже точно нет! Нерон закроет игры скачками на колеснице, вот потеха будет! Я видел, как он тренировался, и еще тогда чуть со смеху не умер.

Веспасиан обратился к младшему сыну:

– Я иду во дворец. Сынок, ты со мной пойдешь или с Титом домой?

– Я устал, хочу отдохнуть! Сегодня с братом буду, а завтра с тобой!

– Ладно, завтра утром увидимся на играх.

Выйдя на площадь, они разошлись в разные стороны. Домициан спросил брата:

– А почему нас на паланкине не несут?

– Я думал, что лучше прогуляться по городу, это так приятно, или ты не находишь?

– Одни, и без стражи, это опасно.

– Ты мой охранник, мне этого достаточно!

– А почему ты хочешь уехать отсюда? Это на время или навсегда?

– На время, конечно. Ты же знаешь, как я хочу стать сенатором, это моя давняя мечта, а чтобы стать им, надо получить несколько должностей, вот одна из них и есть квестор. Эту должность я буду занимать год, затем пойду на повышение. Если и ты захочешь когда-нибудь стать сенатором, то и тебе придется идти на жертвы.

– Да, но квестором можно стать и в Риме!

– А я вижу, ты уже хорошо разбираешься в этом, молодец! Думаю, в Риме я еще успею взлететь до вершины!

Так, разговаривая, они дошли до своей виллы. Там, плотно поужинав, принялись играть в кости – костяшками, на которые ставили цифры и поочередно бросали их, набирая очки, играя на вещи и монеты. Домициан в этот вечер стал намного богаче за счет брата и, весьма довольный, удалился спать, Тит также отправился отдыхать. Эта ночь, в отличие от остальных, была спокойной. Ужасный сон, похоже, решил сделать перерыв, и Флавий мог выспаться.

Утром после завтрака братья на паланкинах отправились на Марсово поле. Заняв прежние места и со всеми поздоровавшись, Тит обратился к Тигеллину:

– Как поживаешь, Офоний? Скажи, император не придет сегодня?

– Он убежал, покинул Рим, теперь я император! – серьезно ответил тот.

Флавий понял, что разговор бессмысленный, обратил свой взор на арену, которая сделалась огромным бассейном, наполненным водами Тибра, с двумя триремами⁷⁷. На сей раз эдил был в специальной ложе императора и радостно возвестил:

– Сегодня уже третий день игр, и, как вы видите, нас ждет морское сражение. Давайте же поприветствуем нашего Цезаря Нерона, который находится на палубе триремы с эмблемой императора на корме!

Послышались аплодисменты, и на специальной пульпите, поднимающейся на палубе вверх, появился Нерон в парадной военной императорской форме и стал петь свои стихи. Все терпели это только из-за боязни возразить. Он долго всех приветствовал и махал рукой, затем подплыла лодка, и император, спустившись в нее, отправился к трибунам. Сев в свою ложу, дал знак к началу битвы.

Это был отрывок морского сражения у мыса Акции, в котором римляне во главе с Октавианом Августом и Марком Агриппой одержали победу над египтянами во главе с Марком Антонием и Клеопатрой. В этой же битве триремы боялись вести обстрел друг друга, из-за возможного попадания в зрителей, поэтому перешли сразу к abordажу. Одна из трирем удачно использовала свой подводный таран. Послышался громкий треск, и вторую трирему нахло-

---

⁷⁷ Трирема – военный корабль.

нило. Корвус⁷⁸ перебросили на вражескую трирему, и началась битва. Пленные и приговоренные к смерти преступники отчаянно сражались на потеху публики.

В бою принимали участие около шестисот человек. Самое кровавое сражение происходило на корвусе, где столкнулись основные силы двух трирем. Трупы от ударов мечей летели в воду, причем в таком количестве, что вода окрасилась в красный цвет. Многие не хотели сражаться, прыгали в воду и, пытаясь спастись, плыли к ограждению, где стояла часть городской когорты⁷⁹ (Cohortes urbanes) и стрелами убивала всех, кто приближался. Публика встречала эти действия свистом и недовольными криками – не из-за того, что пленников убивали, а потому что те не сражались.

Наконец бой перешел на палубу второй триремы, где битва стала еще отчаяннее, чем на корвусе. После долгого сражения в живых осталось всего несколько человек, и бой прекратился. Толпа же требовала, чтобы только один выжил, и начала выкрикивать оскорбления в адрес смертников, однако те никак не реагировали.

Немного подождав, Нерон поднялся и дал приказ милесам всех перебить, те послушно выпустили несколько десятков стрел, затем, подплыв, добили раненых и некоторых спрятавшихся в трюме. Император весело посмотрел на все это, поднялся и громко произнес:

– Благодарю всех, на сегодня игры уже закончились! К сожалению, сегодня я не смог принять участие в сражении, но зато завтра буду участвовать в скачках, увидимся в Большом цирке!

Раздались вялые хлопки, и хотя все это происходило большую часть дня, зрителям же показалось мгновением. Тем не менее пришлось покидать амфитеатр. Тит подошел к собравшемуся уходить Цезарю:

– Владыка, как ты себя чувствуешь после вчерашнего случая, когда тебя подвел шлем?

Нерон вначале насупился, но затем, дослушав вопрос до конца, ответил:

– Мне как-то с самого начала не повезло с шлемом, но потом я решил развлечь публику своей шуткой в виде побега. Как ты думаешь, мне удалось?

– Конечно, все так и поняли! Римляне знают твой юмор, как никто другой.

И Тит попрощался с императором. Увидев отца с младшим братом, он понял, что сегодня ехать домой придется одному.

Когда Тит подошел к своему паланкину, один из рабов спросил:

– Домой, господин?

– Э-э, вообще-то нет. Везите меня на Винную набережную.

Неподалеку от Авентинского холма вдоль Тибра тянулась Винная набережная. Там постоянно выставлялись на продажу тысячи амфор из разных провинций и царств. Флавий, выйдя из паланкина, стал прогуливаться и выбирать вино. Каждый продавец предлагал вина самых разных сортов. Один из них, увидев потенциального покупателя, начал расхваливать свой товар:

– Господин! Не проходи мимо, я всегда вижу издалека настоящего ценителя вин. Пожалуйста, на выбор вина из Греции, Кипра, Галлии, Египта и множество других, – увидев, что Тит, улыбаясь, потихоньку начинает отходить, продолжил: – Ты знаешь, как делается вино у нас? Виноград давят голыми ногами, при этом пританцовывая под звуки флейты. Неужели ты ничего не купишь?

– Ладно-ладно, я куплю, не хочу тебя обижать, – сказал Флавий, видя досаду на лице продавца. – Из Греции и Галлии я уже пил, и не раз, пожалуй, возьму кипрского.

Он расплатился, рабы взяли амфору и понесли за хозяином.

---

⁷⁸ Корвус – перекидной мостик на кораблях для абордажа.

⁷⁹ Городские когорты – подразделения древнеримской армии, созданы в качестве полицейских сил для охраны общественного порядка и подавления бунтов, а также, вероятно, чтобы несколько уравновесить огромное влияние в Риме преторианской гвардии.

– Не надо, не несите за мной. Отнесите к паланкину, я скоро подойду.

Погода резко начала меняться, солнце медленно зашло за горизонт, и появился довольно сильный, пронизывающий до костей ветер, да еще и небо готовилось излить на землю воду. Надежда была на ветер, который может разогнать тучи. Тит решил переждать ветер в одной из таверн.

Аккуратное здание снаружи было таким же и внутри, где из кубков пили вино и играли в кости, рассуждая шепотом о политике или событиях дня. Один из пожилых патрициев громко закричал:

– Эй, хозяин, почему у тебя это вино так сильно разбавлено водой, можно же было чуть-чуть. Дай мне хорошего вина, немедленно!

Хозяин честно выполнил просьбу, видимо, постоянного клиента. Флавий подошел к стойке и произнес:

– Дай мне тоже настоящего вина!

Трактирщик внимательно осмотрел ухоженного посетителя и сказал:

– Ты же не пить сюда пришел, а, скорее всего, для проверки, похоже, ты эдил⁸⁰! Да... точно... эдил. Я уверяю тебя, у меня все всегда чисто, а водой, ты же знаешь, все разбавляют, иначе не выжить.

Тит заулыбался. Его часто путали с разными персонами, называя всеми чинами, кроме императора, префекта и сенатора, но эдилом впервые. Хотя удивительного в этом тоже ничего не было.

– Слушай, не говори мне ничего, просто налей вина, и я тихо посижу и попью его.

Тот с радостью исполнил просьбу:

– Это чистое и качественное вино из моих личных запасов, за счет заведения! Пей на здоровье!

Флавий ничего не ответил, но кинул несколько монет хозяину и сел за свободный стол. Пока наслаждался хорошим вином, рядом за столом услышал разговор двух человек, который привел его в ужас.

– Представляешь, говорили, что хуже рыжебородого и нервного Тигеллина уже не придумаешь. Однако в последнее время из-за этого заговора пало очень много истинных римлян, как ты думаешь, кто их убил? Про Пизона и его супругу, которую вчера казнили в амфитеатре, я молчу. Они, как говорится, что заслужили. А ведь я был там, когда нас Пизон созвал. Он говорил, что надо позвать еще несколько влиятельных семей, и тогда все получится.

– А каких именно?

– Клодиев, Лигуров, Поллионов и Флавиев. Я еще тогда понял, первые два нормальные, но последние – это была бы для нас гибель. Хорошо, что поднялся Сенека и сказал, что Флавии остаются самыми преданными императору, да и Поллионы могут в тот же момент всех выдать рыжебородому. Еще один поднялся, я не знаю кто, так он сказал, что некто Тит Флавий уже тогда переплонул всех своим коварством и жестокостью, убивая граждан просто так направо и налево. А потом ведь именно он убил Руфа, Латерана, Страбона, Сенеку и Лукиана. Это только то, что мне известно. Причем убивал он их с особой жестокостью, да так, что Рим до сих пор находится в страхе от этих убийств. А это, между прочим, самые знатные римляне: Руф – префект преторианцев, Латеран – консул, Страбон – претор, Сенека – бывший советник императора и так далее. Будь уверен, он не остановится, будет истреблять следующих патрициев. Не дай нам боги повстречать этого человека, говорят, у него нечеловеческий взгляд, вместо обычных глаз – кровавые, зверь, самое настоящее животное.

---

⁸⁰ Эдил – ответственный за порядок в городе, чистоту улиц и ухоженность домов.

Уж тут-то Тит больше не смог терпеть этого оскорбления, тем более, если этот человек был соучастником заговора, значит, он знает, кто приказал его отравить. Флавий вскочил, выхватил кинжал и громко закричал:

– Я – Тит Флавий, и ты смеешь меня обвинять во всех этих убийствах? Какие у тебя доказательства, предатель Нерона?

Мужчина, которому были адресованы эти слова, повернулся и от ужаса потерял дар речи, его собеседник упал на колени и пополз к выходу. Вообще, услышав имя Тита, некоторые замерли от удивления, некоторые от испуга, некоторые смотрели заинтересованно, а некоторые даже быстро покинули таверну. Судя по всему, имя Флавиев было ужасной легендой.

– Я... я... я... просто... то, что слышал... – начал было защищаться человек.

Тит схватил его одной рукой за шею и произнес:

– Меня интересует только, ты был вместе с Пизоном? Скажи, кто нанял отравить меня и зачем? Почему отравили мою мать вместо меня, это по ошибке или специально? Это сделал Рубрий или его подставили?

– Я там... не был, все это я услышал... это все кто-то придумал... клянусь! – задыхаясь, говорил мужчина.

– Я тебе не верю, говори правду – и тогда получишь вознаграждение!

Но тут подошел какой-то сильный человек в тунике и, схватив Флавия за руку, сдвинул ее так, что Тит отпустил горло противника.

– Ты что, так нечестно нападать, с оружием на безоружного, – обратился к Флавию силач.

Тит, недолго думая, ударил кинжалом в грудь нападавшего, тот взялся рукой за рану, упал на пол. А Флавий опять схватил мужчину:

– Последний раз спрашиваю, – уже совершенно в невменяемом состоянии прокричал он, замахиваясь кинжалом. – Скажи правду!

– Я уже сказал, я там не был, прости за мою пустую болтовню! Я говорил, что был там, просто чтобы придать правдивости сказанному, – умоляющим голосом отвечал тот.

– От кого ты это слышал, говори имя, имя! – не успокаивался Тит.

– Имени его я не знаю.

– Как он выглядел, молодой, старый?

– Средних лет, я точно не помню.

В этот момент в таверну вбежали два вигила в сопровождении человека, который только что сидел за столом. Они посмотрели на лежащего на полу убитого, затем на Тита, который с окровавленным кинжалом замахивался на человека. Выхватили мечи и произнесли:

– Немедленно положи оружие, ты арестован, схвачен на месте преступления и должен быть препровожден в темницу.

– Я Тит Флавий, особо приближенный к императору, – и он опустил кинжал. – Если вы меня сейчас задержите, обещаю, завтра сами будете перед императором стоять и оправдываться. У меня здесь срочное дело, я нашел еще одного участника заговора против Цезаря, вам ясно?

Вигилы озадаченно переглянулись. С одной стороны, они видели, что перед ними кто-то важный, с другой, он мог и притворяться.

– Тит Флавий, давай тогда мы арестуем соучастника, а суд уже во всем разберется, или ты не согласен?

– Подождите немного, я его хочу допросить сам, а потом вы его заберете, – затем он повернулся к мужчине и сказал: – Скажи, где, когда и от кого ты слышал все это, или ты собрался сейчас умереть?

– От человека, который вчера был здесь, когда он напился вином и меня угостил, то все рассказал. Может, человек это тоже выдумал, я точно не знаю.

– Сегодня он был? Ты видел его?

– Нет, сегодня не было. Но я его сразу вспомню и узнаю, если он появится здесь!

– Как тебя зовут?

– Руфин, господин!

– Руфин, я обещаю, тебя не арестуют и ни в чем не обвинят, мало того, я лично тебе дам аурей, если ты сможешь поймать врага. Я приставлю к тебе своих людей, и когда ты им покажешь, они схватят его, но ничего не делайте, а дождитесь меня, – повернувшись к хозяину, он спросил: – Трактирщик, когда вы закрываетесь и открываетесь?

– До последнего клиента, а открываемся с первым!

– Тогда, Руфин, тебе предстоит здесь переночевать и завтра весь день, а может, и несколько дней ждать нашего посетителя. Ты понял меня?

– Конечно, я все понял!

Вигил, посмотрев на Флавия, сказал:

– Но мы его должны увести, ты же сам сказал.

– Уже передумал. Уходите отсюда, я сам во всем разберусь, да, и заберите тело, ни к чему, чтобы здесь лежал покойник. Кстати, – он обратился к Руфину. – кто этот человек?

– Это личный охранник Сабина Нимфидия, был постоянным посетителем таверны.

– Не знаю такого, да и не важно, – затем обратился к человеку, который привел вигилов: – А ты, раз уже на меня донес, то будешь помогать своему другу в ожидании. Понял?

Тот лишь грустно вздохнул и повиновался. Тит же велел вигилам посторожить их, а сам привел своих рабов, которым все объяснил и приказал охранять и следить за Руфином. Флавий тоже остался ждать, пока последний посетитель не оставил таверну, и, грустный, отправился домой.

В атрии его встретил обеспокоенный Марк, который подумал, что с ним что-то случилось:

– Так долго шли игры, господин?

– Нет, просто у меня были дела.

– Прости за мою наглость, но где твои восемь рабов? – спросил ординарий.

– Они заняты делом, ждут в таверне одного человека, не волнуйся за них, с ними будет все хорошо, – и Тит, еле волоча ноги, отправился спать.

Наутро Флавий поднялся, полный сил и надежд на то, что, возможно, уже сегодня ему удастся решить всю эту головоломку. Вариант Сенеки его явно не устраивал, но появился человек, который поможет расставить все на свои места. С таким оптимистичным настроением Флавий отправился в Большой цирк (Circus Maximus), самую знаменитую в Римской Империи арену для проведения конных скачек и состязаний колесниц.

Цирк расположился между Палатинским и Авентинским холмами. Построенный царем Тарквинием в VI веке до Р. Х., в период Республики был заброшен и восстановлен лишь во время правления Юлия Цезаря. Длина постройки была почти три стадии⁸¹, а ширина одна стадия. С трех сторон арену окружали расположенные ярусами крытые портики, с четвертой стороны открытое пространство, на котором собирались участники состязаний. Большой цирк вмещал в себе сто пятьдесят тысяч зрителей, которые размещались главным образом на деревянных сиденьях. Только на нижних ярусах скамьи были каменными.

На одном конце стадиона было расположено возвышение из розового и серого гранита, называвшееся Укрепление (Oppidium), на другом – Арка победителей. Цирк украшали статуи божеств и героев, а на Укреплении был установлен алтарь богини Мурции⁸². Торговцы старались размещать свои лавки как можно ближе к грандиозному строению.

---

⁸¹ Стадия – 185 метров = 1 стадии.

⁸² Мурция – местное божество схожее с Венерой – богиней любви.

После пожара в 64 году Нерон восстановил сгоревшие части здания и прибавил к его облику новые украшения. При входе в цирк заключались пари и назначались ставки. В игру вовлекались значительные суммы. Ставили на колесницы, на красных – против белых, на зеленых – против голубых.

Тит поднялся на возвышенную трибуну императора, где уже все, кроме Тигеллина, сидели на своих местах. Он обнял отца и брата, затем подошел и поприветствовал Нерона, а тот к нему обратился:

– Благодарю, что каждый день ходишь на игры, – и он сурово показал, чтобы тот сел рядом. – Вчера в таверне, ты знаешь в какой, произошел инцидент, был убит не только охранник, но и очень близкий друг моего приближенного.

– Прости повелитель, но то была самозащита, мне пытались сломать руку, – и, опередив следующий вопрос императора, сказал: – А дело у меня было связано с твоей защитой. Вчера я услышал разговор человека, который знает гуляющего на свободе соучастника заговора. Я все сделал, чтобы его поймать, надеюсь, сегодня это получится! – затем, помолчав, спросил: – Владыка, я убил охранника Сабина Нимфидия, кто он?

– Разве я его тебе не представил? Видимо, забыл, но ничего, сейчас вы познакомитесь!

На трибуну как раз вошли Офоний и Нимфидий. Последний был лет сорока и отличался огромным ростом и грозным взглядом исподлобья. Тит поднялся и поздоровался с ними. Цезарь же произнес:

– Сабин, это и есть знаменитый Тит Флавий, – затем, повернувшись к Титу, сказал: – А это тот, про кого я говорил. Отныне он новый второй префект преторианской гвардии вместо Руфа. Нимфидий вступил давно, еще в качестве трибуна, в ряды преторианцев и очень помог мне, будучи в курсе заговора, разоблачить всех участников.

– Но повелитель, ты же говорил, что Сенека тебе сам во всем сознался! – с удивлением спросил старший сын Веспасиана.

Послышался ироничный смех всех троих собеседников. Тит лишь понял, что он не зря собрался искать Рубрия.

– Тит-Тит! Нельзя быть настолько наивным, – вмешался Офоний. – надо всегда доверять, но и проверять.

– Ты хочешь сказать, что мне не надо доверять своему императору и другу?

– Тит, не воспринимай все так близко к сердцу, – произнес Нерон. – Сенека сказал мне то, что я уже знал давно. Но не волнуйся, то, что тебя хотели отравить, я не знал, иначе мы бы всех арестовали еще тогда.

– Флавий, – надменно произнес Сабин. – Ты знаешь, что вчера ты убил нашего фрументария, моего друга и охранника, который вел наблюдение за очень важным человеком!

– А мне-то что? Если он не умел себя вести прилично, то туда ему и дорога, или ты думаешь, я буду просить у тебя прощения?

– Цезарь! – обратился Нимфидий. – Позволь мне арестовать этого человека за срыв наших планов и неуважения к нам!

Тит пристально посмотрел в глаза императора. Нерон же сразу ответил Сабину:

– Я не буду арестовывать своего друга! Ты что, считаешь себя выше меня? Он ничего оскорбительного в мой адрес не сказал, так что сядь и успокойся, иначе тебя Офоний успокоит. Тот сел, гневно сопя.

– Не злись на него, Тит. Он еще неопытен и вспыльчив, хотя на то есть причины, – проговорил Цезарь.

– Владыка, за кем тот человек следил?

– За Рубрием! Он здесь, в Риме, и никуда не уехал, это он был в таверне, это он гуляющий на свободе соучастник заговора!

У старшего сына Веспасиана вначале загорелись глаза, затем быстро угасли. «Рубрию глупо быть здесь, ведь он знает, что случайно может попасть на Флавиев – и тогда ему точно не жить. Но зачем Нерон это говорит, разве я поверю, что за эскулапом спокойно следят и ничего не предпринимают? Надо было дальше притворяться, что я верю императору».

– О нет, не может быть! – взволнованно заговорил Тит. – Убийца на свободе, я должен его найти, весь Рим переверну, но найду его! – затем, внимательно посмотрев на Цезаря, спросил: – Почему ты его не арестовал, что ты ждал от него?

– Э-э-э... мы хотели выследить, может, он привел бы нас к своим... э-э-э... сторонникам... но из-за тебя мы его упустили! – неуверенно подбирая слова Нерон, после чего дал знак эдилу, чтобы тот начинал.

Гай поднялся, подошел к краю трибуны и громко произнес, хотя многие его, естественно, услышать не могли:

– Итак, сегодня, к сожалению, последний день игр и, наверное, самый интересный. Сейчас начнут соревноваться четыре команды по три колесницы в каждой. Первыми будут в упряжках из двух лошадей, затем из четырех, из шести и, наконец, из восьми, в одной из которых будет сам император.

Зрители громко зааплодировали, и на арену выехали двенадцать колесниц. Поднялся божественный и бросил белый платок со своей трибуны, это был знак к началу скачек. Колесницы резко помчались вперед. Спина⁸³ возвышалась над остальной ареной, и с обоих концов на ней было установлено по три каменных столба. Задача состояла в том, чтобы обогнуть столбы, отмечавшие повороты, и не опрокинуться. Колесничие были в шлемах, ноги обмотаны защитными ремнями, а тела – поводьями вокруг, в руке же держали особый кинжал, чтобы обрезать их, если опрокинется колесница.

Соперники боролись за место как можно ближе к *спине*, так как это позволяло описывать короткий круг на повороте – самом опасном месте скачек. Первый круг соперники проехали без повреждений. Отсчет кругов велся с помощью вращающихся предметов, изображений дельфинов, закрепленных на столбах на возвышении *спины*. Еще несколько кругов – и ничего серьезного, только несколько столкновений колесами. Публика начинала злиться, потому что скоро последний, седьмой круг, а никаких столкновений нет, хотя и понимала, что с двумя лошадьми колесница хорошо управляема, но с четырьмя уже будет тяжелее.

Первый заезд закончился, победила красная команда. Пока готовились следующие участники скачек, император обратился к Титу:

– Что-то ты в последнее время какой-то не такой! Раньше ты из объятий девиц не вылезал, сейчас же, как мне известно, ты и близко не подходишь к ним. Они тебе больше не нравятся? Могу предложить лучших мальчиков империи!

Старший сын Веспасиана, услышав это, подавился слюной и долго кашлял, затем, успокоившись, ответил:

– Нет, не надо мальчиков! Просто я дал обещание матери, что буду искать только достойную девушку, которая не будет продавать себя на улицах.

– Ха! И где, мне интересно, такую найдешь, если ты ее не ищешь? Ведь у нас даже самые благочестивые матроны – и те ищут утех на стороне. Моя покойная жена Пoppея, например, изменяла мне со всеми и не скрывала этого, как, впрочем, и я. Может, ты, как когда-то Юлий Цезарь, хочешь найти себе царицу Египта, вторую Клеопатру? Ха-ха!

– Пока у меня есть другая проблема, нежели искать невесту, найти убийцу матери и отомстить ему, и тогда я устрою свою жизнь!

– Так он здесь... Ищи его! – и Нерон опять встал, махнул белым платком, и скачки начались.

---

⁸³ Спина – центральная часть арены.

– Уже нет, после вчерашнего убийства Рубрий давно покинул Рим.
– А ты знаешь, куда он отправился?
– Нет, но буду искать – и найду!
– Ладно, а пока пообещай мне! Я дам тебе очень красивую молодую девушку, она была рабыней, но я ее освободил. Привезли мне ее из далекой провинции, не помню какой, и ты с ней забудешь обо всех проблемах, обещаешь?
– Благодарю, повелитель. Но вначале мне надо решить проблему в таверне.
– Я тоже думаю, что Рубрий уже покинул город, так кого тебе там искать?
– А вдруг там еще кто-то есть?
– Никого там больше нет! После игр пойдешь ко мне и переночуешь в одной из кубиков дворца, а заодно и познакомишься с Пепонилой.
– Но, владыка, я и сам могу выбрать себе невесту!
– Я что, тебе невесту предлагаю? Я даю тебе возможность насладиться жизнью.
– Но я дал клятву!
– Да брось ты, клятвы для того и дают, чтобы их нарушать, поверь мне!
Да уж, кто-кто, а божественный был мастером по нарушению обещаний. Титу ничего не оставалось, как кивнуть головой.

Пока они разговаривали, колесничие уже проехали пять кругов. Из двенадцати участников осталось девять. Когда начался последний круг, соперники увеличили скорость, что привело к трагедии. Одна колесница врезалась в впередиидущую, наездник резко потянул поводья, пытаясь повернуть, и лошади попадали набок, отчего она опрокинулась. Вторая зацепила лежащих лошадей и подлетела вверх так, что колесничий мог вылететь на несколько метров, но поводья его задержали. Третья и четвертая не смогли остановиться перед опрокинутыми повозками и также со всей силой врезались в них. Колеса от силы удара разлетелись в разные стороны, уцелеть наездникам не удалось. Остальные пять участников смогли кто объехать, кто вовремя остановиться.

Победительницей была опять красная команда. На трибунах все были очень довольны и ждали шестерку лошадей, думая, что если с четверкой было так интересно, то с большим количеством лошадей будет еще увлекательнее.

Пока убирали тела с арены, уносили, уводили лошадей и собирали разбитые части колесниц, новые команды готовились к скачкам. И этот заезд не оправдал надежд зрителей, потому что у всех участников было подавленное настроение из-за нескольких погибших друзей, и они старались не рисковать и практически все пришли к финишу, кроме одного, который все же умудрился перевернуться, но остался в живых.

На этот раз победила белая команда, но была освистана. Император поднялся со своего трона и кивнул Тигеллину, который сразу ушел. Нимфидий тоже встал, но Нерон сказал ему:

– Сиди здесь, меня сопровождают к преторианцам.

Затем махнул Титу. Они вышли, а за ними отправились несколько вооруженных трибунов, и пока спускались, Цезарь обратился к Флавию:

– Ты сможешь мне залезть в колесницу и будешь, если что, на подхвате!

– Конечно, повелитель, как скажешь.

Внизу их ждали сорок преторианцев во главе с Офнием и позолоченная колесница императора, запряженная восьмеркой лошадей. С Нерона сняли желтую накидку и надели красную, после чего владыка, всем радостно помахав, взошел на колесницу. Гелий бросил белый платок, и участники тронулись с места. Позолоченная колесница ехала очень медленно впереди, и все боялись ее объезжать. По всему цирку раздался смех, потому что так, как они ехали, лучше бы вообще не выходили на арену. Императора это разозлило, и он изо всей силы ударил поводьями, и кони быстро увеличили скорость, да так, что Цезарь выпал из колесницы.

Сразу же подбежали преторианцы с Титом и помогли ему подняться. Тигеллин же умирал со смеху, стоя в стороне.

Божественный опять продолжил гонку, и скорость на этот раз была нормальной. Через два круга на повороте колесница императора перевернулась, и Нерон опять выпал, но, поднявшись, велел гонкам продолжаться, при этом добавив, что он примет участие в последнем круге, а сам отошел на безопасное расстояние. Колесницы тем временем увеличили скорость. На каждом повороте все ожидали, что вот-вот кто-то столкнется или перевернется, а служащие цирка обливали колеса повозок холодной водой. На пятом повороте лошади голубой колесницы не захотели поворачивать и на скорости, пытаясь перепрыгнуть через трибуны, врезались в стену, колесничий вылетел на зрителей, успев разрезать ремни, другие, завидев это, немного поубавили ход. Проехав шестой круг, все остановились и ждали, когда подъедет император.

Последний круг Нерон опять ехал медленно впереди и, повернув за последний поворот, увеличил скорость, да так, что лошади не остановились на финише, а промчались к выезду из цирка. Цезарь криком пытался остановить их, но они, обезумев, не слушались и через центральные ворота вылетели на улицу, а когда заворачивали, император выпрыгнул из колесницы, и лошади ускакали, сбивая римлян.

Пока преторианцы с Титом и Тигеллином бежали к владыке, ему помогли подняться прохожие, но увидев, кого они подняли, настороженно отступили. Нерон же, побитый и поцарапанный, весь в крови, держась за левую руку, оглянулся и увидел, как много людей окружают его и рассматривают, а охраны нет, перепуганно и неуклюже побежал к воротам цирка навстречу преторианцам. Те быстро взяли его в круг и повели к трибуне, рядом шли Тит с Офонием.

– Какой ужас... какой ужас... мне помогли подняться обычные смертные, представляете, что среди них мог бы быть убийца, а я был незащищен! Префект, я к тебе обращаюсь, ты всегда должен быть рядом со мной, чтобы защищать меня, а не для смеха, или думаешь, я не вижу, что ты постоянно надо мной смеешься!

Они зашли в цирк, и за ними быстро закрыли ворота.

– Повелитель, я же не знал, что ты свои гонки продолжишь на улицах Рима, если бы знал, расставил бы преторианцев по всему городу.

– Ты неудачное творение Венеры⁸⁴, Офоний! – в гневе сказал император, затем обратился к Флавию: – Я, наверное, руку сломал, найди мне быстро эскулапа!

– Лучше пойти во дворец, и там тебе окажут помощь, я думаю, у тебя не перелом, а всего лишь вывих! – равнодушно сказал Тигеллин.

– Молча-а-а-а-ть! – завопил Нерон так, что даже преторианцы вздрогнули. – Если я говорю перелом, значит... Кстати, а кто победил в гонках?

– Красные! Вроде бы и у тебя была когда-то красная накидка, правда, сейчас она почему-то серая! – и Офоний снова начал хохотать.

– Тит, я тебя прошу, убери эту гадость от меня, иначе я не знаю, что с ним сделаю.

– Цезарь, Тигеллин тебя хочет лишь немного развеселить!

– Да ты что, Флавий, неужели ты наконец разобрался в моем характере? – съязвил Офоний.

Тит ничего на это не ответил. Зрители на трибунах громко подбадривали императора выкриками, видя, в каком он побитом состоянии. Дойдя до своей трибуны и взойдя на нее, Нерон, пока его осматривали эскулапы, дал знак эдилу и тот громко оповестил:

– Слава богам, наш божественный почти в порядке, и мы можем приступить к награждению победителей! В первый день игр лучшим актером стал Цезарь Нерон, – все громко захлопали, а он поднес особый венок и грамоту императору. – Во второй день победителями стали

---

⁸⁴ Венера – богиня любви.

гладиатор Друз, уцелевший среди сорока сражавшихся, а также Ганнибал и наш божественный, – снова послышались аплодисменты, гораздо больше и громче, и на сцену взойшли гладиаторы, которым после Нерона дали венки победителей, грамоты и мешочки с монетами. – В третий день у нас победителей не было, поэтому перейдем сразу к награждению сегодняшних команд. Первые победители – это красная команда, вторая – красная, третья – белая и, наконец, последняя – красная во главе с самим императором. Пожалуйста, поднимайтесь на трибуну по очереди.

Первая команда зашла полным составом, вторая только с двумя участниками, так как двое других погибли. Третья и четвертая также полным составом получили венки, грамоты и ауреи. Пока вручали им призы, зрителям раздавали хлеб в большом количестве. Затем эдил оповестил:

– Император надеется, что игры вам понравились, и благодарит за то, что вы пришли поддержать божественного с утратой его самой любимой супруги Пoppей, в честь которой и проводились эти игры! Уже скоро, через два дня, мы с вами встретимся на Флоралийских играх в честь Флоры – богини цветов!

Нерон поднялся и отправился к своему паланкину, за ним последовали приближенные, кроме Веспасиана и Домициана, которые подошли к Титу:

– Как себя чувствуешь, сын? Что-то у тебя грустный вид, ты чем-то озабочен?

– Отец, я вчера послал в таверну нескольких наших рабов, заberi их оттуда, больше я в них не нуждаюсь. А мне надо во дворец, я там переночую.

– Может, ты мне хочешь все объяснить?

– Потом, не сейчас. Я и сам уже во всем запутался, надеюсь завтра уже отправиться в путь. Вы где ночуете сегодня?

– На Авентине. Ладно, завтра увидимся.

– Кстати, – обратился Тит к брату. – Как тебе во дворце, понравилось?

– Очень, там столько всего интересного и необычного!

Старший брат улыбнулся, спустился с трибуны и пошел пешком во дворец.

Пока шел, мог спокойно подумать обо всем, что волновало. Мысли лезли в голову самые разные – от смерти матери и сестры, до Рубрия и Руфина, а как же не вспомнить о сне, который часто его мучает. «Если Руфин рассказывает такие страшные истории обо мне, значит, их знает уже весь Рим, значит, люди боятся, думая, что по ночам у меня становятся красные глаза. А вдруг я никогда уже не найду Рубрия и никогда не узнаю правду? У Нерона или Офония бессмысленно спрашивать об этом».

Так, размышляя, он и сам не заметил, как вошел на территорию дворца. Преторианцы, увидев его, отдали честь и предложили сопроводить, но Тит отказался. Зайдя во дворец, он прошел мимо охраны в первое помещение, где было много людей, некоторые приветствовали Флавия. Тит постучал во вторую дверь, ее отворил пожилой раб и, поклонившись, пропустил его.

Кубикула была очень большой и богато украшенной мрамором, серебром, золотом. На большой кровати, обрамленной драгоценными металлами (а возвышение в ногах и в изголовье было золотое), лежал под одеялом Нерон, а вокруг него стояло множество высших чинов.

– Я так и знал, что ты скоро придешь, – сказал Титу Цезарь. – Отца и брата твоего я сегодня отпустил, чтобы они тебе не мешали! У меня таки нет перелома, лишь сильный ушиб, так что эта гадость Тигеллин был прав.

Офоний лишь покачал головой и закатил глаза к потолку.

– Владыка! – сказал Флавий. – Ты божественный, а это значит, что на твоём месте любой другой бы уже погиб, в то время как ты отделался лишь ушибом!

– Да? Я как-то об этом не подумал! – задумчиво ответил император. – Точно. Ты слышал, Офоний, я мог погибнуть, а не погиб, мог сломать руку, а не сломал, я бессмертный!

– Ну вот, опять начался этот бред о бессмертии, – грустно произнес Тигеллин. – Если ты бессмертный, чего же так всегда боишься людей и заговоров, что они тебе тогда могут сделать?

– Тит, дорогой мой! – Нерон уже не обращая внимания на Офония, повернулся к Флавию: – Ты знаешь, где находится моя семьдесят восьмая кубикула?

– Нет, повелитель.

– Тогда тебя проводит туда Спор. Так вот, там тебя ждет Пепонила, иди к ней! – и он, подзвав к себе юношу, велел проводить Тита.

– Владыка, а когда мне можно будет отправиться в Иудею?

– Завтра поговорим.

Спор указал Флавию на дверь и пошел с ним. Идя по коридорам дворца, юноша начал разговор:

– Я с тобой еще не имел возможности поговорить, но сейчас эта возможность у меня есть. Что ты думаешь обо мне и о моем супруге?

– Это ваши дела, мне незачем о вас что-либо думать. Если тебе нравятся такие отношения, пожалуйста, в Риме каждый делает то, что хочет!

– Скажи, я тебе нравлюсь?

– Я ценитель прекрасного пола всегда был, есть и, дадут боги, останусь! Я хочу жениться, и чтобы мне любимая родила детей, это и будет настоящая семья, и настоящая жизнь, полная прекрасных и удивительных моментов! А тебе я могу только посочувствовать.

– И императору тоже?

– Для Цезаря ты временное развлечение, которое, вот увидишь, скоро пройдет, и он опять выберет себе новую, настоящую супругу, будь уверен, я его знаю!

Спор насупился и остальную часть пути шел молча. Когда же они пришли, он указал на дверь и так же молча удалился. Тит, постучав, отворил дверь.

В кубикуле были три девушки, две из них рабыни, а третья – Пепонила. Действительно, Нерон был прав: красавица, другого слова не найти. Стройная, красивая, изящная, в шелковой, прозрачной, золотистой stole, которая подчеркивала всю красоту ее тела, золотистые волосы были длиной до колен, а черные, как бусинки, глаза были загадочны и непонятны. Флавий стоял как вкопанный, пораженной такой красотой. У него было много женщин, но такой красивой – никогда. Пепонила смущенно посмотрела на него и, отвернувшись, кивнула рабыням, чтобы они вышли. Наконец, Тит пришел в себя:

– Я рад приветствовать Пепонилу, самую красивую из всех, кого я знал!

– И я рада увидеть человека, с которым давно мечтала познакомиться! Император многое мне рассказал о тебе, и я практически все знаю, кто ты и какой!

– Боюсь, кто я и какой, не знаю даже я! Но раз ты обо мне все знаешь, расскажи и о себе.

Пепонила подошла к кровати и легла, маня рукой, затем сказала:

– Кто я, это не важно, важно, что ты будешь со мной!

Тит бросился к ней на кровать, разорвал stole и стал страстно целовать все ее тело, при этом быстро избавляясь от своей тоги...

Утром Флавий проснулся в очень хорошем настроении после прекрасно проведенной ночи, а рядом спала красавица. Наконец-то страшный сон его не тревожит, и такое приятное и радостное ощущение, что теперь будет все хорошо, все в порядке. Но постепенно здравый смысл начал преобладать над чувствами. «Понятное дело, это Нерон попросил ее развлечь своего друга, а ведь, похоже, я ей даже не нравлюсь. Да и она мне лишь физически симпатична, любовь к ней я явно не испытываю. Во всяком случае напряжение она мне сняла, и это хорошо».

Тит тихонько встал с кровати, надел одежду и, выйдя из кубикулы, пошел к императору. По дороге он встретил Гелия.

– А, расхаживаешь здесь как у себя дома, ты что, ощущаешь себя уже императором? – сказал Гелий, почему-то в этот раз глядя прямо в глаза.

– Когда стану им, я приглашу тебя во дворец в качестве шута! Кстати, хочу тебе высказать поддержку в войне против Офония, я в этот раз на твоей стороне, мне очень понравилась битва в общественных термах, молодец, так держать!

– Чего это молодец, я же проиграл тогда?

– А ты подумай, почему молодец!

И Тит пошел дальше, а вслед ему посыпались проклятья. Приблизившись к покоям Нерона, он велел спросить, примет ли сейчас его император или еще спит. Цезарь уже не спал и велел Флавию войти.

– Скорейшего выздоровления тебе, наш божественный повелитель! – сказал Тит, подходя к императору.

– Да, благодарю, – сурово сказал Нерон. – Как прошла ночь, все хорошо?

– Благодарю, повелитель, девушка просто необычайная!

– А я что говорил, а ты мне не верил. У меня вкус хороший! – затем покосился на Спора, который, стоя в углу, с кем-то разговаривал, и сказал Титу шепотом: – Зачем ты ему сказал, что я его скоро брошу, он вчера рыдал здесь весь вечер, всю ночь и даже утром пытался, здорово достал меня этим. Кстати, откуда ты это узнал?

– Я тебя просто очень давно знаю! А кто твоя невеста?

– Мессалина Статилия! Только это пока большая тайна, ты же никому не скажешь?

– Конечно, нет! – засмеялся Тит. – Это же твоя тайна! – затем, немного подождя, спросил: – Владыка, я могу получить сегодня приказ о назначении меня квестором, чтобы уже завтра отправиться в путь.

– Опять ты за свое. Сколько можно? Поедешь после Флоралийских игр, тем более что в тебя влюблена самая красивая девушка империи. Неужели ты ее покинешь? Вот когда поженитесь, тогда и поговорим, куда вы поедете!

Тут-то Флавий понял, надо давить до конца, иначе он уже никогда не уедет из Рима:

– Я не влюблен в Пепонилу, мало того, уже почти забыл про нее, но это не значит, что я не благодарен тебе, наоборот, очень ценю хорошее отношение ко мне и все, что ты делаешь для меня! Однако больше находиться здесь я не могу, если ты меня не назначишь на эту должность, я займусь поиском Рубрия, буду искать его по всему миру, а так, будучи квестором, я отвлекусь от всего и буду идти спокойно к своей мечте стать сенатором.

Нерон внимательно смотрел на Тита и слушал. После долгого молчания он спросил очень серьезно:

– Тит, я тебя не спрашивал раньше, почему ты так хочешь в Иерусалим, но теперь спрошу. Что тебе там надо, ты там кого-то должен встретить или найти, а может, ты в чем-то замешан?

– Почему ты так считаешь? – побледнел Флавий. – Я всегда хотел побывать там, люблю опасные провинции. В Карфагене все спокойно, а в Иерусалиме нет. Вот и все.

– Знаешь, я тоже очень многое люблю! – раздраженно начал император и велел всем, кроме Тита, выйти. – Я люблю петь, читать стихи, играть на лире, выступать на сцене, а не заниматься политическими делами, которые просто ненавижу! – он поднялся с кровати и, держась за руку, начал ходить из стороны в сторону. – Каждый день мне приносят разные документы и приказы, которые я должен проверить и подписать, никто не думает, что это меня угнетает. Я бы с удовольствием отдыхал на обычной вилле, как у тебя, и у меня не было бы никаких проблем, не было бы никакой ответственности перед империей и ее гражданами.

Но нет, боги распорядились иначе. Ты же знаешь, я плохой политик, плохой император, но гениальный поэт. Надо мной открыто смеются все, кому не лень, а за что? За то, что я трачу свою бесценную жизнь на пустые документы, за то, что я не сплю, а все думаю, как выве-

сти империю из экономического кризиса! Неблагодарные, вы все неблагодарные! Вы думаете только о себе, а я вам безразличен. Покажи хотя бы одного человека, который искренне любил бы меня? Таких нет, все ищут выгоду, всем что-то надо от меня. Тигеллину и Гелию – власть, Спору – ауреи, Нимфидию – поощрение его амбиций, тебе – сенатора. Вот видишь, разве я не прав? Я к вам со всей любовью, а вы смертельно ранили мое сердце, я умру с горя, и некому будет подать мне руку помощи! – Нерон, весь в слезах, правой рукой схватился за голову и медленно начал опускаться на пол.

Тит подбежал, вовремя подхватил императора, затем потащил его к кровати и положил на нее:

– Если хочешь, повелитель, я от всего откажусь ради тебя, чтобы быть всегда рядом. И не надо мне ни должности квестора, ни сенатора, только бы видеть тебя всегда радостным и веселым.

Нерон крепко обнял Тита и долго не выпускал его, пока в покои не вошел Офоний, а за ним и Спор.

– Так-так, что тут у нас? Ага, новая любовь императора, боюсь, что тебе здесь больше делать нечего, Спор, так что вон отсюда! – сказал Тигеллин, и Спор убежал весь в слезах.

Нерон отпустил Флавия и повернулся к Офонии:

– Ты что, ненормальный, зачем ты выгнал Споры? Это было всего лишь дружеское объятие.

– Конечно... я так и понял. А по какому поводу тогда объятия?

– По тому поводу, что отныне Тит будет постоянно при дворе, особой, приближенной ко мне, и никуда не уедет!

– Еще как уедет, если не хочет пожалеть об этом решении!

– Я сказал, что не уедет, значит, он останется!

– А кто тогда доставит послание Цестию? – спросил Тит.

– Кого-нибудь найду, не беспокойся! – ответил Нерон.

– Значит, так, – сказал довольно грозно Офоний. – Или ты сделаешь так, как я хочу, или ты меня сейчас сильно рассердишь!

Император снова стал лилового цвета, как тогда в термах и, округлив глаза, произнес:

– Опять мне угрожаешь?!

– Я хочу поехать в Иудею, – начал разряжать обстановку Флавий. – Цезарь, подпиши приказ, и уже завтра я отправлюсь туда, и не надо больше ссориться из-за меня, хорошо?

Тигеллин и Нерон пристально смотрели друг на друга, желая что-то сказать, а может, просто наброситься друг на друга. Но, переборов себя и посмотрев на Тита, император сказал:

– Только ради тебя я это сделаю! Завтра в обед жду тебя в тронном зале, ты познакомишься с одним человеком, который будет тебя сопровождать, и уже отправишься в свой путь! Можешь идти готовиться!

Когда Флавий покинул покои, по дороге ему встретилась разъяренная Пепонила, которая, увидев его, спросила:

– Почему ты ушел без предупреждения?

– Прости, но я не тот, кто тебе нужен. Уверен, ты найдешь еще настоящую любовь, ты ее заслуживаешь! – сказав это, он зашагал прочь.

Она же, открыв рот, долго еще стояла как вкопанная, ничего не понимая.

Тит пришел на свою виллу как раз к обеду. Зайдя в триклиний и поздоровавшись, он возлег рядом с братом и начал с аппетитом есть. Веспасиан первым прервал молчание:

– Когда ты едешь, сын?

– Завтра. В обед надо будет забрать приказ и отправиться на судно. Так что сегодня мне надо успеть сделать все свои дела!

– Мне вчера рабы рассказали о твоём плане поимки заговорщика. Так почему ты все забросил?

– Опасно, везде за мной следят, если бы я не убрал наших рабов, Нерон бы взбесился, и кто знает, что бы произошло.

– Тогда ты абсолютно прав. А того человека, который все это слушал, почему не захватил?

В этот момент к ним зашел Марк и начал ставить на стол новые блюда из мяса.

– Руфина? Да ладно, что он может знать, может, он вообще подослан был ко мне? Нет, надо искать Рубрия в Иудее, и тогда я узнаю всю правду, вот увидишь!

Плотное поев, Тит пошел собирать свои вещи. В большой сундук на жердях он складывал туники и тоги, а также свою парадную и обычную военную форму, несколько пар сандалий, не забыв взять, кроме двух мечей, еще и серебряный кинжал, которым чуть не убил предателя Рубрия. Из потайного места в шкафу он вытащил кулон, подаренный матерью, и замотал его в одну из тог. Когда все было приготовлено, Тит вышел в атрий, где наткнулся на отца и Марка:

– Марк, хорошо, что ты здесь. Приготовь мне лошадь, я сейчас пойду в храм, а затем отправлюсь на могилу сестры на лошади.

– И мне лошадь нужна! – сказал глава семьи. – Я буду сопровождать сына и в храм тоже.

Ординарий поклонился и пошел исполнять распоряжения, а Флавии отправились на Капитолийский холм к храму Юпитера.

Войдя, они увидели перед собой огромную золотую статую верховного бога Римской Империи. У подножия статуи была табличка с шестнадцатью эпитетами Юпитера. Тит выбрал три для обращения к богу – Божественный отец, Защитник и Победитель – и начал молиться.

– Я прошу тебя, Юпитер, чтобы ты меня защитил в трудном пути, который мне предстоит. Помоги мне, чтобы справедливость восторжествовала, и виновники смерти моей матери были наказаны! – он дал мешочек монет жрецу, чтобы тот принес за него жертву богу, и вышел из храма.

Как по пути к храму, так и назад, Флавии шли молча. Веспасиан не хотел что-либо спрашивать у сына, видя, что тот постоянно что-то обдумывает. Первым заговорил Тит:

– Я отправляюсь в очень опасную миссию, может, больше не вернусь сюда никогда, может, больше вас уже не увижу. Однако хочу сказать, что бы со мной ни произошло, я всегда буду с вами и по возможности оберегать и защищать вас. Если в чем-то когда-то тебя обидел, прошу простить меня, я всегда любил всех членов семьи и всегда буду верен всем вам до конца. Для меня ты всегда будешь отцом, достойным подражания, я горжусь тем, что я твой сын!

Веспасиан был поражен таким откровением и попытался поддержать грустного сына:

– Ты что? Мне нечего тебе прощать, ты идеальный сын, и другого мне не надо, и меняться тоже не надо! Да, у тебя есть недостатки, как и у всех, но для меня это не имеет значения. Не волнуйся насчет Иудеи, ведь ты же настоящий воин и всегда дашь отпор, только если не будешь лезть на рожон. Пообещай мне!

– Не могу уже ничего обещать, моя цель – найти Рубрия, и я ни перед чем не остановлюсь, а чему быть, того не миновать.

Отец ничего не ответил, лишь покачал головой.

Они подошли к вилле, возле которой стояли рабы с двумя лошадьми. Флавии вскочили на них и поскакали в сторону Аппиевой дороги. По городу ехали осторожно, чтобы случайно не сбить кого-нибудь. Когда они въехали на улицу Аргилет, впереди увидели столпотворение, образовавшееся из-за какого-то патриция, который попытался обругать Флавию, но те, не обращая внимания, проскочили мимо него, опрокинув при этом его паланкин.

Довольно долго выбирались из города, пешком было бы быстрее. Но зато, выехав на Аппиеву дорогу, они помчались во весь опор. Подъехав к усыпальнице матери, остановились и спрыгнули с коней. Теперь рядом с Домициллой-старшей упокоилась и младшая. Кто бы

мог подумать, что дочь всего на несколько дней переживет свою мать. Тит стал между двумя могилами и положил на них руки:

– Мои дорогие мама и сестра, простите меня, что не смог уберечь вас от смерти. Ведь это меня пытались отравить, а пострадала ты, мама. Это фактически я убил единственную твою любовь, тем самым убил и тебя, сестра. Я до конца дней буду чувствовать свою вину и никогда себе этого не прощу. Жаль одно, что не могу вновь вернуться в календы апреля, чтобы все исправить. Еще раз простите, если сможете! – после чего взобрался опять на лошадь.

Веспасиан же, еще немного помолвившись, тоже влез на коня, и они поспешили на свою виллу.

Практически весь вечер три Флавия провели вместе в общении и обсуждении разных проблем. Спать пошли лишь тогда, когда на улице уже была глубокая ночь.

Утром Тит проснулся выспавшимся и довольным, что наконец отправится в путешествие. По пути в триклиний на завтрак он встретил Марка, который обратился к нему:

– Господин! Можно я с тобой поеду в Иудею, буду защищать и помогать тебе, а заодно и побываю на своей родине, ведь в последний раз я там был еще совсем маленьким, а тут такая возможность перед смертью увидеть ее снова!

– Да это не мне тогда помощь понадобится, а тебе, за тобой надо будет ухаживать и оберегать тебя!

– Я серьезно, господин!

– Что ты у меня спрашиваешь? Ты же не меня оставляешь, а отца и брата, у них и спрашивай!

– Я с твоим отцом говорил, и он меня отпустил. Тем более что они будут редко жить здесь, в основном во дворце. Так что все дела можно оставить на другого раба.

– Тогда хорошо, поедешь со мной.

Поев, Тит отправился на Палатин к Нерону. Пока его несли по городу, он внимательно следил сквозь шторы за движением горожан. Впереди него педисеквы выкрикивали: «Дорогу великому Титу Флавия!» И все становились какими-то настороженными, а некоторые и перепуганными. «Неужели у меня такая плохая слава во всем Риме, а может, это я все преувеличиваю? Как бы там ни было, я вовремя покидаю город, это точно».

Добравшись до дворца, Флавий направился к тронному залу. Перед дверями в зал стояла стража, которая, увидев его, сказала, что император сейчас занят, у него аудиенция. Тит стал прогуливаться и ждать. Понятное дело, он пришел слишком рано, тем не менее лучше находиться здесь сейчас, чем опоздать или ждать в другом месте.

Наконец двери открылись, и, увидев Флавия, управляющий дворцом велел ему войти. Тот радостно зашел в зал и, подойдя к императору, заметил кроме приближенных еще одного доселе незнакомого ему человека.

– А, Тит, ты уже здесь! – сказал Нерон. – Познакомься, это Иосиф бе... бе... бень... мать... тать... фийя! В общем, он отправится вместе с тобой в Иерусалим, не волнуйся, это наш человек! Ты же не против?

Флавий внимательно посмотрел на Иосифа. Это был среднего роста мужчина лет тридцати. Черные глаза, смоляные волосы, борода и усы, вообще все в его лице подчеркивало восточное происхождение. Тот улыбнулся и поклонился:

– Рад знакомству, Тит Флавий, я Иосиф бен Маттафия!

– Что ты, повелитель, я рад, что мне не будет скучно в пути! – оповестил Цезарю Тит.

– Конечно, не будет, если учесть, что с тобой будет еще и Гелий, но он направляется только в Александрию!

– Гелий? Я надеюсь, владыка, ты Тигеллина и Нимфидия со мной не пошлешь? – пошутил Флавий.

– Нет, только Гелий и Иосиф! Теперь слушай, вы поплывете на одном из моих судов в сопровождении еще двух трирем, они вас будут оберегать. Тит, ты пробудешь в Иудее около года, так что назад в Рим отправишься на одном из торговых судов. Ты, Гелий, – повернулся к нему владыка. – Когда завершишь все свои дела, вернешься на моем судне. А Иосиф там и останется, куда плывет! – Нерон поднялся с трона и, подойдя к Флавию, дал ему пергамент⁸⁵. – Это приказ о назначении тебя квестором. Всем будешь показывать, кто будет спрашивать. А вот, – и ему поднесли еще один свиток. – послание к Цестию. У Гелия его документы при нем, так что свои не потеряй! Карруки вас уже ждут на улице вместе с ликторами⁸⁶, а значит, вот и подошел момент прощания, – он крепко обнял Флавия, а тот в свою очередь его. – Тит, мы расстаемся всего лишь на год, но у меня такое ощущение, что я больше тебя уже никогда не увижу! – и Цезарь прослезился.

– Да глупости это! – ответил Флавий. – Вот увидишь, год промелькнет так, что мы не заметим, и я уже снова буду здесь.

– Какое счастье, будем ждать с нетерпением! – с сарказмом заявил Офоний, но на него никто не обратил внимания.

Затем император обнял Гелия и, пожелав удачи Иосифу, стал махать рукой и провожать взглядом выходящих из зала друзей, пока за ними не затворились красивые двери.

Рядом с дворцом их ждали две карруки, каждая запряженная двумя лошадьми, одна полная сундуков с вещами, другая с двадцатью ликторами. К последней все трое и присоединились. Тит сразу сказал, что надо заехать к нему на виллу за вещами, и они отправились на Авентин. Путь был долгим и медленным, но они, наконец, добрались до цели.

Флавий зашел в атрий, где велел рабам вынести и загрузить его и Марка сундуки. Затем повернулся к отцу и брату, которые вышли за ним, и сказал:

– Что же, пришло время! Прощай, отец, надеюсь тебя увидеть через год, береги себя и будь осторожен во дворце. Если произойдет что-то важное, сразу высылай ко мне в Иерусалим гонца, и я по возможности отреагирую. Не переживай ты так, я уже покидал Рим, и не раз, ты что, забыл?

Веспасиан обнял сына:

– Нет, не забыл, береги себя! Ты тоже в случае чего оповещай нас обо всем важном.

Отпустив отца, он повернулся к брату:

– Жаль, что я не буду присутствовать на церемонии по достижении твоей зрелости! Если бы ты родился не 24 октября, а 24 апреля, я бы успел, – старший брат заулыбался и потрепал младшего по волосам.

Домициан ничего не сказал, и непонятно было, что он чувствовал в этот момент, не то радость, не то печаль, временами его не мог понять даже отец.

Тит, попрощавшись и выходя, еще раз оглянулся на своих родных, грустно смотревших на него. Запрыгнув в карруку, он увидел уже сидящего там Марка и пять своих рабов, и они тронулись в путь. Кучер громко оповестил:

– Как выедем из Рима, до Остии останется сто тридцать пять стадий, так что можете немного вздремнуть!

Спать никто не мог, все смотрели на забитый людьми город, который так не хотелось покидать. Каждый стремился попасть сюда, а Флавий сам, без принуждения, его покидает, город, где он родился, вырос и окреп как личность. «А стоило мне захотеть, и я сейчас был бы префектом вместо Тигеллина или Нимфидия, но нет, я выбрал трудный, тернистый путь, который неизвестно как закончится. Но жизнь интересна своей непредсказуемостью. Может, я

---

⁸⁵ Пергамент – материал для письма из недубленой сыромятной кожи животных.

⁸⁶ Ликторы – охрана официальных лиц со связкой прутьев и с топориком посередине.

умру, а может, действительно стану императором. Ведь не зря мне это жрец предсказал, вряд ли обманул, он слов на ветер не бросает, но и ошибки у жрецов бывают».

Путники подъезжали к Тройным воротам. Тит смотрел на закат солнца, и у него внезапно мелькнула необычная мысль, что он не скоро вернется сюда, а когда вернется, это будет другой Рим, спокойный и всем довольный город без тирана, новый город!

Миновав городскую стражу и выехав за ворота, они постепенно начали отдаляться по Остийской дороге от столицы мира, гигантский город становился все меньше и меньше, исчезая в сумраке, пока вообще перестал быть виден. Зато появилось на небе множество звезд, которые повергли в сон нескольких ликторов и Флавия тоже.

Глава VII

– Господин Тит, проснись. Мы уже давно в Остии!

Флавий открыл глаза, поднялся и увидел перед собой Марка. Была глубокая ночь, но луна довольно ярко освещала землю, хорошо виднелись гавань и множество судов.

Остия была гаванью в устье Тибра. В течение многих лет этот городок защищал западное побережье реки и служил воротами в жизненно важных поставках зерна в Рим. На искусственном острове был сооружен маяк.

– Где Гелий и Иосиф?

– Они, видимо, уже в каютах, господин. Я тебя пока не будил, хотел, чтобы ты выспался. Но сейчас, когда уже почти все вещи занесены, тебе пора подняться на борт!

Кедровое судно Нерона не поражало. Оно имело пять рядов весел, которыми управляли под палубой рабы. Проконопаченная обшивка была пропитана смолой, воском и окрашена. Команда состояла из пятисот человек, не считая милес. Снаружи судно выглядело довольно скромно, но когда Тит прошел по корвусу и спустился вниз к каютам, то понял, почему оно было одним из императорских судов. Внутри все было отделано с большим размахом и роскошью. Дорогие ковры, расписанные стены, каюты украшены дорогими вещами из золота.

Флавию показали, где его каюта, и, войдя в нее, он улегся на дорожную кровать. Только начал опять засыпать, как к нему вошел Марк и сказал, что он будет по соседству, если понадобится.

***

– Да, вид здесь и впрямь хороший, есть чем насладиться! – сказал капитан судна, обращаясь к Титу, который стоял на палубе и смотрел в сторону берега, вдоль которого они плыли.

– Красиво! – подтвердил Флавий, затем повернулся к капитану. – Меня зовут Тит Флавий!

– Я знаю, как тебя зовут! А меня Пилад!

– Капитан, как называется наше судно? Вчера ночью я не смог увидеть его название.

– *Palatiorum*! Это название ему дал сам император, хотя это не самое любимое его судно.

– Пока еще паруса не опускали?

– Ветра нет, будем надеяться, что скоро появится, иначе нам долго придется путешествовать.

– Пилад, как ты знаешь, куда плыть? Мы вообще можем заблудиться?

– Что ты, я плаваю уже больше тридцати лет, и мой опыт меня еще ни разу не подвел! Тем более что Нижнее море⁸⁷ каждый моряк знает как свои пять пальцев, да и Внутреннее море⁸⁸, кто часто плавает в Египет, тоже. У нас есть специальные книги, указывающие наиболее удобное время и направление плавания. Мы, например, можем спокойно потерять из виду берег – и не заблудиться. Также нашими ориентирами служат солнце, луна и звезды. Определяя скорость и направление ветра, я могу узнать, где находится мое судно.

– А где мы сейчас?

– Мы в Кампании, по пути в Капую и Помпей. Затем, минуя Мессанский пролив между Сицилией и Апеннинским полуостровом, выйдем во Внутреннее море.

– Мы в эти города будем заходить?

– Нет, остановимся в Мессане, наберем провизии и полным ходом пойдем в Александрию! – и, немного помолчав, капитан добавил: – Прости, но мне надо идти, очень приятно было поговорить с тобой!

---

⁸⁷ Нижнее море – у древних римлян Тирренское море называлось *Mare inferum*.

⁸⁸ *Mare Internum* (с лат. – «Внутреннее море») – название Средиземного моря у древних римлян.

– Мне тоже! – и Тит пошел прогуливаться по судну.

Работа на палубе кипела вовсю. Для поворота судна использовались весла, которыми управляли двое матросов. Впереди находился парус для управления. Часть рабов драила палубу, часть находилась на мачте, занимаясь парусами. Нос и корма были украшены великолепной резьбой, которая очень понравилась Флавию. Затем он снова стал глядеть на берег.

От красоты Италии захватывало дух. Красивая местность, вся в полях и начинающих зеленеть лесах, а вдалеке виднелись горы. Как приятно было это наблюдать и дышать свежим морским воздухом в такую ясную погоду. Солнечные лучи, отражаясь в воде, блестели и сверкали, словно драгоценные камни. Вода была прозрачной и такой голубой, что Тит пожалел, что он не художник и не может запечатлеть эту красоту.

Затем он обратил внимание на две триремы, одна шла впереди них, другая позади. Трирема имела в длину шестьдесят и в ширину восемь локтей. Команда состояла из двухсот человек, кроме милес. На обеих сторонах военного судна над килем были изображены глаза; таран из трех кольев (gostrum) предназначался для нанесения удара по противнику или уничтожения его весел. Приятно было ощущать рядом военную мощь.

Флавий долго и внимательно за всем наблюдал, пока не пришло время обедать, и он спустился в общую каюту, где был накрыт стол, полный еды. На кушетках уже возлежали Гелий, Иосиф, два неизвестных центуриона и трибун, а вокруг них суетились рабы. Один из рабов пригласил Тита за стол и сказал, что скоро придет и Пилад. Флавий поздоровался со всеми и возлег. Гелий проигнорировал его, Иосиф улыбнулся, а трибуны хоть и ответили, но выглядели довольно суровыми и продолжали разговаривать между собой. Первым начал разговор Иосиф:

– Как спалось в первую ночь в море?

Никто не обратил внимания на его вопрос.

– Если не хотите со мной общаться, так и скажите, – не успокаивался Маттафия.

Трое воинов резко поднялись и направились к выходу, а один из них повернулся и громко произнес:

– Мы с иудеями не общаемся! – и ушел за остальными.

Тит и Гелий внимательно посмотрели на Иосифа, который был поражен ответом. Гелий первым разрядил обстановку:

– Не обращай внимание на них, они когда-то служили в Палестине, и у них уже сформировалось мнение о вас!

– Тем более, – поддержал разговор Флавий, – мы же с тобой разговариваем, а это самое главное, потому что мы здесь высшие чины.

– Ты, Тит, всего лишь трибун, не забывай этого, а вот я – левая рука императора! – сказал Гелий.

– Ты что, забыл, еще совсем недавно ты был рабом, но потом тебя Нерон освободил, так что сиди тихо и не вознось! – ответил ему Флавий. – Давайте не будем ждать капитана, а приступим к еде.

Но в это время вошел Пилад, извинился за то, что его столько ждали, и возлег рядом с Титом:

– Теперь давайте поедим!

– Капитан! Только что пред тобой трибун и центурионы оскорбили нашего иудейского друга, у тебя что, часто случаются такие конфликты? – спросил Флавий.

– Это не ко мне претензии. У них есть командующий, он пускай и решает эти проблемы, а я ответственный только за команду.

– Кто у них военачальник?

– Трибун Гирций, это он и был!

– Как ты думаешь, где он может быть сейчас?

– Наверное, у себя в каюте, а что?

– Я к нему пойду, ты меня проводишь?

– Нет, я хочу поесть, возьми лучше одного из рабов, он знает дорогу.

– Иосиф, идем со мной, – сказал Тит, вставая из-за стола.

Тот честно последовал за Флавием, который, в свою очередь, пошел за провожатым. Подойдя к каюте, они постучали. Им открыл Гирций и, увидев их, попытался закрыть дверь, но Тит успел поставить ногу так, чтобы она не захлопнулась. Затем рукой толкнул дверь в сторону.

– Хочешь ты или нет, но меня выслушать должен! – строго произнес Флавий.

У трибуна был такой вид, как будто его публично оскорбили и унизили, но он показал рукой, чтобы они проходили. В каюте сидели и те двое центурионов. Тит, завидев их, произнес:

– Вообще-то, когда видите старшего по чину, то есть трибуна, надо вставать!

Те нерешительно посмотрели друг на друга, но все же поднялись.

– Если ты пришел меня отчитывать, то можешь уходить! – начал Гирций.

– Нет, не отчитывать тебя пришел я сюда, а объяснить, что нам предстоит долгое плавание. За это время мы должны стать одной командой. Пока я прошу по-хорошему, уладьте ваш конфликт. Я не говорю вам, чтобы вы стали друзьями, но хотя бы здороваться и прощаться вы можете. Согласны?

Гирций с таким пренебрежительным видом посмотрел на Иосифа, что понятно было, он это выполнять не собирается.

– Вы согласны? – повторил Флавий.

– Да, мы будем стараться! – ответил недовольным голосом трибун.

– Тогда хорошо, – сказал Тит, подозрительно глядя на них. – И учтите, если вы предпримете что-то незаконное по отношению к нашему другу, я поговорю с вами снова, но уже по-другому! – он повернулся, вышел из каюты вместе с Иосифом и хлопнул дверью. Но не ушел, а приложил ухо к небольшой щели между дверью и стенкой, а другу махнул рукой, чтобы тот уходил. Послышались удаляющиеся шаги Маттафии.

– Они уже ушли! Так что ты думаешь об этом наглom Тите, а, Гирций? – спросил один из центурионов.

– Я бы ему раз и навсегда показал, как надо относиться к иудеям, и его заодно проучил, но он важная фигура, за которым стоит сам император, а я не хочу, чтобы из-за него меня в лучшем случае сослали в ссылку.

– И что, ты теперь будешь терпеть иудея и унижаться перед ним?

– Конечно, буду. Если ты такой умный, придумай план, как избавиться от трибуна и иудея, чтобы нас не заподозрили. Это уже никак не сделать, значит, остается терпеть!

– Можно одного из них отравить, другого сбросить за борт, и все.

– Что бы с ними ни случилось, главными подозреваемыми будем мы. Так что запомни: с ними ничего не должно случиться, ты понял меня?

– А если подвернется удачный случай, можно будет им воспользоваться?

– Смотря какой! Ладно, давайте уже нормально поедим, а то нам не дают это сделать.

Флавий, все выслушав, пошел в общую каюту. «Надо с ними быть начеку и Иосифа тоже предупредить. Может, нужно было ворваться и наказать всех заговорщиков, но их трое, могут и победить. Нет, лучше будет поймать их в нужный момент».

Так, размышляя, он пришел в каюту, но никого там уже не было, и Тит, поев, отправился в каюту Маттафии.

– Будь осторожен, потому что эти трое будут искать подходящего повода, чтобы с тобой и со мной покончить! – начал разговор Флавий.

– Не бойся, это все только угрозы, я не раз слышал, что меня хотят убить. Чаще почему-то это исходит от милес.

– Я постараюсь тебя защитить, только если что, обращай ко мне, хорошо?

– Хорошо, благодарю! Честно говоря, я польщен, такой человек, как ты, и думает о моей защите, это необычно.

– Это вполне обычно, когда защищаешь порядочного человека!

– Еще раз благодарю, я по твоему взгляду увидел, что ты говоришь все это от чистого сердца, – и он улыбнулся.

– Ладно, я пойду, скоро увидимся, и мы еще побеседуем. А пока смотри в оба! – Тит также усмехнулся и направился к старому рабу.

По дороге к своей каюте он постучался к Марку, а когда открылась дверь, сказал:

– Марк, у меня к тебе важное поручение. Мне необходимо, чтобы ты следил за двумя центурионами и трибуном, они здесь единственные. У них в замысле покушение на меня, так что если что-то увидишь необычное, сразу мне сообщи!

Пожилой раб, выслушав его, ужаснулся, но кивнул головой. Флавий, поблагодарив, пошел к себе. У него было огромное желание вскрыть послание Нерона, но он понимал, что если испортит печать, император рано или поздно узнает об этом, так что пришлось воздержаться.

На следующий день была плохая, дождливая погода. На палубу идти было бессмысленно, и все находились в своих каютах. Титу стало скучно, и он пошел к Иосифу, но, не застав его, направился к Гелию. У того, когда он отворил дверь, сразу упало настроение, но, тем не менее, он впустил гостя.

– Какими судьбами тебя занесло ко мне? – спросил вольноотпущенник Нерона, ложась на кровать.

– Захотелось поговорить с умным человеком. Кстати, почему ты лично открыл дверь, а не твои рабы?

– Да они где-то ходят, одного тошнит, другой постоянно в уборной, третий еще что-то делает, с ними не соскучишься. Так о чем ты собрался говорить?

– Гелий, ты знал о заговоре Пизона до того, как вам признался Сенека?

– Знал или не знал, какая разница, в любом случае эта тема закрыта даже для тебя! Тебе уже все рассказал император, мне нечего добавить.

– Пойми, это важно для меня, кто был целью отравления – я или моя мать, кто исполнитель – Рубрий или кто-то еще?

– Я не знаю, мне было неинтересно вникать в это, на все твои вопросы ответы знает Нерон, Тигеллин и как его... а, Рубрий, у них и спрашивай! – увидев разочарованное лицо Тита, он продолжил: – Ты знаешь, я тебя уже давно знаю, но понять, какой ты, до сих пор не могу. То ты слишком злой и агрессивный, то добрый, всех любящий и всем помогающий, то пьешь сильно и участвуешь в оргиях, то боишься посмотреть в сторону девушек и не притрагиваешься к вину. Скажи мне по секрету, какой ты на самом деле? Обещаю, это останется только между нами!

– Я такой, какой я есть!

– Я уже это понял, но все же ответь на вопрос.

– Давай так, откровенность за откровенность. Ты мне отвечаешь на заданные мною вопросы, а я на твои, договорились?

– Ничего уже не знаю, а все что знал, сказал.

– Мой ответ аналогичный.

– Тогда иди отсюда, если ничего не хочешь говорить. Ты пришел меня мучить вопросами?

– Нет, спросить, как твои дела с Офонием и как тебе Нимфидий?

– Два безумца! Вот как их можно охарактеризовать. Причем один еще хуже другого. Я же не зря вызвался сам в это путешествие, хоть отдохну от них пару месяцев.

– А не боишься за это время потерять свое влияние при дворе?

– Что будет, то будет! Честно говоря, я уже устал от постоянной слежки за мной. Ты же знаешь, Тигеллин следит за всеми, он знает каждый мой шаг, твой, наших друзей, да и вообще всех патрициев. А сейчас уже, наверное, и всех плебеев. Это я привел Нерона к власти, приняв участие вместе с его матерью Агриппиной в убийстве Силана – проконсула Азии, место которого тогда я и занял. А ведь он был достойным кандидатом на престол. И как нас отблагодарил император? Свою мать он зверски убил.

– Она сама виновата, хотела его отстранить от власти.

– Ты вправду его защищаешь? Это же был всего лишь повод! А сколько попыток ее убийства провалилось до этого? Рыжебородый пытался трижды отравить ее, подсылал наемника заколоть Агриппину и даже попытался обрушить потолок и стены ее кубикулы, пока она спала. Однако императрица удачно избегала смерти. Тогда, помнишь, шесть лет назад в Байях Нерон предложил ей совершить поездку на его судне с пробоиной, которое должно было затонуть в пути. Тем не менее Агриппине единственной удалось спастись и вплавь добраться до берега.

– Конечно, она же была когда-то ныряльщицей за губками для терзориума⁸⁹.

– После этого Нерон окончательно сошел с ума и приказал открыто убить свою мать. Агриппина, увидев преторианцев, поняла свою участь и подставила под кинжалы свое чрево, давая понять, что раскаивается в том, что родила на свет такого сына.

– Императрице предрекли когда-то, что ее сын будет править, но при этом убьет свою мать.

– Помнишь, что она ответила?

– «Пусть умерщвляет, лишь бы царствовал». Она сделала свой выбор.

– А его отец – консул Гней Агенобарб! Вечно не контролировал свое поведение.

– Да, как-то убил вольноотпущенника лишь за то, что тот не хотел пить вина столько, сколько ему велели.

– На форуме выбил глаз одному всаднику за его слишком резкую брань, а в одном селе – по Аппиевой дороге с разгона задавил мальчика, нарочно подхлестнув коней. Если бы не водянка, он бы долго прожил и много чего натворил бы.

– Выдумки плебеев, не более.

– Выдумки? Как бы там ни было, удивительно еще, что я жив, это при том, что его каждый день настраивает против меня Офоний!

– Не скромничай, твое положение сейчас довольно крепкое.

– Это ты так думаешь и все вокруг. Но на самом деле мое положение такое, как и твое!

– Что это значит? – удивился Флавий. – Что ты имеешь в виду?

– А то, знаешь, сколько грязи на тебя выливают каждый день префекты преторианцев? Сколько оскорблений и ложных обвинений тебя они высказывают при Нероне!

– А что на это император?

– Слушает и молчит, но ты же знаешь его, если ему каждый день рассказывать что-то плохое о человеке, он в это со временем поверит. Уже много таких случаев было. Так что держись! Скажу честно, по возможности не торопись в Рим. Кто знает, как тебя встретит через год рыжебородый, накрученный Тигеллином и Нимфидием. Последнего ты разозлил убийством его друга, кстати, правильно сделал.

– А ты не знаешь, за кем он тогда следил в таверне?

– Знаю, конечно! Он охранял Руфина. Дело в том, что, когда Нимфидий был в таверне и специально все рассказал о своем участии в заговоре Руфину, поручил ему, чтобы тот все это выложил слуге нового городского претора. То есть целью этого всего было стремление как можно больше запятнать твое имя, а со временем, при удобном случае, сказать, что во всех

---

⁸⁹ Терзориум – обычная палка, к концу которой приделана морская губка из Средиземного моря. Человек брал палку, подтирался, промывал ее уксусом или соленой водой прямо тут же, в туалете, и оставлял ее для следующего посетителя.

убийствах знатных чиновников виноват род Флавиев. И претор бы сам тебя судил, и народ был бы против тебя. Руфин – профессиональный доносчик. Теперь ты все знаешь.

– Но зачем так все заумно, ведь Нимфидий мог непосредственно сам все это рассказать претору?

– Нет, не мог, необходимо было, чтобы вся агитация против тебя шла со стороны, якобы от простых людей. Ведь цель Руфина – это облить грязью тебя, и чтобы это дошло до всех высших чинов и граждан.

– Кому это все надо было – Нерону, Офонию, Нимфидию?

– Не знаю насчет Нерона, но тем двоим – точно! Я не должен был это все говорить тебе, но против тебя ведется игра, с тобой играют.

– Ты правду говоришь или просто хочешь, чтобы я уже больше никогда не приезжал в Рим?

– Так ты мне не веришь? Тогда это твое дело. Мне, если честно, безразлично, есть ты во дворце или нет. Я говорю лишь то, что знаю сам.

– Какой смысл? Достаточно одного слова Цезаря «казнить» – и меня на том же месте убьют. А мой отец при дворе и мой брат? Им тогда опасно там находиться!

– За них не волнуйся, пока ты играешь по их правилам, с твоей семьей ничего не случится!

– По их правилам?

– Мой тебе совет: не ищи Рубрия и будь осторожен, за тобой очень тщательно следят. Если все же ты будешь искать этого эскулапа, делай это незаметно и так, чтобы тебя не заподозрили.

– Кто за мной следит?

– Фрументарии! Думаешь, они не знают, почему ты так рвался в Иерусалим? Точно не из-за большой любви к иудеям!

– Расскажи, прошу, пожалуйста, все, что ты знаешь об отравлении моей матери!

– Я уже тебе сказал, я не в курсе.

– Ответь еще на один вопрос: что у тебя за миссия в Александрии?

– Везу приказ, чтобы египтяне увеличили поставку зерна, сейчас Рим находится на грани голодовки, а это серьезная проблема! Не хватало нам еще, чтобы народ взбунтовался...

Флавий, слушая это, думал о своем. «Необходимо, когда будет остановка в Мессане, отправить послание отцу, чтобы он был предельно осторожен. Гелий мог и обмануть, но судя по его взгляду, он говорил правду. Вообще-то откровенность Гелия – большая редкость. Но когда он о чем-то откровенничает, это является правдой. Значит, Нимфидий и был тем предателем, который докладывал все, что творится в стане врага. Понятное дело, он был в курсе отравления Флавиев и допустил это. Что же, когда я вернусь домой, первым будет умерщвлен префект, и не имеет уже никакого значения, что мне будет за это, а отомстить за мать необходимо. Только бы боги помогли найти Рубрия, тогда все станет на свои места».

– ...И тогда власть может смениться. Нерон же первым делом покинет город в случае бунта. Вот насколько это важно для нас! – закончил Гелий.

– Так воспользуйся случаем и провали договоренность, отомсти императору и Тигеллину.

– Э-э-э нет, я не собираюсь рисковать своей жизнью, наоборот, я приближусь, успешно выполнив столь ответственное задание.

– Тогда удачи! – и Тит вновь погрузился в свои мысли.

– Раз ты уже здесь, налей мне вина, оно стоит в углу на столе.

Флавий налил вина в кубок и подал Гелию. Тот, пригубив, сказал:

– Надеюсь, ты не подсыпал туда яда?

– Ну-у-у... а стоит? Ладно, я пойду к себе, отдохну!

На следующий день Тит пытался поговорить с Иосифом, но тот был в угрюмом настроении, и разговор состоялся только через день.

– Как сегодня твое настроение? – спросил Флавий, садясь на селу⁹⁰ рядом с Иосифом.

– Хорошая погода – хорошее настроение, а у тебя?

– Тоже! Можно спросить, что ты знаешь обо мне, что про меня говорили во дворце при тебе? Обещаю, никому и ничего про это не скажу. Я обязательно должен узнать, какое ко мне сейчас отношение там.

– Я ничего плохого про тебя не слышал, наоборот, император с большой теплотой говорил о тебе. А знаю про тебя немного, что воспитывался при дворе, служил в нескольких провинциях, у тебя знаменитый отец – военачальник и дядя – префект Рима, вот, собственно, и все.

– А я про тебя ничего не знаю, расскажешь?

– Если тебе интересно. Родился двадцать восемь лет назад в Иерусалиме.

– А я двадцать шесть лет назад в Риме, – перебил его Тит. – Мы почти ровесники!

– Происхожу из знатной иудейской семьи, принадлежащей к влиятельному иерусалимскому жречеству. Мой прадед Симеон был иерусалимским первосвященником, а род матери восходит к ранее царствовавшему в Иудее роду Хасмонеев. Я получил традиционное религиозное образование, умею толковать священные тексты. Есть у меня и обычное образование, правда, довольно слабо владею греческим языком. В юности посвятил несколько лет знакомству с учениями основных наших сект. Меня заинтересовали взгляды саддукеев, фарисеев, ессеев. Увлечшись необычным образом жизни и учением ессеев, я три года прожил в пустыне, ведя аскетический образ жизни. Но, разочаровавшись в них, стал приверженцем фарисеев. Еще меня очень заинтересовала греко-римская философия. Пять лет назад я прибыл в составе делегации в Рим к императору, чтобы добиться разрешения освободить нескольких заключенных жрецов. Благодаря императрице Пoppее, которая, кстати, приняла иудаизм, как и сам Нерон, мы этого добились.

– Император не мог стать иудеем!

– Поверь мне, сама Пoppея об этом рассказала, вот почему и помогала нам. Как бы там ни было, за эти годы я многое повидал в Риме. Увидел пылающий город, видел казни христиан, репрессии. Но несмотря на это, столица мира поразила меня до глубины сердца. И хотя я остался верен своей вере, в этом «храме богов» стал поклонником римской культуры. Меня поразило могущество Вечного города, перед которым склонились многие народы. Я даже придумал целую фразу, которую обязательно использую в своей будущей книге: «И если тебя кто-либо спросит, где твое счастье, где твой Бог, ответь: в большом городе Риме».

Флавий был поражен услышанным. Он и представить не мог, кто сидит пред ним. С умным и грамотным человеком всегда было интересно общаться, а с ученым и неординарной личностью – вдвойне.

– Да это я должен гордиться знакомством и общением с тобой!

– Не шути так, расскажи лучше про себя.

– А я и не шучу! Родился 30 декабря в Риме. Только благодаря блестящей карьере отца я получил образование и воспитание при дворе. Затем стал трибуном, а сейчас и квестором. Прочитал много книг на греческом и латинском. Воевал в Британии и Германии. Вот, собственно, и все. Ничего выдающегося, как у тебя.

– Не надо меня ставить выше себя, ты же римлянин, а значит – почетный гражданин мира!

– Да, но не из царского рода, а у тебя он в крови, – сказал с улыбкой и восхищением Флавий.

---

⁹⁰ Села – табурет.

Прошло еще три дня, когда триремы наконец пристали к гавани в Мессане на острове Сицилия. Город был основан греческими колонистами на месте поселения племени сикулов около 730 года до Р. Х. и первоначально назывался Занкла, что означало с греческого «серп» – из-за формы естественной гавани возле него. В V столетии до Р. Х. принадлежал Афинам и развился в торговый город. Около 493 года до Р. Х. переименован и получил название в честь греческой Мессены (с латинского Мессана) на юге Пелопоннеса. В 396 году до Р. Х. был razорен карфагенянами, а при Дионисии Сиракузском отстроен заново. В 312 году до Р. Х. Мессина попала под власть тирана Сиракуз, а впоследствии царя Сицилии Агафокла, а в 288 году до Р. Х. захвачена взбунтовавшимися кампанскими наемниками на службе Сиракуз – мамертинцами, сыновьями Марса. С первой Пунической войны перешла на сторону Рима.

Тит, узнав, что здесь они будут стоять сутки, отправился гулять по городу и искать почтовое здание. Мессана в основном состояла из домусов и инсул. Обшарпанные строения, улицы в мусоре создавали впечатление запущенного города.

Спросив у одного из прохожих, где почта, он поспешил прямо туда. Заплатив за папирус и почтовую доставку, Флавий принялся писать письмо домой.

Дорогой отец!

Пишу тебе из Мессаны, куда мы благополучно доплыли. Со мной все в порядке, хорошее настроение и здоровье. Как дела у вас? Надеюсь, тоже все хорошо! Если нет, то вышли мне послание в Александрию, там мы надеемся быть, если нам будет благоволить Нептун⁹¹, через несколько месяцев. А пишу тебе я по важному поводу. Из достоверного источника мне стало известно, что наш с тобой господин ведет какую-то сомнительную игру по отношению ко мне и тебе. Игра, которую он затеял, не сулит нам ничего хорошего, возможно, арест и смерть. Будь предельно осторожен и готов в любой момент покинуть Рим! Подробно рассказать я тебе ничего не могу, так как это письмо может попасть в чужие руки. Следующее послание я напишу тебе уже из Египта. На этом прощаюсь, ваш любимый сын и брат!

Завернув свиток и заклеив печатью, Тит отдал его почтовому служащему, а сам с чувством выполненного долга вышел на улицу. Теперь он держал путь на форум. Там продавали фрукты из близлежащих поселений, овощи, сыры, сушеное мясо, свежую и соленую рыбу, дичь.

Купив снедь и спрятав ее в мешок, отправился в таверну, находящуюся рядом. Заказав вино, сел за стол и стал его пробовать, закусывая сыром. К нему подошел светловолосый юноша в тунике и, спросив разрешения, сел рядом. Они ничего друг другу не говорили, пока Флавий не угостил незнакомца сыром.

- Благодарю, но я впервые вижу, чтобы со мной кто-то делился в таверне. Ты откуда?
- Неважно, просто путешествую.
- В тоге, солидный вид, красивая речь, да ты из Рима, кто-то из высоких чинов! Я прав?
- Почему я в тавернах всегда от всех почти одно и то же слышу? – засмеялся Тит.
- Значит, я прав! А куда ты плывешь, достойный господин, возвращаешься в Рим?
- Нет, не угадал, плыву в Александрию, если тебя это интересует.
- Я хорошо знаю Египет, прожил там с отцом три года. Можно я с тобой поплыву, буду помощником и охранником.
- А тебе сколько лет?
- Девятнадцать, но повидал на все тридцать!
- А родом ты откуда?
- Из Лузитании, город Эмерита Августа.

---

⁹¹ Нептун – бог моря.

– Интересное название.

– Главный город римской провинции Лузитания. Основал его сам император Октавиан Август сорок лет назад.

– Зачем же тебе плыть со мной?

– Я же говорю, буду прислуживать и охранять за небольшую сумму денариев.

– Но у меня есть охрана и рабы.

– Тогда возьми меня в качестве проводника по Александрии.

– Скажи, где твоя семья?

– Мать умерла, когда я был совсем маленьким, а отец – два года назад. Да еще и оставил много долгов, так что мне пришлось продать наш домус и искать себе денарии на пропитание. Была и невеста, но когда узнала, что я стал нищим, сразу покинула меня. Больше родственников и близких людей у меня нет.

– Хорошо, допустим, я поверю, но как мне тебе довериться, а вдруг ты вор, разбойник или убийца, который хочет меня в лучшем случае ограбить?

– Да брось, разве по мне не видно, какой я? Ты должен разбираться в людях, если имеешь высокий пост!

Флавий действительно хорошо разбирался в людях, его редко обманывало внутреннее чувство. И в этом юноше он видел нечто необычное, что-то, что может ему пригодиться в будущем:

– А чего ко мне на работу попросился?

– Потому что увидел, что ты добрый человек!

– Ты что, атлет?

– Нет, я просто много физически работал и трудился, поэтому кое-какие мышцы есть.

– А сейчас где ты работал, чем занимался?

– Помогал разгружать амфоры с оливковым маслом, заработал монеты и пошел выпить вина.

– Не знаю, какой ты, но ответы у тебя очень хорошие и четкие, мне это нравится, ты принят на службу! Теперь скажи, как тебя зовут?

– Туллий, господин! – и он кивнул.

– А меня Тит Флавий. Теперь пошли на судно, хватит здесь сидеть.

Поднявшись, новый господин отдал мешок с едой Туллию, и они пошли по направлению к гавани. По дороге Тит не удержался и задал еще несколько вопросов:

– Если ты работающий парень, почему не отправился в Рим?

– У меня нет римского гражданства, а это значит, что в столице мне находиться опасно, из меня могут сделать раба или гладиатора.

– Почему ты так считаешь? Если у тебя есть официальное гражданство Эмериты Августа, тогда тебе нечего бояться, а вот если нет...

Туллий на это ничего не ответил, но было ясно, что и этого гражданства у него нет.

– Еще один вопрос: ты когда-нибудь грабил или воровал? – Флавий внимательно посмотрел в глаза собеседника.

– Нет, никогда! Я честный человек, как и вся моя семья. Лучше умереть, чем грабить или воровать, – при этом его голубые глаза выражали всю искренность сказанного.

Так, разговаривая, дошли до пирса, где довольно быстро шла погрузка провизии. Возле судна стоял Марк и, увидев своего господина, пошел радостно навстречу:

– Хозяин, почему ты нас не предупредил, что уйдешь, мы бы послали с тобой ликторов.

– Я и сам могу за себя постоять, ты же знаешь! Познакомьтесь, это мой новый помощник Туллий, а это мой друг и раб Марк, – они как-то вяло друг другу улыбнулись.

– Но господин, – начал Марк. – Ты же его совсем не знаешь, как он может быть твоим помощником?

– Не волнуйся, уже знаю!

Затем старый друг подошел ближе к Титу и на ухо шепнул:

– Если ты его взял для развлечения, то...

– Прекрати! – перебил его Флавий. – Ты же знаешь, я люблю только девушек! Император мне часто предлагал юношей... не будь похожим на него.

Туллий, услышав, что его новый хозяин настолько приближен к Нерону, охнул от неожиданности так, что на него посмотрели прохожие. Титу стало смешно, и он потрепал юношу по плечу:

– Не бойся, если ты будешь вести себя хорошо, я ничего плохого про тебя не скажу Цезарю! Кстати, ты без вещей, у тебя их что, вообще нет?

– Нет, только одна туника, и та на мне.

– Да, Марк, придется тебе поделиться с ним вещами!

У старого раба особого энтузиазма это не вызвало, но он послушно кивнул головой. Все трое поднялись на палубу и спустились к каютам. Флавий велел, чтобы Туллий обосновался в его каюте, на что Марк снова возразил, пугая хозяина, что тот ночью может его зарезать. Но поняв, что это безнадежно, постелил для юноши на полу.

После вечерней трапезы, на которой присутствовали и трибун, и Иосиф, Тит вышел на палубу стоящего еще судна и посмотрел на освещенный факелами город. Погрузка подходила к концу, и капитан сказал, что скоро отплытие.

Когда все было готово, Palatiorum отдал швартовы, и рабы под руководством гортатора⁹² заработали веслами. Медленно корабль стал отходить от берега, и прохладный ночной ветерок начал обдувать лицо. Постояв немного, пока гавань не осталась позади, Флавий отправился к себе в каюту, где уже лежал Туллий, о чем-то размышляя.

– О чем думаешь, жалеешь, что поплыл со мной?

– Нет, что ты! Просто все как-то необычно для меня складывается. Раньше я и предположить не мог, что встречу порядочного патриция. У меня всегда мнение о вас было самое плохое.

– Но и ты сам, как я понял, имея домус, нищим не был.

– Мы еле содержали его, рабов не было.

В этот момент в дверь постучали. Юноша сразу вскочил и открыл. Перед ним стоял Иосиф:

– Простите, я не помешал?

– Нет, что ты, заходи, вино будешь? – пригласил его Тит.

– Да, пожалуй.

– Рассказывай, как отношение к тебе со стороны наших недругов? – налил вино и, кладя купленные продукты на стол, спросил Флавий.

– На удивление, здороваются и прощаются, по-моему, это не к добру, – Иосиф сел на скамн.

– Ничего, я на чеку, будь и ты тоже!

– Простите, что вмешиваюсь в ваш разговор, но покажите мне тех, кто вам угрожает, и я расправлюсь с ними! – сказал в гневе Туллий.

– Я потом тебе все расскажу и их покажу, – Тит повернулся к Маттафии: – Ты не знаешь, сколько нам надо будет пробыть в Александрии?

– Император сказал, что Гелий нам все скажет. Наверное, несколько дней, пока пройдут официальные встречи, затем отправимся в Иерусалим.

– Ух ты! – восхитился юноша. – Там я никогда не был, а так хотелось бы побывать!

– Если человек чего-то искренне хочет, всегда получает, – сказал Иосиф.

---

⁹² Гортатор – специальный человек на судне, который отбивал ритм рабам, сидевшим на веслах.

Снова стук в дверь, но на этот раз отворил сам стучащий:

– О-о-о, я вижу, здесь какое-то тайное собрание, небось заговор против меня устраиваете! – сказал входящий Гелий. – А это кто, откуда, какой-то раб? – и он вопросительно посмотрел на Туллия.

– Я не раб, господин, и никогда им не буду!

– Хм, – усмехнулся Гелий. – Никогда не говори «никогда», а то мало ли что случится!

Юноша резко поднялся со скамьи и сжал руки в кулаки.

– Сядь и успокойся, Туллий! – выкрикнул Тит, тот нехотя повиновался.

– А я смотрю, у тебя хороший защитник появился, жаль, что слишком вспыльчивый, как, впрочем, и ты сам, Флавий!

– Это пятая или шестая рука Нерона, так что будь с ним осторожен, – сказал юноше Тит.

– Благодарю за то, что представил меня, но я не шестая рука, а левая!

– Серьезно? – весело спросил Флавий. – А я думал, ты правша!

– Как смешно. Я пришел вообще-то по делу. Мне только что сказали, что одна из трирем, сопровождавших нас, осталась в гавани. Как ты думаешь, почему?

– Видимо, что-то случилось, но ничего, догонит! Триремы плавают намного быстрее обычных судов.

– Мне все это не нравится. Пираты только и ждут, как напасть на беззащитных.

– Да не волнуйся ты так, у нас на судне есть защита, да и еще одна трирема, при том что здесь патрулируют военные суда! Так что успокойся.

– Патруль? Какой патруль? Мы же скоро войдем во Внутреннее море, а там нет патруля!

– Хочешь, мы тебя можем высадить в Сиракузах или в Кротоне, или в Спарте, или на острове Крит?

– Зачем, что я буду там делать? – удивился Гелий.

– Будешь в полной безопасности и в одиночестве наслаждаться своим обществом и, главное, без пиратов! – и все весело засмеялись.

– Вы все глупцы, я же серьезно! Да ну вас, – и, обиженный, он покинул каюту.

Месяц плавания прошел довольно спокойно. Пиратов никаких не было даже близко. Флавий почти каждый день общался с Иосифом и Туллием, а иногда и с Гелием. Он уже намного ближе узнал их характеры, мечты, какие они, когда хорошее и плохое настроение. Маттафия всегда держался на высоте, никогда не повышал голоса, полностью себя контролировал во всех ситуациях. Туллий был довольно вспыльчив, но так же быстро и успокаивался. Человеком он был довольно открытым. Периодически намекал, чтобы Тит его взял с собой назад в Рим, что он ему будет служить до конца дней своих и готов жениться на любой женщине, которую выберет для него Флавий. Тит же говорил, что он и сам не женат. Гелий же всегда вел себя странно, иногда мог чем-то поделиться и быть искренним, но чаще всего держался высокомерно.

Дни за днями шли чередой, пока однажды днем они все-таки не напоролась на пиратское судно. Погода была пасмурной, и клонило ко сну, поэтому почти все находились в своих каютах, когда услышали звон колокола, оповещающего об опасности. Большинство милес выбежало на палубу, откуда видны были три пиратских небольших, но быстрых судна.

– Я знал, знал, я так и знал! Нам всем конец, мы погибли, нас будут пытать, затем вспорют животы, а внутренности... – полностью обезумев, начал кричать Гелий, пока Флавий не ударил его ладонью по лицу так, что тот сразу пришел в себя. – Благодарю, мне этого не хватало!

Капитан закричал, чтобы все готовились отражать abordage. Милесы и ликторы уже были во всеоружии и готовы к бою. Пиратские суда начали постепенно приближаться к Palatium, когда трирема протаранила бок одного из вражеских судов, сделав в борту огромную пробоину. Остальные два были вынуждены отправиться на помощь собратьям и, словно коршуны, набросились на трирему.

Милесы на ней отчаянно сражались, защищаясь от abordaja. Пилад дал приказ подойти и спасти своих, когда на горизонте появилась вторая трирема, на полной скорости шедшая к месту сражения. Пираты не могли направить свои силы в сторону двух римских судов, приближающихся к ним, и приняли на себя удар второй триремы. И сразу к ним подплыло еще и судно Нерона. Борьба стала равной – три на три. Два судна пиратов были с пробоинами в корпусах, а на третий, *Palatium* перекинул корвус, по которому милесы, ликторы, трибун, центурионы и Тит бросились на палубу вражеского судна.

Началось сражение. Флавий ловко увернулся от одного удара и сам смертельно поразил своего противника. Затем начал махать мечом направо и налево, многих задевая, и если нападавшие пытались попасть в него, его тут же страховали ликторы. Так, сражаясь, они постепенно окружали пиратов. Тит зарубил еще одного врага, когда следующий ловким ударом выбил у него меч и попытался поразить его, Флавий выхватил свой кинжал и загнал по рукоять в сердце противника, но не заметил третьего, который мечом ударил его по правому плечу так, что он упал, но нападавшего сразу же убили.

Послышался крик, что Тита ранили, и к нему бросились ликторы, которые, подняв его, быстро унесли раненого на свое судно, и пока несли, он, ощущая дикую боль в плече и руке, видел, как тонут два пиратских судна, а милесы выкрикивают: «Слава Риму!» – при этом на другом судне битва продолжалась.

***

...Кругом крик и ужас. И вдруг кто-то бросает факел, который очень медленно летит в сторону храма и залетает через оконное отверстие внутрь. Начинается страшный пожар и...

Флавий открыл глаза. Весь в поту, он лежал в кровати с перевязанным плечом, а со лба и лица ему вытирал пот тряпкой Туллий. Рядом готовили микстуру лекарь и Марк.

– Он открыл глаза, эскулап! – произнес юноша и обратился к Титу: – Как ты себя сейчас чувствуешь? Ты говорил непонятные слова, это из-за жара?

– Чувствую себя хуже некуда. Что со мной случилось?

– Тебя ранили, но все уже позади. Мы боялись, что рана серьезная, но спасла кольчуга, она не дала отрубить руку, так что скоро мы тебя вылечим, и в Египет приплывешь здоровым, – ответил лекарь. – А пока нужен полный покой и отдых. Через пару дней ты уже сможешь дышать свежим воздухом на палубе.

– Дайте воды, сильно хочется пить, – и, вдоволь напившись, спросил: – Как закончился бой, кто победил?

– Мы, конечно, иначе все давно были бы мертвы! – весело ответил Туллий. – Разбили их полностью, потопили все суда, но перед этим конфисковали все награбленное. Правда, одна наша трирема была сильно повреждена, пришлось и ее утопить, чтобы с ней не возиться и она не досталась другим. А мы сейчас идем очень медленно, кто знает, когда будем на месте!

– Кого-то из пиратов оставили в живых?

– Нет, всех убили, не колеблясь, только девушек оставили, их восемь, они сидят в клетках в трюмах. Я уже ходил к ним.

– Жаль, что они тебя оставили в живых! – пробубнил Марк.

– Они просто были поражены моей красотой!

Кривая ухмылка Марка и без слов сказала, что он об этом думает.

– Сколько потерь среди наших? – задал новый вопрос Тит.

– Большие потери на первой триреме, она ведь приняла основной удар. А на нашей убили одного центуриона и многих милес, – ответил Туллий.

– Ну что же, один враг пал, осталось еще двое!

В эти дни, пока он выздоравливал, Флавия навещали все знакомые ему люди. Одним из первых был Иосиф, затем Пилад, даже Гелий и трибун Гирций пришли узнать, как самочувствие больного.

Через неделю Тит уже был полон сил. Хотя плечо и болело временами, но он уже мог невысоко поднимать руку. В основном время проводил на палубе в окружении друзей. Теперь уже Туллий завалил вопросами Флавия, расспрашивая все о нем.

Еще через неделю, когда стояла прекрасная погода и многие находились на палубе, Гелий имел неосторожность сказать то, о чем запрещено говорить во время плавания.

– Пилад, а когда мы уже приплывем?

– Мы немного сбились с пути, но это ничего, если Нептун нам даст попутный ветер, уже в конце месяца будем на месте.

– Как хорошо, что такая идеальная погода, и мы еще ни разу не попадали в шторм!

Капитан, услышав это, закричал так, что его, наверное, было слышно даже в Риме.

– Ты, жирная, тупая свинья! Если ты накликнул на нас беду, я тебя лично задушу вот этими руками!

У Гелия глаза чуть не вылезли из орбит, он явно был ошарашен таким высказыванием в свой адрес:

– Да ты хоть знаешь, с кем говоришь, грязный плебей?! Я элита римского общества, левая рука самого Нерона! Да стоит мне приказать – и тебя сразу же здесь казнят!

– Ты будешь приказывать на суше, но пока мы в море, хозяин здесь я!

Ругань продолжалась еще долго, пока лютые враги не разошлись в разные стороны.

Но буквально через день суда попали в опасную бурю. Опять непрерывно звенел колокол, чтобы все, кто мог, пришли на палубу и помогли команде снять паруса и удержать грузы, дабы их не смыло в море. У Тита рука хоть и побаливала, но он вместе с Иосифом и Туллием поспешил на зов.

Судно бросало из стороны в сторону, большие волны захлестывали палубу так, что многие из последних сил пытались удержаться за борт. На мачте двое матросов заворачивали паруса, но один не смог удержаться, соскользнул с мачты вниз, а другой упал в воду. Капитан давал ценные указания своим подопечным, при этом не забывая проклинать Гелия. По палубе скользили с одного бока на другой бочки и ящики, их пытались удержать рабы и милесы.

Иосиф бросился ловить ящик, повисший на корме. Но вдруг откуда ни возьмись перед ним появился, держась за веревку, центурион, который произнес:

– Наконец-то несчастный случай, как я долго его ждал!

И только он хотел пнуть ногой иудея, чтобы тот упал в воду, как его самого Флавий схватил и выкинул за борт. Тит начал помогать Иосифу, как его кто-то ударил сзади, и он упал, но схватился левой рукой за Маттафию, повисшего на ящике, вот-вот угрожавшего упасть в воду. На сей раз это был трибун. Зловеще улынувшись, он без слов попытался их скинуть, но чей-то кинжал пронзил его в спину.

Гирций повернулся и увидел Туллия, который, схватив его, вытащил из него оружие и толкнул так, что тот перекинулся через борт и упал в море. Юноша, крепко держась, помог обоим, вытащив их на палубу.

Буря постепенно стала стихать. Для Флавия и Иосифа это происшествие могло быть последним в их жизни, если бы не Туллий, о котором они совсем недавно и понятия не имели, видимо, он был послан богами, чтобы защитить их.

Сидя в каюте, юноша первым начал разговор:

– Мне повезло, что я в такую погоду увидел, что у вас там происходит что-то не то! Кстати, господин, вот твой кинжал, который ты бросил на палубе пиратского судна, – и он протянул Титу оружие.

– Благодарю, Туллий! – сказал Флавий. – Мы тебе очень благодарны за наше спасение. У меня столько рабов и ликторов, но никто даже не заметил, что я был на волоске от гибели. Я никогда этого не забуду, отныне ты, если я выживу, конечно, будешь меня сопровождать в Рим и жить на моей вилле, ты мне теперь как брат! – и он обнял юношу.

– А я благодарю вас обоих, мои друзья! Тит, за то, что первым бросился на помощь, а Туллий вторым. Без вас меня бы уже не было в живых. Я навсегда ваш должник! – произнес бен Маттафия.

Так их дружба укрепилась еще сильнее, и каждый был готов в любой момент прийти на помощь.

На судне инцидент с покушением и гибелью трибуна и центуриона вызвал настоящий ужас среди милес и команды. Самым виноватым чувствовал себя Марк, что он не выполнил поручения своего хозяина.

Через пару дней, когда Флавий открыл свой сундук и, достав оттуда кулон, начал рассматривать его, в каюту вошел Туллий.

– Ты где был, бурная кровь?

– Я спускался в трюм к нашим пленницам, они, оказывается, еще и хорошие собеседницы, кто бы мог подумать! А что это у тебя в руках?

– Это наше родовое сокровище, подаренное мне матерью перед смертью. Для меня это самая большая ценность на свете!

– Можно мне посмотреть? – он взял в руки кулон и искренне восхитился. – Вот это да, я никогда еще не видел такой дорогой вещи! Если он тебе дорог, оберегай его, как свою жизнь, – и отдал его обратно. – А у меня самая большая ценность – это я! Кстати, как тебе моя набедренная повязка? Сегодня выиграл у одного раба, жаль его, без одежды остался, но мне же надо в чем-то ходить по улицам Египта, а там в тунике не походишь, жарко! – Туллий, сняв тунику, надел на себя повязку.

– Вид как у наглого раба! – сказал Тит.

– Почему? – обиделся тот. – Ладно, пойду, покажусь моим поклонницам. Уж они-то точно оценят, – и гордо удалился.

Глава VIII

В календы июля Palatiorum подходил к Александрии, и все вышли на палубу, чтобы посмотреть прибытие. Отсюда хорошо был виден знаменитый Фаросский маяк, считавшийся одним из семи чудес света. Специальная насыпь длинной в семь стадий соединяла маяк с берегом. Находился же он на скалистом острове Фарос.

– Этот маяк состоит из трех мраморных башен, которые стоят на основании из массивных каменных блоков и построен во второй год правления царя Птолемея II, еще 348 лет назад. Планировалось, что он будет строиться двадцать лет, но египтяне управились за пять. Высота его одна стадия. Верхняя башня круглая, с куполом, установленным на гранитных колоннах, увенчана огромной бронзовой статуей покровителя морей Посейдона⁹³ высотой в шестнадцать локтей. На верхушке третьей башни в объемистой бронзовой чаше тлеет древесный уголь, отблеск которого при помощи сложной системы зеркал на тысячи стадий указывает местонахождение гавани. Он также служит великолепным наблюдательным пунктом. Система металлических зеркал используется для обзора морского пространства, позволяя обнаруживать суда задолго до того, как они появятся у берега. Там устроены флюгеры и часы, – объяснил всем капитан. Затем, увидев их удивленные лица, добавил: – Я уже здесь много раз был и все о маяке знаю!

– Подумаешь, чудо света, Золотой дворец Нерона намного грандиознее и чудеснее этого маяка! – громко сообщил свое мнение Гелий.

Пилад с отвращением посмотрел на самого ненавистного своего гостя, но промолчал.

– А я первый раз здесь и впервые вижу такой маяк, а город какой огромный! – воскликнул Флавий.

На западном берегу Нила была морская гавань, а неподалеку находилось Мареотийское озеро. Мост Гептастадиум соединял материк с островом Фарос. Это соединительное сооружение создавало две гавани: меньшую по размеру Эвност и Великую гавань, которые относились соответственно к районам города Ракотис и Брухийон.

Два римских судна зашли в Великую гавань и медленно пришвартовались к пирсу. Тит с друзьями, попрощавшись с капитаном, по корвусу сошел с судна, и путешественники в сопровождении ликторов и рабов с сундуками отправились на берег. Гелий велел принести паланкины, идти пешком к резиденции префекта он явно не горел желанием. Немного подождав, они сели в паланкины, и их понесли по городу.

Действительно, Александрия была крупнейшим центром образования и науки, основанном еще в 332 году до Р. Х. самим Александром Македонским. Два первых Птолемея создали Мусейон – своего рода исследовательский институт, где обучались многие знаменитые ученые эллинистического мира. В Мусейоне была собрана когда-то огромная библиотека, имеющая около семисот тысяч папирусных свитков, а после пожара осталась только их малая часть, которая сохранила все знания человечества. Когда Флавий проезжал мимо этого здания, у него захватило дух от массивности сооружения.

При всей грандиозности города он не имел никаких общественных канализационных систем. Горожане выливали помои прямо на улицу. Вода поступала из частных и общественных колодцев. Александрия была шумным, пыльным и душным городом, состоящим из вилл, домусов, инсул и общественных строений. Лавки находились на нижних этажах, кубикеры на верхних. Часто граждане проводили досуг на крышах зданий, там было прохладнее. Жара стояла неимоверная. Действительно, Тит и Гелий погорячились, надев на себя тоги. Хорошо

---

⁹³ Посейдон – в древнегреческой мифологии верховный морской бог, один из трех главных богов-олимпийцев вместе с Зевсом и Аидом.

было Иосифу и Туллию, которые надели свои набедренные повязки еще на судне и сейчас комфортно себя чувствовали.

Наконец они прибыли к резиденции наместника Египта. Дворец имел довольно большую площадь и огромную по числу охрану, которая, увидев гостей, сразу подбежала и начала выяснять, кто это. Они уже были оповещены, что сейчас придут посланники императора, но подозревали в этом ловушку. Однако, увидев их, стража успокоилась.

Когда все вышли из паланкинов, навстречу им направился сам наместник. Это был среднего роста человек в возрасте около сорока лет, с виду очень серьезный и строгий:

– Прошу прощения за столь подозрительную стражу, но уже были случаи нападения на меня со стороны египтян!

– Ну что ты, не надо ни в чем перед нами оправдываться, наместник, – сказал с наигранной добротой Гелий, и они обнялись. – Это со мной Тит Флавий и Иосиф бен Маттафия, – указал на представленных рукой. – Мы хотим остановиться в лучших покоях!

– Очень приятно, я Тиберий Юлий Александр, хозяин этих земель. Вас сейчас проводят в ваши кубикулы, – поприветствовал их наместник. – А это кто? – он указал на Марка и Туллия.

– Это обычные никчемные рабы, они могут ночевать и на улице.

– Я не раб! – вспыхнул юноша.

– Они мои друзья и будут ночевать со мной! – защитил их Флавий.

– Хорошо, – спокойно ответил Тиберий. – Как хотите, – и он велел рабам, чтобы те проводили гостей.

Дворец был богато и красиво отделан, но после Золотого дворца Нерона римских гостей уже ничто так не восхищало. Вокруг здания расположился огромный сад с прудами, бассейнами и колодцами. В передней части находилась экседра⁹⁴, далее располагалось помещение для дружеских приемов и пиров, а в задней части были кубикулы.

Экседра состояла из большого зала, имеющего боковые помещения. Стены были оштукатурены и украшены росписями. В центральном зале были более высокие потолки с поддерживающими колоннами, сделанными из дерева, а их основания из камня. Из камня были пороги и дверные проемы, а двери из эбенового дерева, которое долговечнее местной древесины. Отдельными помещениями являлись триклинии, кубикулы, термы и уборные.

Всех разместили в разных покоях, только Тита вместе с Марком и Туллием. Пол в кубикуле был оштукатурен и окрашен в желтый цвет. На стене имелись драпировки, выполненные из кожи. Мебель была сделана из кедра, инкрустированного слоновой костью, драгоценными металлами, полудрагоценными камнями и фаянсом. В углу находились светильники на деревянной подставке в человеческий рост.

– Не грусти, Туллий, те девушки тебе не нужны. Встретишь других, намного лучше их, – начал утешать Флавий юношу.

– Тебе легко говорить, это же не ты лишился сразу восьмерых поклонниц! Пилад решил их оставить себе, старый развратник.

Дверь отворилась, и к ним вошел Гелий в ярком длинном опоясании из льняного полотна. Выглядел он настолько смешным, словно большая цветная бочка, сдержаться было невозможно.

– Смейтесь-смейтесь, несчастные. Так, между прочим, ходят здесь патриции, а так, – и он указал на Туллия, – только рабы. Но я пришел по другому поводу. Сегодня мы отдыхаем, а завтра у нас насыщенный день с посещением храма Сераписа. Так что будьте в форме. Кстати, к вам сейчас придут гости, советую дожидаться их.

– Что-то ты в последние дни слишком хороший, к чему бы это? – спросил Тит.

– Просто умею расслабляться на отдыхе!

---

⁹⁴ Экседра – приемная в доме.

– Отдых? Ты же сюда приехал по делу.

– И на отдых! – Гелий весело постучал ладонями по своему толстому животу и ушел.

Флавий в ларце обнаружил набедренные повязки – длинную и короткую, одну из льна, другую из полупрозрачной тонкой ткани. Долго выбирать ему не пришлось, так как Туллий захотел повязку из полупрозрачной ткани, которую сразу и надел. Титу осталась только длинная льняная. Марку же досталась та, в которой недавно ходил юноша.

Только они переоделись, как в кубикулу вошли шесть голых рабынь с цветами и флаконами с благовониями в руках. Они были молодые и красивые, а их стройные тела были намазаны какими-то маслами.

– Ух-ты, вот это да, вот это я понимаю! – пришел в неописуемый восторг Туллий.

Тит тоже оценил красоту присланных к ним девушек, но вслух ничего не произнес. Марк как стоял угрюмый, таким и остался. Рабыни поставили перед ними три скамья и жестами показали, чтобы они сели. Это исполнили все, кроме старого слуги, который молча хотел уйти, но господин ему велел вернуться и сесть. Тот с большой неохотой выполнил приказ. Девушки сразу приступили к делу, начав умащивать благовониями головы гостей, а затем их тела. Это создавало освежающий эффект. Затем они стали обмахивать трех господ опахалами из страусовых перьев.

– Хорошо, что здесь на окнах занавеси от мух, иначе бы они здорово вывели нас из себя. А вот от того, что решетки стоят, становится немного не по себе, как будто мы находимся в темнице! – поделился впечатлениями юноша.

– Ты, небось, там не раз бывал, да? – ехидно спросил его Марк.

– Нет, конечно, просто я всезнающий, а не раб, изолированный от мира. Понятно, что ты ничего не знаешь!

– Неужели? А как ты объяснишь то, что когда спасал на судне моего господина, невозмутимо убил трибуна? Видать, тебе не впервой!

– С чего ты взял, что невозмутимо? Я же не должен был плакать о мерзавце. Признаюсь, несколько дней отходил после этого, но я же спас жизни другим!

– Хватит задавать глупые вопросы, Марк, – вмешался в разговор Флавий. – Он меня спас, а ты вообще непонятно где был, может, с Гелием прятался в каюте?

– Я? – обиженным голосом спросил раб. – Я пожилой, больной человек, меня бы смыло там в первую очередь!

– Так зачем же ты отправился со мной в такое дальнейшее путешествие, старый и больной?

– Только ради тебя! Ты мне как сын, я практически вырастил тебя. Так мне спокойнее, со мной с тобой ничего не случится!

– Если ты меня и дальше будешь так оберегать, то случится, – и Флавий повернулся к Туллию: – Ты говорил, что жил в этом городе, что здесь есть интересного?

В дверь постучали, и тут же вошли три человека. Один из них, сильный, крепкий и пропорционального телосложения, сказал:

– Добрый день, римляне! Меня зовут Рамос, я устроитель игр в Александрии. Надеюсь, девушки вам понравились, они будут исполнять все, что вы захотите. Каждому по три рабыни, – и он заулыбался. – Если только захотите, к вам придут музыканты и акробаты.

– Послушай... э-э-э... Тутанхамон! – произнес юноша.

– Рамос!

– Я так и сказал. Мы хотим, чтобы ты нам устроил гонки на ладьях по Нилу, хорошо?

– Так это опасно для жизни!

– Ничего, я всегда любил опасность, без нее не могу! А ты? – обратился к Титу.

– Если интересно, то хочу.

– Тогда ладно, завтра я для вас все устрою, наберу команды, и будем участвовать в состязаниях, – оповестил устроитель игр.

– Ты тоже? – удивился Туллий.

– Конечно, я большой поклонник этих игр!

– Но завтра у нас посещение храма и других достопримечательностей, так что переносим на послезавтра! – подытожил Флавий.

На ужин Тит отправился в центральный зал, где стоял огромный стол для гостей. За ним уже возлежали все высшие чины и ждали Флавия. Когда он возлег, Тиберий поднялся сказать торжественную речь. Пока он говорил, Тит шепотом спросил у рядом сидящего Гелия:

– А как быть с нашими рабами, им чем питаться?

– Да пусть с голоду умирают, мне-то что!

– Я серьезно.

– Да не волнуйся ты за них, они едят с дворцовыми рабами.

– Теперь приступайте к еде! – закончил наместник.

На столе было много рыбы, мяса, хлеба, лепешек, овощей и фруктов. Разные сорта вин не оставили никого равнодушными. Вина были сделаны из фиников, гранатов, пальмового сока, а также из винограда. Посуда – бронзовая, серебряная и золотая.

– Какое сейчас отношение к римлянам со стороны египтян? – спросил Гелий у Тиберия.

– Вообще, относительно нормальное. Хотя часто здесь они бунтуют, но не из-за нас, а из-за большого засилья иудеев. Иногда между собой воюют. Не понимаю, что они не могут поделить? Ладно иудеи – я бы их и сам лично истреблял... Прости, Иосиф, – и он сделал виноватое лицо перед Маттафией. – У нас есть, как, впрочем, и в Риме, иудейский квартал, где постоянно происходят какие-то столкновения и погромы. Здесь размещено войско, которое всегда находится в боевой готовности, так что иудеи знают, если взбунтуются, я их утоплю в крови, никого не пожалею!

– А городской совет здесь есть? – задал вопрос Тит.

– Его нет, однако магистраты назначаются из местных жителей, а определенные группы, например иудейские, организуют свои общины. Вообще город у нас многонациональный, здесь живут египтяне, эллины, римляне, сирийцы, африканцы и иудеи.

– Как насчет зерна, его в изобилии? – поинтересовался Гелий.

– Конечно, только в апреле собрали богатый урожай, так что отправим большое количество зерна вам в Рим!

– Это хорошо, Нерон будет тобой доволен, Александр Великий!

– Мне до Великого не добраться, ведь он был завоевателем, а я лишь правитель! – смутился наместник. – А как поживает наш Цезарь, я слышал, у него умерла беременная императрица?

– Да, к несчастью, трагический случай. Но он уже утешился, вот-вот будет свадьба с юношей Спором.

– Свадьба с юношей? – его лицо перекошилось, но затем, взяв себя в руки, наместник сказал: – Нашему богу Нерону можно все!

Ужин продолжался до глубокой ночи. Несколько гостей, а первым Гелий, пьяными попадали на пол и там уснули. Однако в отличие от пиршеств у императора, здесь многие были трезвыми и спокойными. Флавий же, чувствуя, что перебрал, с трудом, опираясь на стены, пошел к себе в кубикулу. Там, на кровати, он наткнулся на Туллия в окружении рабынь и, прогнав всех, улегся спать.

Утром Тита долго будили, прежде чем он поднялся с тяжелой головой. Но поев, оделся и вместе с друзьями отправился на колеснице на запад к храму.

По городу ехали довольно быстро, так что цель была вскоре достигнута. Перед ним на аллее Сфинксов стояли жрецы и ждали высоких гостей. Кроме них там сидели писцы, которые записывали просьбы верующих и передавали их жрецам. Обычным людям вход во двор храма был запрещен.

Храм Сераписа, Серапеум, восхищал и поражал своей красотой. Он являлся одним из самых богатых языческих храмов. Стоял на высокой, искусственной горе и был окружен со всех сторон великолепными галереями и зданиями. Сто мраморных ступеней вели к нему. Ничего общего с римскими храмами он не имел. Окружен был высокой в росписях стеной. Пилон⁹⁵ был богато украшен надписями и сценами из военных кампаний фараонов, по бокам находились два обелиска – священные монументы. Рядом с ними высились флагштоки для священных знамен.

– Добро пожаловать в храм, о достойные гости! Мое имя Снофру! – произнес главный жрец. – Сейчас мы зайдем во внутренний дворик, прошу следовать за мной.

Пройдя через ворота, они оказались на большой площади, окруженной колоннами.

– Слева вход в мастерские, где изготавливаются различные изделия, мебель, статуи, священные сосуды и льняные ткани. Справа вход в административные здания: в библиотеку, в жилище жрецов. Там же есть и бассейн, где мы перед священнодействием моемся и бреемся. Также жуем особую соль и разжигаем курильницы, чтобы очистить свои уста и помыслы. Воду берем из водоема, носящего название Священное озеро. Вы можете, если хотите, все здесь тщательно осмотреть.

Гости с интересом ознакомились с местом обитания жрецов и отправились в следующий – торжественный зал. Помещение было намного меньше дворика и тоже заставлено колоннами, своего рода проходная.

– Это гипостил – величественный зал, где происходят религиозные процессии. Следующий зал, но мы туда не пойдем, святилище. Там находится святая святых – помещение главной культовой статуи, в котором хранятся священные сосуды. Каждый день на рассвете, в полдень и на закате мы совершаем жертвоприношения. За святилищем находится помещение для священной лады. Вот, собственно, и все. Да, и еще у нас есть школы, где с семилетнего возраста обучаются мальчики, они переписывают священные тексты. Если хотите, стойте здесь и молитесь, а я буду возле святой святых.

– Подожди, Снофру, – сказал жрецу Тит. – Ты не рассказал нам, в честь кого этот храм?

– В честь Сераписа, большего вы не поймете!

– Это почему, мы что, тупые? – повысил голос Флавий.

– Тише, Тит! – вмешался в разговор Гелий. – Какая разница, что это за бог, в римском веровании его нет, а значит, забудь ты про этого Сераписа.

– Нет, я должен знать все о каждом боге, с которым встречаюсь, и пока не узнаю, кто он, не успокоюсь!

– Можешь успокоиться, я все расскажу! – сказал другой жрец. – Серапис – бог, защитник Александрии, который соединяет в себе черты Осириса⁹⁶ и Аписа⁹⁷, сын и наследник Геба и Нут, был некогда царем Египта. Он даровал людям вино и хлебные злаки. С поклонением богу Серапису соединяется обожествление реки Нил. Существует пророчество: кто дерзнет коснуться его статуи, тот будет немедленно поражен смертью, и затем мир рухнет, и все стихии возвратятся в хаос.

Флавий, все узнав, теперь спокойно мог помолиться, взглянув в святая святых. Внутри стояла колоссальная статуя Сераписа, предмет благоговения. Кумир этот был сделан из всех металлов – золота, серебра, меди, олова, чугуна и обложен драгоценными камнями, змей – символ вечности, обвивался вокруг него.

После молитвы все вышли за пределы храма. Там их ждал с мелисами наместник:

---

⁹⁵ Пилон – огромные врата.

⁹⁶ Осирис – бог возрождения, царь загробного мира и судья душ усопших.

⁹⁷ Апис – священный бык в образе человека.

– Сейчас мы пойдем в дальний иудейский квартал. Недалеко от него находится театр, который и посетим. Согласны?

Все согласились, кроме Тита, который сказал, что хочет прогуляться. Туллий и Марк вместе с тремя ликторами пошли за ним. Марк долго ходить не смог, и его отправили во дворец.

Улицы были до отказа заполнены людьми, и идти становилось все тяжелее. Кого только не встречали они по дороге! Богатые женщины шли в сопровождении своих рабов. На них были наряды со складками и яркие платки, сделанные из целого куска ткани, обернутые вокруг тела и закрепленные под грудью, а на голове – парики. Знатные египтянки встречались в бисерных столах. Зажиточные мужчины были одеты в длинную, типа туник, одежду поверх опоясания. На некоторых – свободные тонкие лацеры. Сандалии – у кого тростниковые, у кого кожаные. Основной же одеждой у мужчин и женщин были опоясания и прямая узкая стола на двух бретелях, длинная либо короткая. Дети бегали по улицам нагими. Им обривали головы, оставляя одну косу, называемую «локоном юности».

– Тут вообще бывает зима? – задал вопрос юноше Флавий.

– Снега нет, но прохладно бывало, я даже, помню, носил теплую накидку.

– Что вы с отцом здесь делали?

– Мы приехали сюда по своим рабочим делам, мне тогда исполнилось пятнадцать. Раньше отец был гладиатором, даже выступал в Риме несколько раз, затем, когда ему даровали свободу, женился. Потом родился я. Мать моя умерла, и у него остался только сын. Сражаться он больше не хотел из-за боязни, что я останусь один. Поэтому начал постепенно заниматься торговлей. Открыли у себя лавку, вначале шили и продавали обычные вещи, затем он решил поплыть в Египет за самыми лучшими тканями, чтобы шить дорогие и хорошие вещи. Здесь договорились о доставке и остались поработать, заработали денарии, но когда мы вернулись домой, отец ввязался в неравную драку и погиб. Несколько швей я вынужден был уволить, а затем и всех остальных. Вскоре продал домус и остался на улице. Два года я терпел унижения, оскорбления и побои. Пытались сделать из меня гладиатора, раба, но я не давался, убегал. Пришлось путешествовать по разным городам в поисках заработка и пропитания. Чаше всего ночевал под открытым небом. Пока не встретил тебя, и все в моей жизни изменилось.

– Изменилось! – улыбнулся Тит. – Раньше у тебя не было столько девиц, ведь так?

– Да, столько любовниц сразу – это то, о чем я и мечтать не мог! А почему ты не наслаждаешься обществом красивых девушек?

– О том же меня спрашивал и Нерон.

– И что ты ему сказал?

– Что ищу единственную, неповторимую и идеальную!

– Ух ты, а такая где-то есть?

– Надеюсь!

В почтовом здании он приобрел папирус, написал послание отцу, где сообщил, что нормально добрался, жив, здоров и следующее письмо напишет уже из Иудеи. Затем с Туллием пошли на рынок, где поели лепешек и отправились к маяку, но пройдя часть пути, решили вернуться, так как уже начало темнеть. Красивый вид открылся с двух сторон насыпи, где постоянно плавали торговые суда со всего мира.

После ужина во дворце Флавий отправился в кубикулу Гелия. В ней, кроме хозяина, сидели Рамос с Александром и пили вино.

– И как было в театре, интересно? – спросил Тит.

– Скуотища, жаль, что ты не пошел! – грустно ответил Гелий.

– Ничего, завтра будет весело, ты же пойдешь с нами на лодочные гонки?

– А это не опасно?

– Бывают несчастные случаи, но от них никто никогда не застрахован, даже во дворце! – сказал Рамос.

- Ясно, тогда я не участвую, жить еще охота.
- Так когда мы завтра идем на игры? – спросил Флавий устроителя игр.
- Сразу после завтрака.

На следующий день милесы, ликторы, Тиберий, Иосиф, Гелий, Тит, Рамос, Туллий и Марк отправились на берег Нила. По дороге наместник решил поделиться своими знаниями:

– Нил⁹⁸ – самая большая река в Африке. Император Нерон четыре года назад пытался завоевать Эфиопию, даже послал сюда легионы. Они прошли вглубь царства, но из-за болот не смогли продвинуться дальше. Затем вернулись домой, так и не найдя истока великой реки. Считается, что он расположен в Лунных горах – это Восточная и Центральная Африка, и река много десятков стадий течет под землей. Но это всего лишь предположение. А здесь, – и он указал на берег реки, к которой они уже подходили, – когда-то произошла последняя битва за восстановление мира в Египте между силами Юлия Цезаря и войском царя Птолемея XIII, младшего брата царицы Клеопатры.

– Вот сейчас мы и будем сражаться на том месте, где когда-то было настоящее сражение! – сказал Рамос. – Ты с нами, повелитель?

- Нет, я буду на берегу вместе с Гелием и Иосифом.
- Вот это да, Рамсес! Когда же будет битва? – спросил с большим нетерпением юноша.
- Я Рамос, просто Рамос! – раздраженно ответил тот. – Неужели так трудно запомнить такое короткое имя?!

Но Туллий его уже не слышал, а сняв набедренную повязку, с громким криком бросился в воду.

– Иметь такое лицо и тело, которое идеально бы подошло для позирования статуи Аполлона, а в голове пустота и глупость! Разве такое бывает? – сказал, не то с восхищением, не то с сочувствием глядя на юношу, устроитель игр.

- Неужели и я был таким легкомысленным? – спросил Флавий у Марка.
- Почему был? По-моему, ты и остался таким же.
- Я бы на твоём месте проверил, нет ли там крокодилов и гиппопотамов! – крикнул Туллию Рамос.

Тот сразу отреагировал и с округленными глазами выбежал из воды.

– Точно, я про крокодилов как-то забыл, – произнес он с отдышкой, садясь на землю.

– Прежде чем что-то делать, надо думать, – сказал ему Тит. Затем обратился к Тиберию: – Как много здесь тростника, теперь понятно, почему папируса везде в изобилии!

– Египет как-никак самая богатая провинция в Римской Империи! – с такой гордостью сказал наместник, будто он являлся властелином мира.

– А вот, кстати, и команды, – перебил их и показал в сторону Рамос.

К ним приблизилось восемь человек с одинаковыми прическами, только одни в повязках белого цвета, другие – желтого. Они предупредили, что вот-вот должны подплыть на ладьях и другие участники.

– Итак, правила такие, – начал объяснять устроитель игр. – Необходимо первыми переплыть реку, кто это сделает – победит. Но не все так просто. Вам дадут длинные шесты, которыми вы должны опрокинуть ладью соперника. Будьте осторожны, если упадете в воду, сразу пытайтесь залезть обратно, а то мало ли кто на вас нападет, здесь много чего плавает!

Такие правила игры никого не вдохновили, а, скорее, наоборот, мудро поступили Гелий и наместник, которые сразу отказались от участия. Сейчас же отказываться было бы трусостью.

---

⁹⁸ Нил – река в Африке, одна из величайших по протяженности речных систем в мире. Слово «Нил» происходит от греческого названия реки «Нейлос» (Νεῖλος). Река берет начало на Восточно-Африканском плоскогорье и впадает в Средиземное море, образуя дельту площадью 24 тыс. км². Длина системы Нила – 6852 километра. Площадь бассейна реки Нил составляет 349 тыс. км².

Уже появились четыре лодки, приближающиеся к берегу. Это были небольшие папирусные ладьи, каждая вмещала в себя три-четыре человека.

– Итак, нас пятнадцать участников и четыре ладьи. Сделаем так: по четыре человека в двух ладьях и по три в других двух, один участник запасной. Команда победителей получит пояса из бисера. Я думаю, вначале посмотрим на первых участников гонок, а затем мы, три на три, согласны?

Тит и Туллий кивнули.

– Тогда залезайте в ладьи, игра сейчас начнется, – сказал восьмерым участникам Рамос.

Те послушно заняли свои места и шестами оттолкнулись от берега, затем, касаясь ими дна, увеличили скорость. Отплыв на значительное расстояние, они начали таранить друг друга лодками, а шестами, ставя их под дно ладьи, пытались перевернуть своих соперников. Двое из одной лодки и один с другой не удержались на ногах и упали в воду. Другие участники, не обращая на это внимания, продолжали сражение. Кто был в воде, поплыли к своим командам, но залезть им не удавалось, потому что ладьи постоянно качались от борьбы и был риск, влезая, опрокинуть остальных.

Из последних сил держались участники, пока одна из команд не кувыркнулась вместе с лодкой. Другие помогли забраться своему участнику и стали кричать, поднимая руки кверху, празднуя победу. Затем, опомнившись, что гонка еще не закончена, поплыли к другому берегу. Проигравшие перевернули плавающую вверх дном ладью, залезли в нее и, не захотев плыть к другому берегу, отправились назад.

Здесь уже собралось много жителей, которые пришли посмотреть на состязание. Наместника и гостей милесы взяли в кольцо, дабы огородить их от всяких инцидентов.

Неудачников встретили свистом, но те, не обращая внимания, подошли к устройщику игр.

– Молодцы, и хотя вы проиграли, благодарю за храброе сражение! – сказал Рамос и обратился к Туллию: – Вот видишь, никаких крокодилов, так что можешь спокойно плавать. Да и надень уже повязку, хватит ходить здесь голышом, ты распугаешь весь народ!

– Это почему? – обиделся юноша. – Я в одежде плавать не люблю!

Наконец, к берегу приплыли победители, которых встретили радостными криками. Устройство игр вручил им четыре пояса и монеты.

Вскоре пригласил остальных участников состязаний занять места в ладьях. В одной расположились Рамос, Флавий и Туллий, в другой – их противники. Отплыв от берега, они начали сражение. Шестами Тит и юноша вначале пытались опрокинуть вражескую лодку, а затем начали бить по ней. Устройство игр стал ругаться, что так делать нельзя, но, когда сильно качнуло ладью, выпал из нее, при этом, падая, зацепился за соседнюю лодку, да так, что все трое соперников одновременно упали в воду. Флавий и Туллий рассмеялись и высказали благодарность Рамосу.

Однако в этот момент послышался страшный крик, и вода сделалась кровавой. Устройство игр завопил: «Крокодилы!» – и поплыл к своей ладье. Крокодилы, съев одного участника, бросились на второго, третий же попытался влезть в свою лодку, но не успел, однако Рамосу повезло. С помощью Тита и юноши он забрался в ладью, и они моментально отплыли от опасного места.

Когда пристали к берегу, к ним подбежали оказывать помощь. Граждане кругом ужасались, ахали и сочувственно восклицали, но увидев, что со второй командой все в порядке, немного успокоились. Наместник приказал позвать охотников, чтобы истребить крокодилов, а также велел вытащить трупы из воды, если от них что-то осталось, и забрать лодку.

Флавий и юноша после случившегося вели себя спокойно, в отличие от устройства игр, который бился в истерике. Многие его успокаивали, но это не помогало, пока Гелий, не выдержав, не подошел и не ударил ладонью его по лицу, при этом сказав:

– У меня тоже такое было, поэтому я знаю, как это остановить.

И действительно, помогло, истерика моментально прошла.

– Как вы, целы? – спросил у остальных участников Тиберий.

– А что с нами могло произойти, мы же были в ладье, – ответил Тит.

– Это еще ничего не значит, – сказал Туллий, надевая свою повязку. – Бывали случаи, когда крокодилы опрокидывали лодки и запрыгивали внутрь.

– Хорошо, что ты мне это сказал после состязаний!

– Все, идемте во дворец, сейчас в термах попаритесь и быстро успокойтесь, – твердо сказал наместник.

– Да мы и так спокойны! – в один голос ответили гости.

Однако в резиденции после плавания в бассейне с рабынями Флавий и юноша уже практически восстановились от потрясения, которое, хотя оба отрицали, все же ощущалось.

Во время ужина Александр вместо Рамоса вручил троим участникам пояса победителей и монеты, после чего все разошлись по своим покоям.

– О, господин, я так за тебя переживал, что бы я сказал твоему отцу, если бы ты по глупости погиб? – говорил, ложась на кровать, Марк. – Что Тита съели крокодилы?!

– Со мной был Туллий, который, в отличие от тебя, везде меня сопровождает!

– Этот мальчишка сам тебя спровоцировал принять участие в кровавой игре, это ты его сопровождал!

– Послушай, старик! – вмешался в разговор юноша. – Хватит меня постоянно в чем-то подозревать и обвинять. Если ты плохо выполняешь свои обязанности, это твои проблемы. Может, тебе пора на покой?

– Да как ты смеешь мне такое говорить, тебе надо устроить настоящую порку! – повысил голос Марк.

– И кто это говорит вольному человеку – несчастный раб! Ты рехнулся?

– Успокойтесь! – выкрикнул Тит. – Я прошу вас, не надо ссориться и ругаться, вы что, не можете жить мирно?

– Это не я, ко мне вечно старик придирается.

– Пообещайте, что больше ссориться не будете, вы же не дети!

– Я обещаю только в том случае, если Марк меня не будет трогать.

– Обещаю, – согласился раб. – Можно теперь мне поспать?

После завтрака к ним в кубикулу вошел устроитель игр:

– Приветствую вас с прекрасным утром! Тит, ты не хочешь сегодня отправиться на охоту в пустыню вместе с префектом и Гелием?

– Если не будет охоты со стороны зверей на нас, тогда согласен.

– Это уже от вас зависит. Туллий, а ты не хочешь принять участие в беге на стадионе, ты вообще хорошо бегаешь? Победитель получит много монет.

– Бегаю нормально, а ради золота буду бежать лучше всех! – загорелся огонек в глазах у юноши.

– Марк, будь здесь, – приказал Флавий.

На улице они разделились. Иосиф умудрился простудиться и остался во дворце, Туллий и Рамос пошли на стадион, а остальные с кучерами сели в колесницы, запряженными двумя лошадьми и в сопровождении охраны отправились за город.

Проехав Канопские ворота, остановились. К ним подошли другие охотники вместе со специально обученными собаками, у которых были длинные лапы и острые морды. Всем участникам были выданы луки со стрелами и мечи. Затем они обмотали себя ремнями, чтобы не упасть. Послышался приказ выпустить страусов, и около пятидесяти птиц начали выбегать из находящихся вдалеке клеток.

– Итак, пускайте собак вперед, надо всех их убить, я надеюсь, все умеют стрелять из лука! – выкрикнул наместник и приказал кучеру быстро трогаться с места.

Остальные тотчас принялись исполнять его приказ. Бежали страусы очень быстро, точно прицелиться в них на скорости было практически невозможно. Но многие укорачивали путь и, притормаживая, выпускали несколько стрел в жертву. Тит же, догнав одну птицу, решил воспользоваться не луком, а мечом, бросив его в цель и сразу попав. Другого же страуса, который засунул свою голову в песок, он убил уже из лука. Затем вернулся к первой своей жертве и, отвязав ремни, сошел с колесницы, вытащил свой меч, в этот момент к нему подъехал Александр:

– А ты молодец, на скорости попадать действительно тяжело, а ты смог, да еще и мечом!

– Просто птица была очень близко от меня. Ты разве не с Гелием охотишься?

– Да, но он ездит не так уж быстро и стреляет плохо, так что с ним неинтересно. Вот, кстати, и он приближается.

Действительно, к ним подъехал тот, о ком они говорили.

– Что, решили перекусить свежим сырым мясом? – произнес Гелий и сам рассмеялся над своей шуткой.

– Нет, хотели твое сало съесть, – съязвил Флавий.

– Я всегда подозревал, что ты из племени каннибалов, и что ты делаешь среди цивилизованных людей, мне до сих пор непонятно! – затем повернулся к Тиберию. – Других птиц или животных сегодня выпускать будете? И вообще, на кого вы кроме страусов еще охотитесь?

– На зайцев, лисиц, гиен, антилоп, носорогов и слонов. Пожалуйста, выбирай любых, и мы отправимся на несколько сот стадий искать их.

– Нет... э-э-э... пожалуй, мне достаточно и страусов.

И тут все трое увидели приближающихся к ним двух птиц, за ними ехала колесница. Флавий и префект сразу схватили свои луки и выстрелили в страусов, Гелий же не спеша натянул тетиву и выпустил стрелу так, что она пролетела мимо падающих птиц и попала прямо в грудь приближавшемуся охотнику. Тот схватился за стрелу и повис на ремнях, кучер же сразу остановил лошадей. Стреляющий моментально отбросил в сторону лук и повернулся к пораженным друзьям:

– Во всяком случае хорошо, что вообще попал во что-то, – ответил Гелий. – И не смотрите на меня так, я не специально, несчастный случай, с каждым бывает. Лучше скажи, Тиберий, когда я смогу отплыть в Рим вместе с зерном?

– Ты можешь хоть завтра отправиться в столицу или ждать месяц, пока суда загрузятся, – все еще пораженный инцидентом, ответил наместник.

– Да, ты прав, наверное, я завтра поплыву. Тит, а ты готов уже отправиться в Иерусалим?

– Конечно готов, я и так задержался здесь.

– Вот и хорошо, а теперь давайте продолжим охоту! – сказал как ни в чем не бывало Гелий.

Почти до вечера продолжалась погоня за жертвами. Александр и Флавий были постоянно начеку и внимательно следили за Гелием, чтобы тот, якобы случайно, не выпустил стрелу в них. Однако остальная часть дня прошла без всяких эксцессов, и они все вместе отправились на ужин.

Глава IX

У входа во дворец Тита ждал встревоженный Марк:

– Господин, в твоей кубикуле, когда я пришел, все вещи из ларцов и сундуков были разбросаны по полу, кто-то, видимо, что-то искал.

– Что? – пришел в ярость хозяин. – Где была вся охрана? Я же велел оставаться сегодня здесь, куда ты уходил? – но не стал дожидаться ответа и бегом отправился к себе.

Зайдя в кубикулу, Флавий бросился к своему сундуку, он был пуст. Немного поискав, нашел тогу, в которую завернул родовой кулон, но его там не было. Обыскав каждый угол и не найдя его, понял: вор нашел то, что искал. В дверном проеме появились Марк, Рамос и наместник с ликторами.

– Что здесь произошло, кто мог сделать такое? – ужаснулся Тиберий.

– Украли, его украли, кулон рода Флавиев украли... бесценное сокровище... подарок матери... мое сердце пропало! – убивался горем Тит. Затем, взяв себя в руки, твердо произнес: – Я не уеду отсюда, пока не найду вора и не отрублю ему обе руки, как и полагается по вашим египетским законам.

– Но кто это сделал? Чужой во дворец не проникнет, это кто-то из своих, – высказался устроитель игр.

– Иди и спроси у стражников, видели ли они что-то подозрительное или кого-то чужого! – приказал своему помощнику наместник, после чего обратился к ликторам: – Вы же должны оберегать жилье Тита, почему вас не было на месте?

– Прости, повелитель, но в первую очередь мы должны охранять покои Гелия, что мы и делали! – ответил один из них.

– Господин Рамос! – обратился к нему Марк. – А где Туллий, он что, не с тобой?

– Он выиграл бег, я предложил это отпраздновать, выпив пива. А он сказал, что ему надо срочно сюда, взять монеты, я предложил угостить его, но он продолжал сюда рваться. Мы пошли во дворец, затем отправились выпить пива, я ушел, а он остался. Больше я его не видел.

– Где вы пили? – уже без эмоций спросил Флавий.

– В лавке, если надо, покажу!

Тит кивнул, и они вместе с ликторами пошли к тому месту, по дороге он спросил у устроителя игр:

– Туллий тебе говорил что-то про кулон?

– Про кулон? Нет, ничего такого не говорил.

– У него было какое-то странное или подозрительное поведение?

– Нет.

Небольшая пивная лавка на первом этаже инсул находилась на набережной Ракотиса. Когда в нее вошли, увидели спящего за столом юношу. Флавий велел ликторам немедленно отнести Туллия в резиденцию, а Рамосу сказал:

– Завтра он протрезвеет и расскажет всю правду, а пока никаких выводов, чтобы потом не пожалеть, я делать не буду.

И они пошли за стражей.

Утром, когда юный друг открыл глаза, он увидел сидящих вокруг своей кровати Марка и грустного Тита.

– Как же болит голова! Уже и не помню почему? – держась рукой за голову, произнес Туллий.

– Желательно, чтобы ты вспомнил... все вспомнил! – ответил Флавий.

– А что, что-то произошло плохое?

– Это для кого как.

Юноша сел на кровать и внимательно посмотрел на своего друга:

– Так расскажи, наконец, что случилось?

– Случилось то, что вчера похитили самую дорогую мою ценность, родовой кулон, и, насколько мне известно, его видел только ты, никто другой о нем не знал, даже Марк!

– Кулон? – и он скривился. – А-а-а, твое сокровище. Что, его украли?

– Сейчас принесут отвар из трав, он тебя быстро на ноги поставит, и тогда, я надеюсь, ты все вспомнишь.

Рабы принесли кубок с напитком, и Туллий его с неохотой выпил. Затем послышался стук в дверь, и появился наместник:

– Как наш подозреваемый, уже начал оправдываться?

– Подозреваемый? – удивился приходящий в себя юноша.

– Тиберий, прошу, дай я сам во всем разберусь, это моя проблема! – заступился Тит.

– Возможно, и твоя, но не в моем дворце! Воров я всех наказываю, даже если это из моего приближения. Позволю одному воровать, так его примеру последуют остальные, нет, я все это пресекаю сразу, поэтому меня боятся и уважают все в провинции.

– А если бы я что-то украл, что бы ты со мной сделал?

– Это другое дело, ты с Гелием высокие чины – это раз, и граждане Рима – это два. А он кто?

– Мой друг и правая рука!

– Во всяком случае его дело скоро рассмотрят в зале правосудия, там как решат, так и будет, – и он удалился.

– Если ты считаешь, что я похитил кулон, то ты глубоко заблуждаешься! – сказал Флавию Туллий. – У меня было много удобных случаев украсть его и убежать, а не сидеть здесь и ждать, что меня могут казнить. Ты мне веришь?

– Верю! Тогда поясни, зачем ты сюда заходил после выигрыша?

– Как зачем? Рамос пошел сюда вручить мне монеты за выигрыш, и мы пошли праздновать. К этой кубикule я и близко не подходил, клянусь!

– Что было дальше?

– Дальше... мы отправились в пивную лавку... – и лицо юноши побледнело. – Я вспомнил, все вспомнил!

– Что, что вспомнил? – разволновался Тит.

– Там, когда я выпил, устроитель игр завел разговор о драгоценностях, которых у него очень много. Потом спросил, есть ли у меня самое ценное сокровище... – затем наступила тишина. – Тут-то я и сглупил, ты меня вправе наказывать, я не буду сопротивляться.

– Да говори уже!

– Ответил, что у меня нет, но есть у тебя, кулон, который стоит целое состояние. Затем он меня поил, пока я не уснул.

Флавий вскочил и бросился к покоям Рамоса, однако кроме рабов там никого не было.

– Где, где ваш господин? – в ярости закричал Тит.

– Он еще вчера ночью куда-то ушел, мы не знаем.

Но Флавий уже не слышал их, а бежал к наместнику. «Не может быть, устроитель игр был вчера рядом со мной весь вечер. Почему я его не обыскал? Хотя кулон с собой он точно не носил». Чуть не снеся стражу с ног и не выбив дверь, Тит ворвался к Тиберию, где был и Гелий, и рассказал все, что произошло.

– Тогда бери ликторов, а я милес, и мы отправимся к его дому! – сразу отреагировал наместник.

***

– Не может быть, чтобы это был Рамос, юнец явно на него наговаривает, – делился предположением Александр с Титом, пока их несли в паланкине. – У меня никогда не было повода в нем усомниться.

– А у меня не было повода усомниться в Туллии!

– Если ты прав, я накажу устроителя игр, несмотря ни на что.

Жилье Рамоса состояло из двух этажей с небольшим двориком. На крыше домуса стояли навесы, под которыми можно было спать летом. Когда они вошли внутрь, их встретила хозяйка – супруга Рамоса Тиа. Ее спросили, где муж, и рассказали о его злодеянии.

– Поверьте мне, я действительно не знаю, где он. Вчера пришел чем-то очень озабоченный, сказал, что надеялся на вспыльчивость, о которой много слышал, какого-то римлянина и что тот должен был убить в порыве гнева юношу, но этого не произошло. Потом велел, чтобы я взяла сына и дочь и готовилась бежать из Египта. Сам же он сказал, что скоро придет, но не пришел, – и Тиа горько заплакала. – Неужели он нас покинул ради золота?

– У вас были какие-то долги или вы нуждались? – спросил Тиберий.

– Нет, нам хватало на все.

– Ты, как супруга, должна знать: к кому он мог пойти всем поделиться и попросить помощи?

– У него есть друг, которым он очень дорожит, говорил, что кто-то из высших чинов и который всегда ему во всем помогает, но я его никогда не видела, да и вообще его друзей очень плохо знаю.

– Может, упоминал вскользь его имя?

– Может, и упоминал, я не помню.

– Так, я оставлю здесь своих милес, и если он вернется домой, будет арестован. Ты пока не имеешь права покидать жилье, это касается также твоих детей и рабов, ты поняла?

Женщина кивнула головой в знак согласия.

– Крепись, Тиа, Адонай с тобой!

– Адонай? – поразился Флавий. – Ты иудейка?

– Как и я, – спокойно произнес Александр.

– Но ты же ненавидишь их и презираешь, сам говорил!

– Ну и что? Я римлянин в первую очередь, при этом остаюсь иудеем, но родился здесь, в Александрии, а воспитывался в Риме. Я даже был целый год прокуратором Иудеи, потом служил в Армении. Принадлежу к эквитам⁹⁹. Мой дядя Филон был знаменитым писателем. Теперь ты все обо мне знаешь, – Выйдя на улицу, префект продолжил: – Итак, сейчас мы обойдем нескольких друзей Рамоса, если кто-то из них пропал, искать будет уже легче.

– Скажи адреса, я и сам могу искать, ты же занятой человек! – предложил Тит.

– Нет, это уже и мое дело, ведь мой приближенный украл очень ценную вещь у почетного гостя, что скажут про меня, про мою гостеприимность? Я сейчас же использую все силы для поиска, не волнуйся, через пару дней мы найдем его, даже если он уже далеко отсюда, даю слово, он проклянет тот день, когда я взял его устроителем игр!

Целый день ушел на обход инсул. Некоторых хозяев не было дома, приходилось идти к месту их работы. Но никто не видел и не знал, куда делся Рамос. После тяжелого и насыщенного дня наместник с Титом добрались до дворца, где, поужинав, разошлись по покоям. По дороге к себе Флавий решил проведать простывшего Иосифа, а заодно рассказать о случившемся.

– Да, какая-то запутанная ситуация получается, какой смысл ему было бросать семью, тем более что он ее предупредил, что они покинут город? – начал размышлять вслух Маттафия.

---

⁹⁹ Эквиты – сословие всадников.

– Ничего, чувствую, что мы скоро во всем разберемся и найдем кулон, очень много людей занимается поиском! По крайней мере я рад, что это не Туллий, его предательство показало бы, что я не разбираюсь в людях. Да и вообще, я уже привык к нему.

– Ты так привязался к Туллию? Ты же его знаешь всего два месяца.

– Но у меня такое чувство, будто я его знаю уже всю свою жизнь. Ладно, расскажи, как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше, иду на поправку, благодарю за беспокойство, мне приятно.

– Ты же меня тоже навещал, когда я был ранен на судне, – он улыбнулся, попрощался с больным и отправился к себе.

Войдя в кубикулу, Тит увидел убитого горем юношу и что-то писавшего на папирусе Марка в окружении красивых рабынь. Все внимательно посмотрели на вошедшего Флавия, который, пройдя мимо них, молча лег на кровать. Старый раб попросил девушек выйти, затем обратился к своему хозяину:

– Господин, ты нашел сокровище?

– Нет.

– А как продвигаются поиски?

– Нормально.

– Как дальше будешь действовать?

– Искать.

Марк понял, что ничего сегодня не выпытает, и решил лучше пройтись.

Когда Тит и Туллий остались наедине, юноша начал разговор:

– Что мне сделать, чтобы ты меня прости? Хочешь, прикажи меня выпороть, придумай мне другое наказание или выгони, но только скажи, не молчи!

– Я уже придумал тебе наказание.

– Говори, не надо тянуть, лучше сразу услышать приговор.

– Больше к крепким напиткам не прикасайся! Забудь про существование вина и пива, тогда я тебя прощу. Согласен?

– Спрашиваешь, конечно согласен! Это будет тяжело, никогда не пить, но чтобы ты меня прости, я готов на все!

– Вот и хорошо, теперь отсыпайся, завтра и тебе предстоит поиски.

Несколько дней прошло после исчезновения Рамоса, но никаких следов, которые могли бы привести к нему, не было найдено. Были опрошены все стражники при выезде из города, всюду на площадях объявляли, что каждый, кто владеет сведениями о местонахождении бывшего устроителя игр, получит золото. Многие пытались обмануть, давая ложные показания, но после проверки обманщиков наказывали.

Вместе с Туллием наместник и Флавий расспрашивали всех участников бега, думая, что, может, в тот день, когда исчез Рамос, он кому-то мог рассказать о своих планах, но так ничего и не узнали.

Вечером за ужином Гелий первым начал разговор:

– Тит, мне кажется, что ты уже можешь забыть о своем кулоне и, наконец, отправиться к месту своего назначения. Я завтра возвращаюсь в Рим, и так уже задержался в Александрии из-за тебя. Ты же не хочешь, чтобы я сказал Нерону про игнорирование его приказа? Либо завтра отправляешься в Иерусалим, либо возвращаешься со мной в столицу – выбирай.

– Пока я не найду самую ценную для меня вещь, никуда не отправлюсь, даже если мне придется здесь жить всю оставшуюся жизнь, и мне безразлично, что будет!

– Да ты рехнулся, как я погляжу... впрочем, всегда таким был!

– Прошу вас, не надо ругаться, – вмешался в разговор Александр. – Гелий, подожди еще немного, скоро мы найдем сокровище.

– Ты это каждый день говоришь, и что? Вы не приблизились ни на шаг. Мне, конечно, тоже безразлично, ведь это не меня обворовали, но есть приказ, – и он повернулся к Титу: – Прежде чем уплыву, я должен тебя отправить в Иерусалим!

– Зачем меня отправлять? – удивился Флавий. – Это мое дело, когда отправляться в Иудею.

– Нерон подозревает, что ты что-то задумал, и хочет убедиться в твоём отбытии!

– Не смей меня, вспомни лучше, что ты мне говорил на судне о слежке!

Все гости за столом затихли, внимательно прислушиваясь к серьёзному разговору в ожидании узнать очередную сплетню про Нерона.

– Давай не сейчас, – проговорил Гелий сквозь зубы.

– А чего мне бояться? – разошелся Тит. – За мной и так следят все время, знают, что говорю, что делаю, о чем думаю. Так пускай знают, что пока я не найду свое сокровище, никто меня никуда не отправит!

Обиженный Гелий поднялся из-за стола и ушел к себе. Наместник же обратился к Флавию:

– Ты не боишься последствий?

– Я уже ничего не боюсь, пусть он рассказывает что хочет, сейчас меня это волнует меньше всего, – и, поднявшись, произнес: – Аппетит у меня пропал, пойду лучше спать.

– Пока эти дни можешь отдыхать, если что-то узнаем, сразу сообщим тебе, – сказал Тиберий вслед уходящему Титу.

– Благодарю!

...Кругом огонь, крики, страх, ужас. Слезы всех окружавших его людей превращались в кровь, а в глазах молящих был немой вопрос «За что?» Но никакие жалобы, просьбы, молитвы не могли остановить разрушение, кровопролитие, ужас, окружающий их...

Флавий проснулся. Опять, снова этот сон, который почему-то снится только тогда, когда у него плохое настроение, а на сердце тяжело и тревожно, когда кажется, что положение безвыходное. Во всяком случае необходимо сегодня пойти в храм. Так он и сделал после завтрака, в набедренной повязке отправившись вместе с Туллием.

Приехав на место, через внутренний дворик храма Сераписа они вошли в торжественный зал. Там, пока молился Тит, к ним подошел один из жрецов:

– Простите, но здесь можно находиться только в праздничные дни.

– Мы граждане Рима, для нас эти правила не действуют, – ответил покрасневший юноша.

– Тогда чем я могу вам помочь?

– Просто не мешать.

Жрец разозлился, но ничего не сказал и уже собрался уходить, когда к нему обратился Флавий:

– Где сейчас главный жрец?

– Снофру тяжело болен, мы все время просим бога, чтобы он защитил его и спас от тяжелой болезни!

– Чем он болен?

– Пока еще трудно определить, он весь покрыт язвами, если выживет, то это будет настоящее чудо!

– Передай ему, чтобы он скорее выздоравливал.

Жрец поклонился и ушел. Они, постояв еще немного, вышли из храма и сели в паланкин. Тит велел нести их в Иудейский квартал, который находился в дальней восточной части города, рядом с городской стеной.

– Зачем мы отправляемся туда? – спросил Туллий в паланкине.

– Может, там кто-то что-то знает, ведь у Рамоса супруга иудейка. Думаю, что стоит проверить.

– Это все из-за меня, ты рискуешь жизнью из-за моей глупости и...

– Слушай, – перебил его Флавий. – Я тебя уже давно простил, не надо снова вспоминать... забудь!

– Я не могу, как подумаю об этом, так сразу хочется что-то с собой сделать.

– Сделай милость, ничего себе не делай и не думай о кулоне, я верю, он найдется.

– Теперь ты мне точно ничего показывать и рассказывать не будешь!

– Если после этого ты не побежишь на игры и не напьешься!

– Нет, не побегу, мне был хороший урок!

По мере приближения к цели постепенно стали доноситься какие-то крики и шум. Когда они въехали в Иудейский квартал крик множества людей и грохот уже были слышны довольно громко. Рабы остановились, и один из них, отодвинув штору, обратился к Титу:

– Хозяин, давай лучше мы тебя унесем отсюда, с тобой же нет ликторов.

Флавий ничего не ответил, вылез из паланкина и увидел в конце улицы простых граждан, бросавших камни в милес, отбиваясь от нападения. Несколько инсул горело, но никто не собирался их тушить. Туллий стал рядом с другом и сказал:

– Как ты думаешь, может, и нам принять участие в битве?

– Нет, это тебе не игры, здесь погибнуть можно.

Мимо друзей пробегали римские воины, которые, увидев их, остановились:

– Вы иудеи?

– Разве мы похожи на иудеев? – возмутился Тит. – Я трибун из Рима, а это мой друг.

– Тогда нечего вам здесь находиться, мы усмиряем бунт, – и они побежали дальше.

Флавий велел юноше залезть в паланкин и только собрался отправиться за ним, как из одного закоулка выбежала молодая женщина с ребенком и подбежала к Титу.

– Прошу тебя, помоги, спаси, возьми моего сына, его убьют из-за того, что он иудей! – и она отдала ему в руки дитя.

– Но я... я же не могу, пойми... – начал говорить Флавий и заметил приближающихся к нему семерых вооруженных милес.

Женщина их тоже заметила и истерически закричала, прячась за спину Тита. Туллий сразу выскочил из паланкина и попытался остановить воинов, которые подошли к ним, но его отшвырнули в сторону. Флавий же пришел в ярость:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.